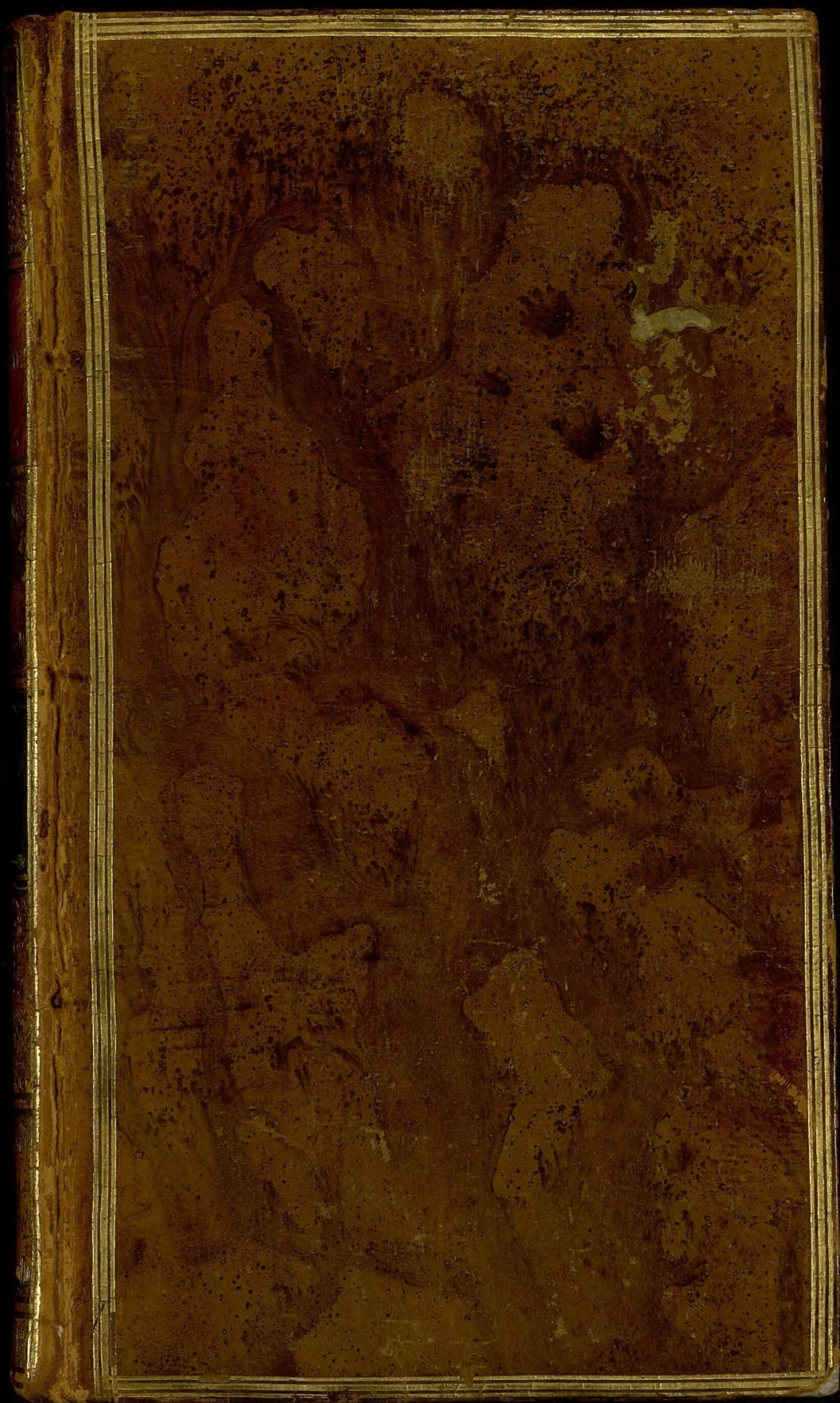
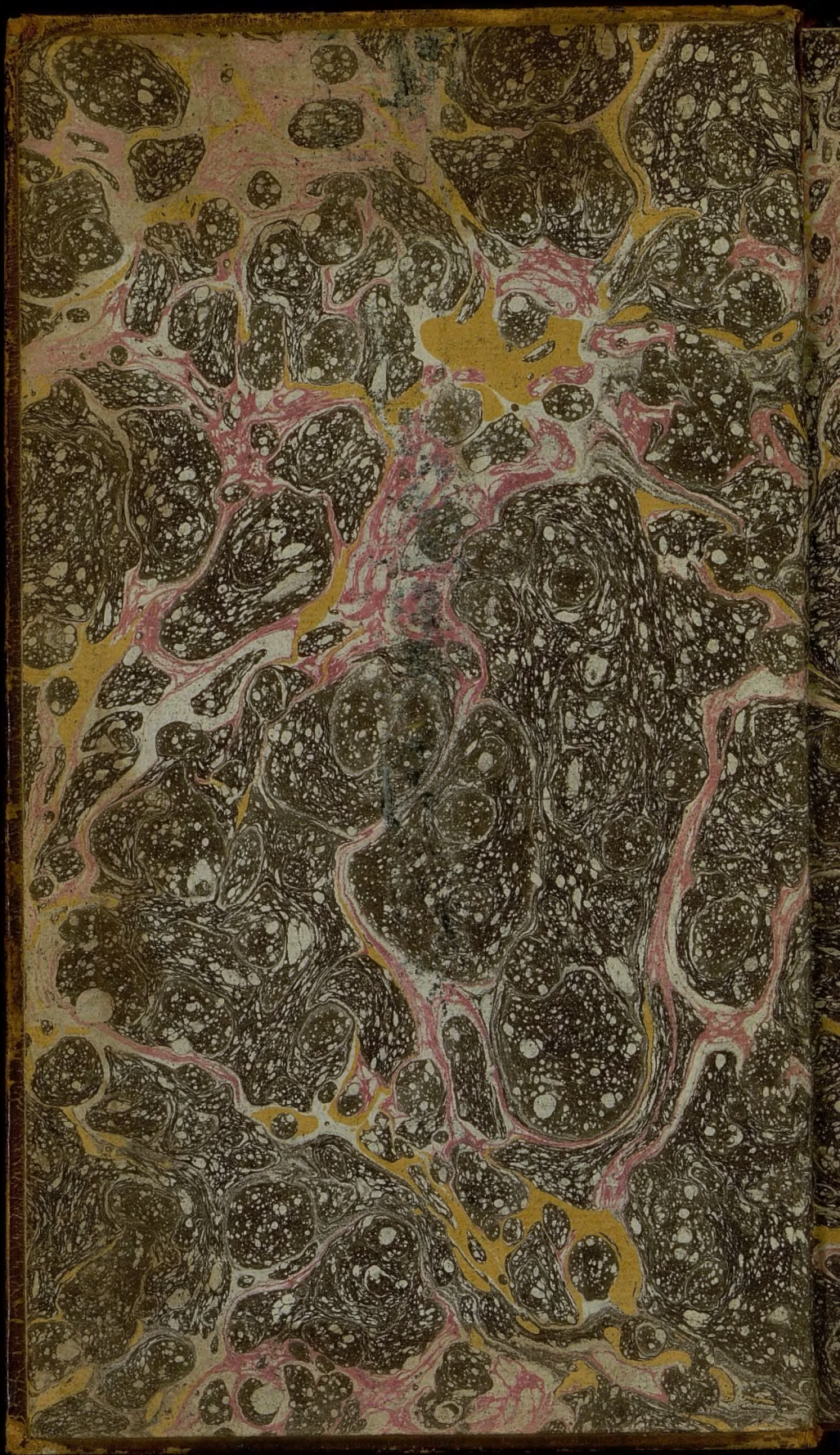
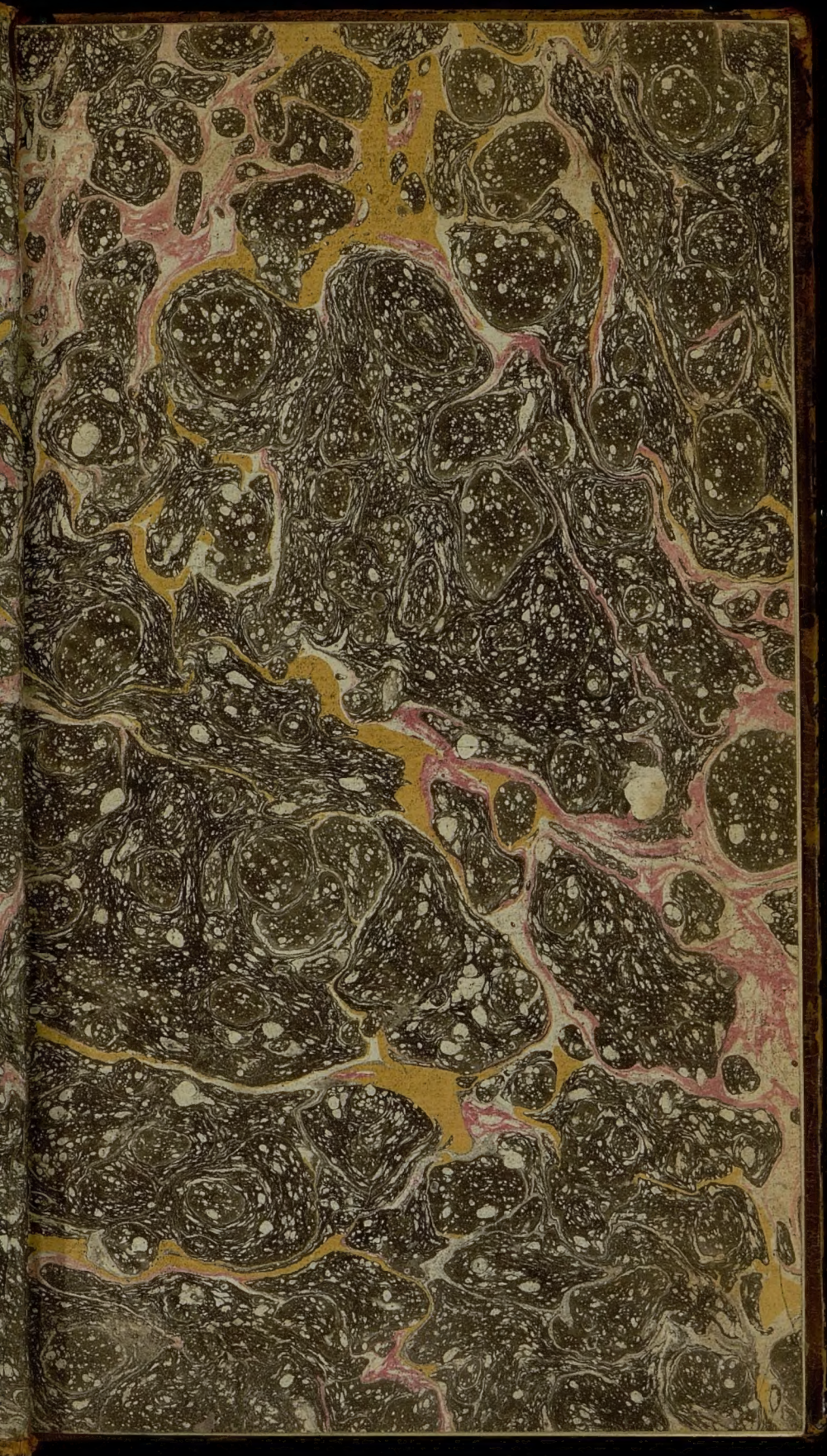
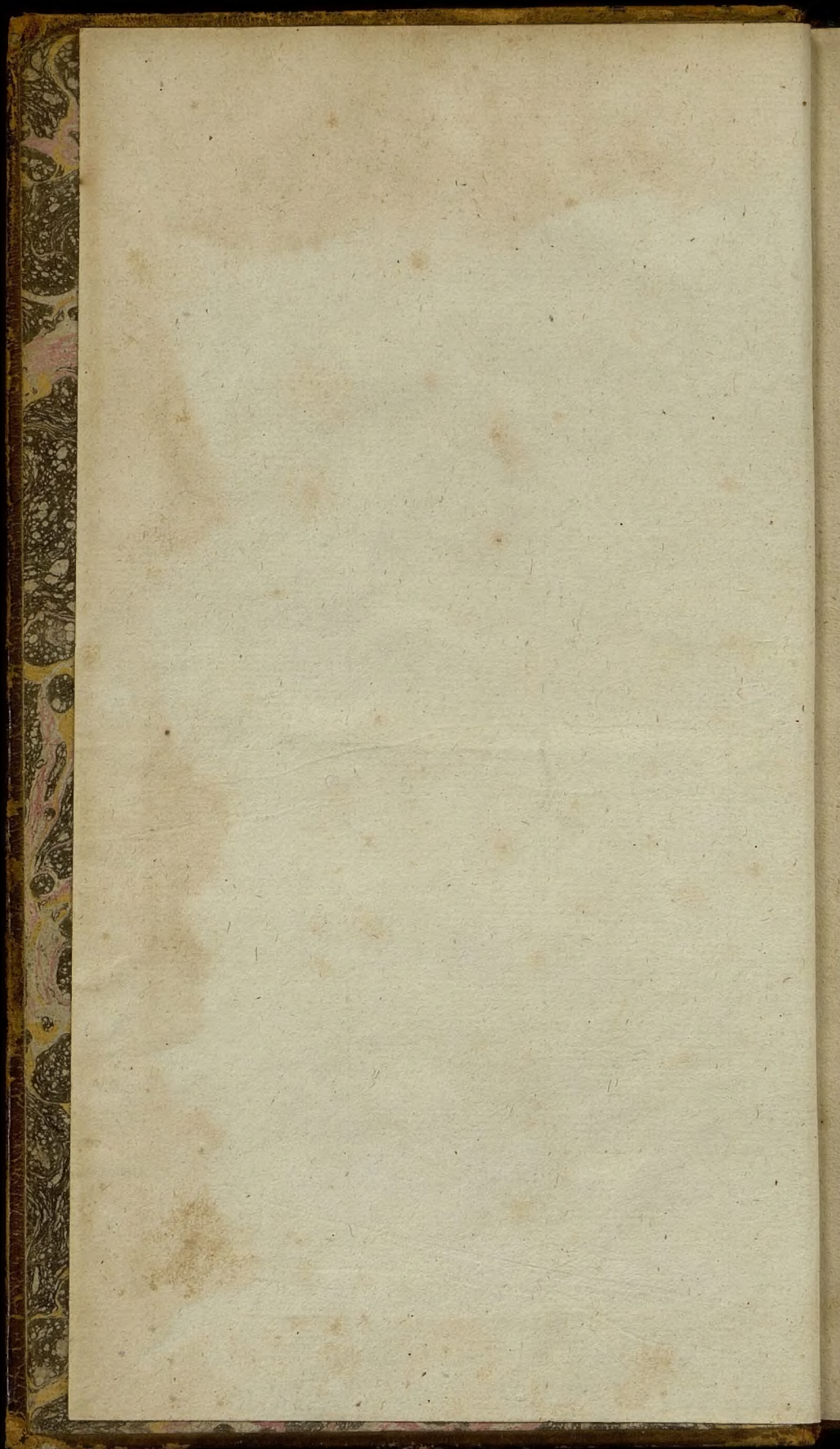
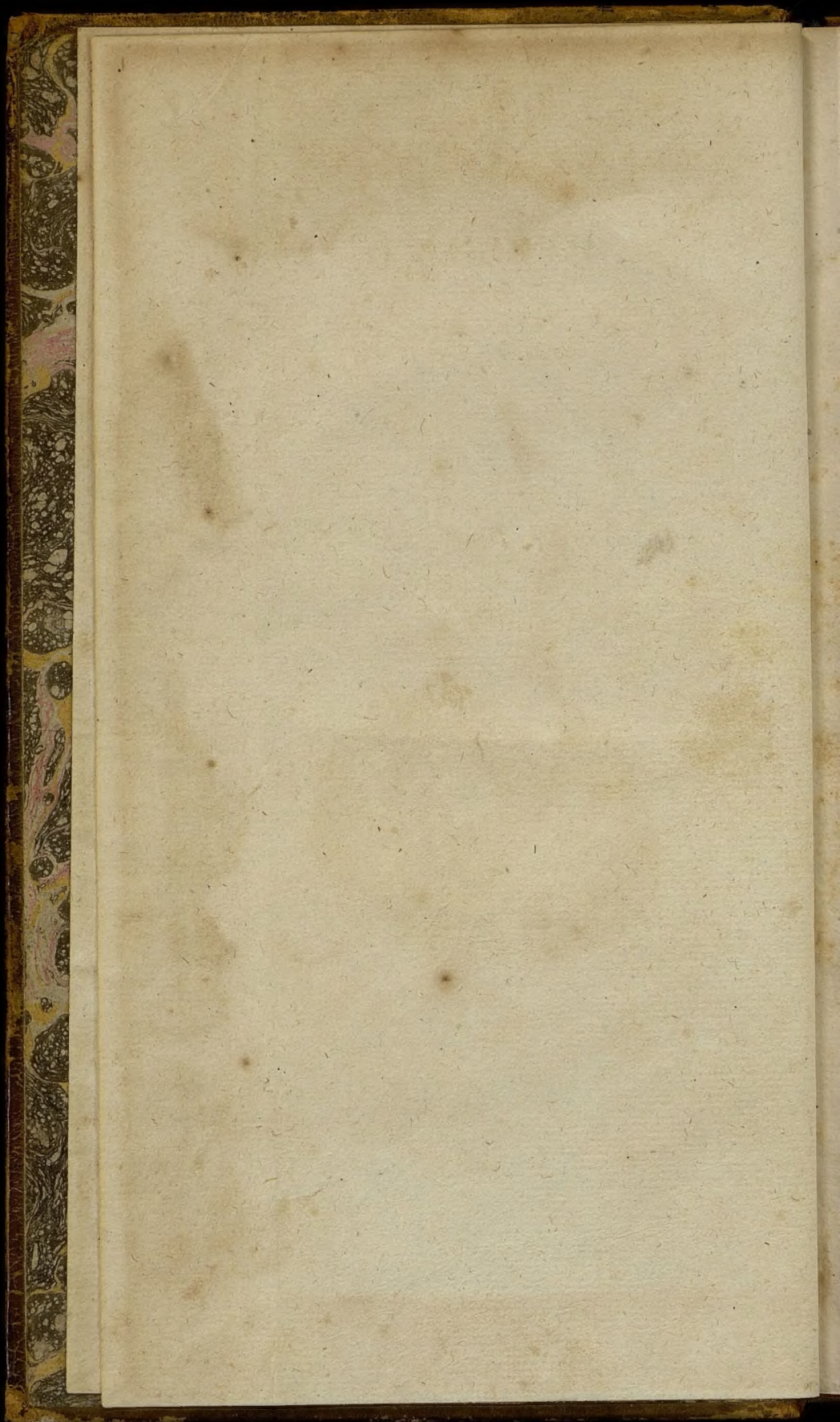

W. W. Drumppie 66.

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
NATURAL HISTORY
OF THE
CITY OF
NEW YORK

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,

ВЗЯТЫХЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ
РОССІЙСКИХЪ И ИЗЪ МНОГИХЪ РУСКИХЪ
ЖУРНАЛОВЪ,

ИЗДАННОЕ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Ununterwiesen wird er als knabe schon
Die Frühlingsblume singen, und froh bestürzt
Sich einen Dichter grüßen hören;
Ihm wird die jüngste der Charitinnen,
Die Tugendfreundinn Scham sich zur Führerin
Erbieten; ihm wird Pallas die Wolke früh
Vom Auge nehmen, das ihr Jünger
Wahrheit und blendenden Trug erkenne.
In Wäldern wird er einsam den Vater der
Natur verehren. Endlich, o Lycidas!
Erwartet er, gleich eines fremden
Mannes Besuche, den Tod mit Gleichmuth.

K A M L E R.

МОСКВА.

~~~~~  
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.  
~~~~~

1 8 1 1.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Въ младенческихъ лѣтахъ еще будетъ онъ (Поэтъ) воспѣвать
весенніе цвѣты и радостно изумится, когда скажутъ ему:
ты Поэтъ. Ему соупницею будетъ младшая изъ Харитъ,
подруга добродѣтели, Стыдливостъ; рано сниметъ съ очей
его облако мрака Паллада: да видитъ онъ истинну, да
узнаетъ обманъ ослѣпительный. Въ глубинѣ лѣса будетъ
онъ поклоняясь опцу Природы и наконецъ, о Лизидасъ,
встрѣтитъ онъ Смерть, подобно чужеземному посѣтителю,
съ равнодушіемъ.

РАМЛЕРЪ.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для
Округа Императорскаго Московскаго Университета.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т Р Е Т І Е Й Ч А С Т И.

П О В Ъ С Т И.

	Стран.
I. Ильѣ Муромецѣ.	3
II. Свѣшлана и Мспиславѣ.	18
III. Громвалѣ.	34
IV. Амурѣ, лишенный зрѣнія.	48

С К А З К И.

I. Воздушныя башни.	59
II. Приспѣженный мудрецѣ.	65
III. Телема и Макарь.	77
IV. Модная жена.	83
V. Альнаскарѣ.	90
VI. Причудница.	96

IV Оглавленіе.

В А С Н И.

	Стран.
I. Дубъ и Трость.	- 113
II. Волкъ-пасухъ.	- 115
III. Яйцо.	- 116
IV. Конь и Осель.	- 117
V. Строишель.	- 118
VI. Ласточка и Птицы.	- 119
VII. Марпышка и Кошка.	- 121
VIII. Мѣшокъ.	- 123
IX. Лисица - кознодѣй.	- 125
X. Волкъ и Ягненокъ.	- 127
XI. Пустынникъ и Фортуна.	- 129
XII. Два сосѣда.	- 131
XIII. Заяцъ и Лягушка.	- 133
XIV. Ощипанный пѣтухъ.	- 134
XV. Амуръ, Гименъ и Смерть.	- 136
XVI. Дубъ, Кусты и Трость.	- 137
XVII. Сурокъ и Щегленокъ.	- 139
XVIII. Рысь и Крошъ.	- 140
XIX. Мышь.	- 141
XX. Солнечные часы.	- 142
XXI. Чижъ и Зяблица.	- 143
XXII. Барсъ и Бѣлка.	- 145
XXIII. Тѣнь мужья и Харонъ.	- 146
XXIV. Мышь, удалившаяся отъ свѣта.	- 148
XXV. Старикъ и шрое молодыхъ.	- 150
XXVI. Два Голубя.	- 152
XXVII. Царь, Крестыанинъ и Пустынникъ.	- 156
XXVIII. Баронъ.	- 158

Оглавление.

V

Стран.

XXIX. Соловей и Малиновка.	-	-	160
XXX. Пчела.	-	-	163
XXXI. Воспитаніе Льва.	-	-	164
XXXII. Левъ и Каршина.	-	-	168
XXXIII. Фениксъ.	-	-	169
XXXIV. Жаворонокъ съ дѣшми и Земле- дѣлецъ.	-	-	171
XXXV. Богачъ и Бѣднякъ.	-	-	174
XXXVI. Моръ звѣрей.	-	-	176
XXXVII. Прохожій.	-	-	179
XXXVIII. Орлы.	-	-	180
XXXIX. Крестьянинъ и Смерть.	-	-	182
XL. Любовь и Время.	-	-	184
XLI. Скрышка.	-	-	185
XLII. Голубь и Муравей.	-	-	186
XLIII. Кедръ.	-	-	187
XLIV. Царь и два Пастуха.	-	-	189
XLV. Мирза и Соловей.	-	-	191
XLVI. Странные люди.	-	-	193
XLVII. Орелъ и Бабочка.	-	-	195
XLVIII. Лиса - проповѣдница.	-	-	197
XLIX. Лягушки, просящія Царя.	-	-	199
L. Комаръ и Журавль.	-	-	202
LI. Филинъ и Мудрецъ.	-	-	203
LII. Левъ, учредившій Совѣтъ.	-	-	204
LIII. Молчаніе Соловья.	-	-	205
LIV. Муха.	-	-	206
LV. Волкъ и Ягненокъ.	-	-	207
LVI. Обозъ.	-	-	209
LVII. Волче разсужденіе.	-	-	210
LVIII. Обезьяны.	-	-	210

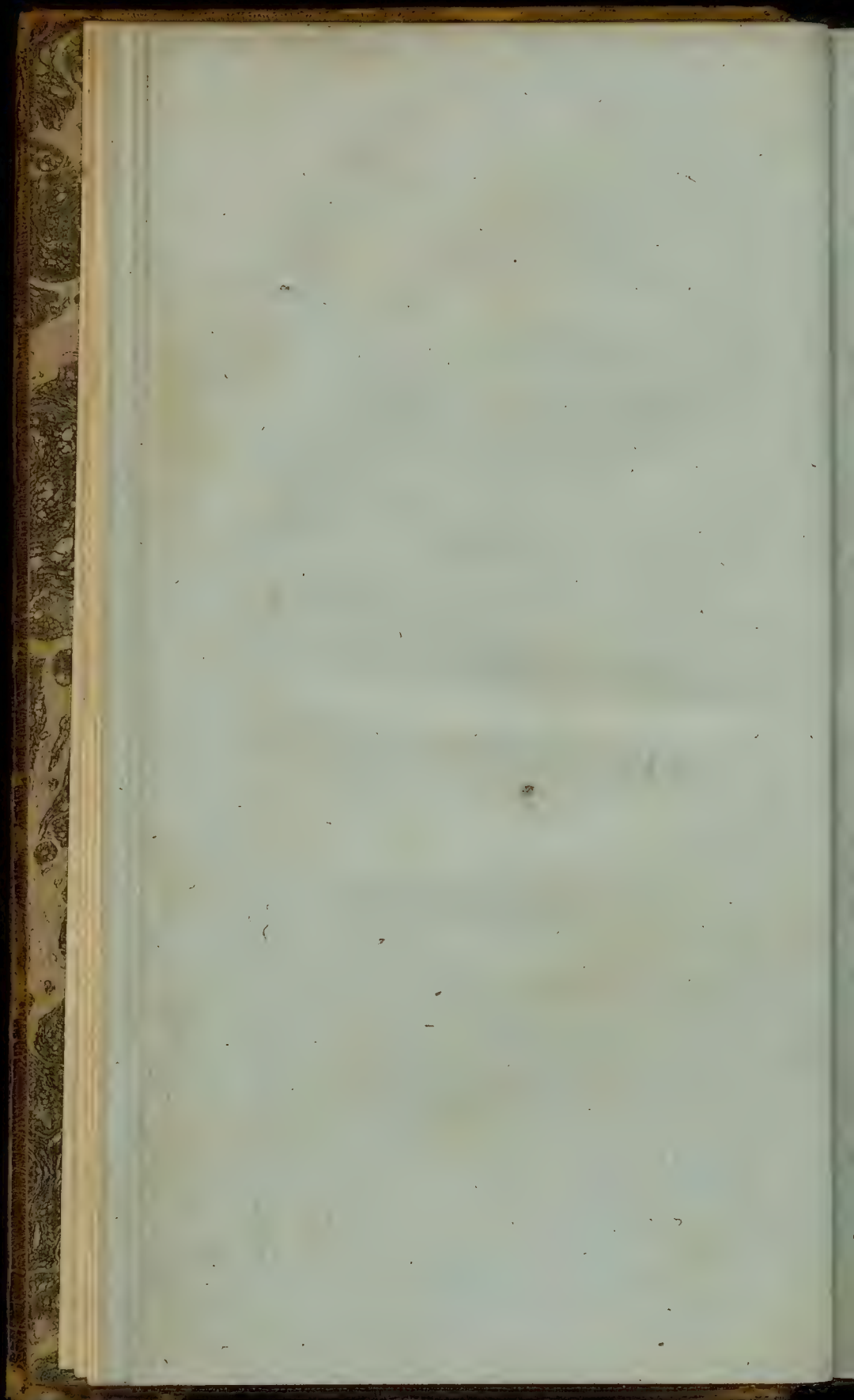
VI Оглавленіе.

	Стран.
LIX. Голубка и Бабочка.	- 212
LX. Слѣпецъ и Разслабленный.	- 213
LXI. Лошадь съ возомъ.	- 215
LXII. Оракулъ.	- 216
LXIII. Заяцъ и Медвѣдь.	- 217
LXIV. Фіалка и Подсолнечникъ.	- 219
LXV. Домовой.	- 220
LXVI. Философія Бабочки.	- 223
LXVII. Искатели Форшунъ.	- 226
LXVIII. Пусшынникъ и Медвѣдь.	- 230
LXIX. Крынка молока.	- 233
LXX. Орелъ и Червякъ.	- 234
LXXI. Воля и Неволья.	- 235
LXXII. Кошка и Пѣтухъ.	- 238
LXXIII. Куры и Голубка.	- 239
LXXIV. Марышка.	- 240
LXXV. Донъ Кишощъ.	- 241
LXXVI. Пыль и Алмазъ.	- 244
LXXVII. Орелъ и Змѣя.	- 245
LXXVIII. Меркурій и Умершіе.	- 246
LXXIX. Левъ и его любимецъ.	- 248
LXXX. Скворецъ, Сорока и Попугай.	- 249
LXXXI. Метѣфизикъ.	- 251
LXXXII. Сверчки.	- 253
LXXXIII. Японецъ.	- 255
LXXXIV. Котъ, Кроликъ и Ласточка.	257
LXXXV. Лисица и Сорока.	- 260
LXXXVI. Смерть и Умирающій.	- 262
LXXXVII. Невѣста.	- 265
LXXXVIII. Два Голубя.	- 268

III.

2
3
5
6
7
9
0
3
6
0
3
4
5
8
9
0
1
4
5
6
3
9
1
3
5
7
0
2
5
6

П О В Ъ С Т И.

Oh l'heureux tems que celui de ces fables,
Des bons demons, des esprits familiers,
Des farfadets aux mortels secourables!
On ecoutait tous ces faits admirables
Dans son chateau, pres d'un large foyer:
Le pere et l'oncle et la mere et la fille,
Et les voisins, et toute la famille,
Ouvraient l'oreille à monsieur l'aumonier,
Qui leur faisoit des contes de sorcier.
On a banni les demons et les fees:
Sous la raison les graces etouffées,
Livrent nos coeurs à l'insipidité;
Le raisonner tristement s'accredite:
On court, hélas! après la verité;
Ah! croyez moi, l'erreur a son mérite.

VOLTAIRE.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

О щасливыя времена вымысловъ, благодѣтельныхъ духовъ и добрыхъ волшебниковъ! съ какимъ удвольствіемъ бывало въ старинномъ дѣдовскомъ Замкѣ собирались къ огню слушать рассказы о подвигахъ чудесныхъ; и отецъ, и дядя, и мать, и дочь, и сосѣди, и все семейство ловили съ жадностію каждое слово господина Капеляна, который рассказывалъ сказки о колдунахъ. Увы! исчезли и добрые демоны и волшебники: угрюмый умъ поссорился съ Граціями; печальное умствование входитъ въ силу — всѣ бѣгутъ за истиною. Но, друзья мои, повѣрьте: и заблужденіе имѣетъ свою цѣну.

Вольтеръ.

П О В Ъ С Т И.

I.

И л ь я м у р о м е ц ъ.

Вогагырская повесть.

Не хочу съ Поашомъ Греціи
Звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
Пѣшь вражды Агамемноновой
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
Или, слѣдуя Виргилію,
Плышь опѣ Трои разоренныя
Съ хитрымъ сыномъ Афропидинымъ
Къ зачатымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Мифологіи
Черпашъ дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
Мы не вѣримъ, чѣобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родителя
Превратить въ уродъ жалкаго;
Чѣобы Лебѣ были — курицы,
И несли весною яйца;
Чѣобы Поллуксы съ Эленами
Родились опѣ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
Мы другія сказки слышали

Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
 Я намѣренъ слогомъ древности
 Разсказать шеперь одну изъ нихъ
 Вамъ, любезные читатели,
 Ешлы вы, въ часы свободныя,
 Удовольствіе находише
 Въ Рускихъ басняхъ, въ Рускихъ повѣстяхъ,
 Въ смѣси былей съ небылицами,
 Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
 Въ сихъ мечпахъ воображенія.
 Ахъ, не всё намъ горькой истиной
 Мучить томныя сердца свои!
 Ахъ, не всё намъ рѣки слезныя
 Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
 На минушу позабудемъ
 Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Не хочу я на Парнассъ иди;
 Нѣтъ! Парнассъ гора высокая,
 И дорога къ ней не гладкая.
 Я видалъ, какъ наши виписи,
 Наши стихо-риемо-дѣтели,
 Упиваясь одобрѣемъ,
 Лѣзущъ на вершину Пиндову,
 Обступаются и внизъ лепящъ,
 Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
 Но съ ушами (ахъ!) ослиными,
 Для позорища насмѣшникамъ!
 Нѣтъ, любезные читатели!
 Я прошу васъ не шуда съ собой.
 Близъ моей смиренной хижинъ,
 На берегу рѣки прозрачныя,
 Роща древняя, дубовая,
 Насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.

Тамъ мой дѣдушка на старости
 Въ жаркой полдень отдыхалъ всегда
 На колѣняхъ милой бабушки;
 Тамъ висѣлъ его пернаый шлемъ;
 Тамъ висѣлъ его булашный мечъ,
 Коимъ онъ враговъ отечества
 За гордыню ихъ наказывалъ —
 (Кровь Турецкая и Шведская
 И теперь еще видна на немъ).
 Тамъ я, сяду на берегу рѣки,
 И подъ тѣнью древъ развѣсисныхъ
 Буду повѣсть вамъ рассказывать.
 Тамъ вы можете психохонько,
 Ежели скучно вамъ покажется,
 Раза два зѣвнувъ, сомкнуть глаза.

Ты, копорая въ подсолнечной
 Всюду видима и слышима!
 Ты, копорая какъ богъ Прошей
 Всякой образъ на себя берешь,
 Всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
 Удивляешь, забавляешь насъ, —
 Все вѣщаешь, кромѣ . . . истины;
 Объявляешь съ газетирами
 Сокровенности полиптики;
 Сочиняешь съ стихотворцами
 Знашнымъ похвалы прекрасныя,
 Величаешь Паншомороса (*)
 Славнымъ, безпримѣрнымъ авторомъ;
 Съ Алхимисмомъ открываешь намъ
 Тайну камня философскаго;
 Изъясняешь съ системашикомъ

(*) То есть обаръ - дурака.

Связь души съ тѣлесной сущностью
 И свободы человѣческой
 Съ непремѣнными законами ; —
 Ты, которая съ Людмилою
 Нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
 Мнѣ сказала : *я люблю тебя!*
 О богиня свѣта бѣлаго —
Ложь , неправда , призракъ истины !
 Будь шеперь моей богинею ,
 И цвѣтами луга Рускаго
 Убери Героя древности ,
 Величайшаго изъ витязей ,
 Чудодѣя *Илью Муромца !*
 Я объ немъ хочу бесѣдовать , —
 Объ его безсмертныхъ подвигахъ.
 Ложь ! съ побѣю не учишься мнѣ
 Небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилось
 На лазури неба чистаго ,
 И лучами злата яркаго
 Освѣтило рощу тихую ,
 Холмъ зеленый и цвѣтущій долъ.
 Улыбнулось все твореніе ;
 Воды съ блескомъ зашпружились ;
 Травки , ночью освѣженные ,
 И цвѣточки благовонные
 Разтворили воздухъ упреннѣй
 Сладкимъ духомъ , ароматами.
 Всѣ кусточки оживились ;
 И пернатые малюточки ,
 Конопляночка съ малиновкой ,
 Въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали
 День , безпечность и спокойствіе.

Никогда въ Россійской области
 Не бывало устро лѣшнее
 Веселѣе и прекраснѣе !

Ктожь симъ упрямъ наслаждается ?
 Кто на спашномъ соловомъ конѣ,
 Черный щипъ держа въ одной рукѣ,
 А въ другой конь булатное,
 Ъдетъ по лугу, какъ грозный Царь ?
 На главѣ его пернатый шлемъ
 Съ золошою, свѣтлой бляхою
 На бедрѣ его тяжелый мечъ ;
 Лапы, солнцемъ освѣщенныя,
 Сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
 Кто сей вицязь, богатырь молодой ?
 Онъ подобенъ Маю красному :
 Розы алыя съ лилеями
 Разцвѣщаютъ на лицѣ его.
 Онъ подобенъ миршу нѣжному :
 Тонокъ, прямъ и величавъ собой.
 Взоръ его быстрѣй орлиного
 И свѣтлѣе ясна мѣсяца.
 Кто сей Рыцарь ? — Илья Муромецъ !
 Онъ пробѣжалъ дикой, темной лѣсѣй,
 И глазамъ его является
 Поле гладкое, обширное,
 Гдѣ Природою разсыпаны.
 Въ изобиліи дары земли.
 Вицязь Геснера не чинывалъ ;
 Но имѣя сердце нѣжное,
 Любовался красою дня ;
 Тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
 И въ душѣ своей чувствительной
 Жершву утреннюю, чисную,

Приносилъ Царю небесному :

„Ты , Который украшаешь все,
 „Руской Богъ и Богъ вселенныя !
 „Ты , Который надбляешь насъ
 „Всѣми благами щедрошъ Своихъ !
 „Будь всегда моимъ помощникомъ !
 „Я клянуся вѣчно слѣдовать
 „Богатырскимъ предписаніямъ
 „И уславамъ добродѣтели ,
 „Быть защитникомъ невинности ,
 „Бѣдныхъ , сирыхъ и несчастныхъ вдовъ ,
 „И наказывать мечемъ своимъ
 „Злыхъ пирановъ и волшебниковъ ,
 „Устрашающихъ сердца людей ! “ —

Такъ Герой нашъ размышлялъ въ себѣ ,
 И повсюду обращая взоръ ,
 За кустами , впереди себя ,
 Надъ струями рѣчки быстрия ,
 Видишь свѣтло - голубой шатеръ ,
 Видишь ставку богатырскую ,
 Съ золотою круглой маковкой .
 Онъ къ кусточкамъ приближается ,
 И спучишь копьемъ въ желѣзный щитъ ;
 Но отвѣшу богатырскаго
 Нѣтъ на спукъ его оружія .
 Бѣлый конь гуляетъ по лугу ,
 Не осѣдланный , не взызданный ,
 Щиплетъ травку ароматную ,
 И слѣды подковъ серебряныхъ
 Оставляетъ на росѣ цвѣтловъ .
 Не выходишь випязь къ випязю
 Поклонись , ознакомись .

Удивляется нашъ Муромецъ;
 Смотришь на небо и думаешь:
 „Солнце выше горъ лазоревыхъ,
 „А Россійской богатырь въ шатрѣ
 „Не ужель еще покоишься?“ —
 Онъ пускаетъ на зеленой лугъ
 Своего коня надежнаго,
 И вступаетъ смѣлой поступью
 Въ ставку съ золошою маковкой.

Для чего Природа дивная
 Не дала мнѣ дара чуднаго
 Нѣжной кистію прельщать глаза,
 И писать живыми красками
 Съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
 Ахъ, тогда бы я представилъ вамъ,
 Что увидѣлъ въ шатрѣ Муромецъ
 Въ ставкѣ съ золошою маковкой.
 Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
 Безпримѣрную красавицу,
 Всѣхъ любезностей собраніе,
 Рѣдкость милыхъ женскихъ прелестей;
 Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли,
 Какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
 Наслаждалась въ голубомъ шатрѣ,
 Размешавшись на цвѣтной травѣ;
 Какъ ея густые волосы,
 Свѣтлорусые, волнистые,
 Осѣняли бѣлизну лица,
 Шеи, груди алебастровой,
 И свиваясь, развиваясь,
 Упадали на колѣна къ ней;
 Какъ ея рука лилейная,
 Гдѣ всѣ жилки васильковыя
 Были съ нѣжностью означены,

Ея голову покоила ;
 Какъ одежда сѣго - бѣлая ,
 Полошняя , пончайшая ,
 Отъ дыханья груди полныя
 Трепешала шикимъ препешомъ .
 Но не можно въ сказкѣ выразить ,
 И не можно написать перомъ ,
 Чѣмъ глаза Героя нашего
 Услаждались на ея челъ ,
 На ея устахъ малиновыхъ ,
 На ея бровяхъ возвышенныхъ ,
 И на всемъ лицѣ красавицы . —
 Лапы съ золотой насѣчкою ,
 Шлемъ съ перомъ заморской *жарь-птицы* ,
 Мечъ съ попарной рукояткою ,
 Копье съ булатнымъ остриемъ ,
 Шитъ изъ спали вороненыя
 И сѣдло съ блестящей осыпью
 На правѣ лежали вкругъ ея .

Сердце швердое , геройское ,
 Твердо въ битвахъ и сраженіяхъ
 Со врагами добродѣтели —
 Твердо въ бѣдствіяхъ , опасностяхъ ;
 Но не швердо противъ женскихъ смръбъ ,
 Мягче воску бѣлояраго
 Противъ нѣжныхъ , милыхъ прелестей .
 Виписъ зналъ красавицъ множество
 Въ безпредѣльной Руской области ,
 Но такой еще не видывалъ .
 Взоръ его не отвращается
 Отъ румянаго лица ея .
 Онъ боится разбудить ее ;
 Онъ досаждаетъ , что сердце въ немъ

Бьется съ частымъ, сильнымъ шрепетомъ;
 Онъ дыханіе въ груди своей
 Оспанавливать спарается,
 Чѣобы долѣ красавицу
 Безпрерывно разсмащивать.
 Но ему опять желается,
 Чѣобѣ красавица очнулась вдругъ;
 Ему хочется глаза ея —
 Вѣрно свѣплые, любезные —
 Видѣть подѣ бровями черными;
 Ему хочется внимать ея
 Гласу тихому, пріятному;
 Ему хочется узнать ея
 Любопытную исторію,
 И откуда, и куда она,
 И за чѣмъ дѣвица красная
 (Вишьязь думалъ и угадывалъ,
 Чѣо она была дѣвицею)
 Ъзидѣ по свѣшу геройствовать,
 Подвергается опасностямъ
 Жизни шрудной, жизни рыцарской,
 Не щадя весеннихъ прелестей,
 Не бояся жара, холода.
 „Руки слабой, плѣнной женщины
 Могущѣ шить сребромъ и золомъ
 Въ красномъ и покойномъ перемѣ —
 Не мечемъ и не копьемъ владѣть;
 Могущѣ друга, сердцу милаго,
 Жить съ любовью къ сердцу нѣжному —
 Не гиганшовѣ на поляхъ разить.
 Ешлы кто изъ злыхъ волшебниковъ
 Въ плѣнъ возмешъ дѣвицу юную:
 Ахъ, чѣо злодѣй безчувственной
 Съ нею въ ярости не сдѣлаешъ!“ —

Такъ Илья съ собой бесѣдуетъ,
И взираетъ на прекрасную.

Время быстрою стрѣлой летитъ;
Часъ проходитъ за минутами,
И за ушромъ полдень слѣдуетъ —
Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
И съ зѣирною прохладою
Вечеръ сходитъ съ неба яснаго
На луга и поле чистое —
Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакъ спускается,
И густыя тѣмы покроями
Одѣваетъ землю тихую;
Слышно ручейковъ журчаніе,
Слышно эхо опдаленное
И въ кушочкахъ соловей поетъ —
Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Тщешно вишазь дожидается,
Чтобы грудь ея высокая
Вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
Чтобъ она рукою бѣлою
Хотя разъ тихонько пронулась
И открыла очи ясныя —
Незнакомка спитъ по прежнему.

Онъ садится въ голубомъ шапфѣ,
И взираетъ на прекрасную,
Видитъ въ самой темнотѣ ночной
Красоту ея небесную,

Видишь — въ пронумой душѣ своей
И въ своемъ воображеніи;
Чувствуешь ея дыханіе,
И не мыслишь успокоиться
Въ часъ глубокаго полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
День проходитъ, наступаетъ ночь —
Незнакомка спишь по прежнему.
Рыцарь нашъ сидишь какъ вкопаной;
Забываешь пищу, нужный сонъ.
Всякой часъ, минушу каждую
Онъ находитъ нѣчто новое
Въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
И — недѣли цѣлой нѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные чипашели,
Должно будетъ изъясниться намъ,
Уничтоживъ возраженія
Строгихъ, блѣднолицыхъ криптиковъ.
„Какъ Илья, хопя и Муромецъ,
Хопя и виписъ Руси древнѣя,
Могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
Не вставая, на одномъ мѣстѣ;
Могъ ни маковыя росинки
Въ ротъ не брать, дремы не чувствовать?“
Вы слышали, какъ монахъ святой,
Наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
Райской песнрой конопляночки,
Могъ безъ пищи и безъ сна пребыть
Не недѣлю, но столѣтіе.

Развѣ прелести красавицы
Не имѣютъ чародѣйствія

Райской пестрой конопляночки ?
 О друзья мои любезные !
 Естлибъ знали вы , что женщины
 Могутъ дѣлать съ нами бѣдными ! . . .
 Ахъ ! спросите стариковъ сѣдыхъ ;
 Ахъ ! спросите самого меня . . .
 И краснѣя , вамъ признаюся ,
 Что волшебный видъ прелесницы —
 Не хочу теперь называть ее —
 Былъ мнѣ пищею небесною ,
 Олимпійскою амброзѣй ;
 Что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не спать ,
 Лишь бы видѣть могъ жеспокую ! . . .
 Но боюсь говорить объ ней ,
 И къ Герою возвращаюся .

„Что за чудо ! Рыцарь думаетъ :
 Я слыхалъ о богатырскомъ снѣ ;
 Иногда онъ продолжается
 Три дни съ часомъ , но не болѣе ;
 А красавица любезная . . .“
 Тупъ онъ видѣтъ муху черную
 На ея устахъ малиновыхъ ;
 Забываетъ разсужденія ,
 И рукою богатырскою
 Гонишь злаго насѣкомаго ;
 Машетъ пальцемъ указательнымъ ,
 (Гдѣ сѣялъ большой златой перстень ,
 Съ талисманомъ *Велеславинымъ*) —
 Машетъ , шихо прикасается
 Къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
 И красавица любезная
 Распворяетъ очи ясныя !

Кто опишетъ милый взоръ ея,
 Кто улыбку пробужденія,
 Ту любезность несказанную,
 Съ коей, вставъ, она привѣтствуетъ
 Незнакомаго ей Рыцаря?

„Долгобъ спашь мнѣ непрерывнымъ сномъ,
 Юный Рыцарь! (говоришь она),
 Если бѣ ты не разбудилъ меня.
 Сонъ мой былъ очарованіемъ
 Злаго, хищраго волшебника,
Черномора - ненавистника.

Вижу перстень на руцѣ твоей,
 Перстень добрыхъ волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:
 Онъ своею тайной силою,
 Прикоснувшись къ моему лицу,
 Уничтожилъ заклинаніе
Черномора - ненавистника.“

Вишазъ снялъ съ себя пернатый шлемъ:
 Чернobarхашные волосы
 По плечамъ его рассыпались.
 Какъ заря албешъ на небѣ,
 Разливаясь въ морѣ розовомъ
 Предъ восходомъ солнца краснаго:
 Такъ румянецъ на щекахъ его
 Разливался въ аломъ пламени.
 Какъ роса сіяетъ на полѣ
 Осребренная свѣтиломъ дня:
 Такъ сердечная чувствительность
 Въ маслѣ глазъ его свѣтилася.
 Стоя съ видомъ милой скромности
 Предъ любезной незнакомою,
 Тихимъ и дрожащимъ голосомъ
 Онъ красавицѣ оповѣстиваетъ:

„Даръ волшебницы любезныя
 Милъ и дорогъ моему сердцу;
 Я ему обязанъ щастіемъ
 Видѣшь ясный свѣтъ очей твоихъ.“
 Взоромъ нѣжнымъ, выразицельнымъ
 Онъ сказалъ гораздо болѣе.
 Тутъ красавица примѣшила,
 Что одежда полошняя
 Не шемница для красотъ ея;
 Что любезный Рыцарь - юноша
 Догадаться могъ легохонько,
 Гдѣ подъ нею что шайлося. — — —
 Такъ сѣдый шуманъ, волнуясь
 Надъ долиною зеленою,
 Не совсѣмъ скрываетъ холмики,
 Посреди ея цвѣшущіе;
 Глазъ внимательнаго спранника
 Сивозъ волненіе шуманное
 Видишь ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ пошупила —
 Закраснѣлася, какъ маковъ цвѣтъ,
 И взялась рукою бѣлою
 За доспѣхи богатырскіе.
 Рыцарь понялъ, что красавица
 Безъ свидѣтелей желаетъ
 Нарядиться юнымъ вишаземъ.
 Онъ изъ спавки вышелъ бережно;
 Посмотрѣлъ на небо синее,
 Прислонился къ вязу гибкому,
 Бросилъ шлемъ пернашый на землю,
 И рукою подперъ голову.
 Что онъ думалъ, мы не скажемъ вдругъ;
 Но въ глазахъ его задумчивостьъ

Точно такъ изображалася,
 Какъ въ ручьѣ густое облако;
 Томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
 Конь его, товарищъ, вѣрный другъ,
 Видя Рыцаря, бѣжитъ къ нему;
 Ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
 Поднимая гриву бѣлую,
 Извивая хвостъ изгибистый;
 Но Герой нашъ нечувствителенъ
 Къ ласкамъ, къ радости товарища,
 Своего коня надежнаго;
 Онъ споитъ, молчитъ и думаетъ.
 Долголь, долголь думаетъ Муромцу?
 Нѣтъ, не долго! — Раскрываюшся
 Полы свѣтлоглубой спавки,
 И глазамъ его является
 Незнакомка въ видѣ Рыцаря:
 Шлемъ пернатый развѣвается
 Надъ ея челомъ возвышеннымъ;
 Героиня подпирается
 Копьемъ съ булатнымъ острѣемъ;
 Мечъ блискаетъ на бедрѣ ея. —
 Въ ту минушу солнце красное
 Возсѣло ярче прежняго,
 И лучи его съ любовію
 Пролилися на красавицу.

Съ крошкой, нѣжною улыбкою
 Смолитъ милая на вишняхъ,
 И движеньемъ глазъ лазоревыхъ
 Говоритъ ему: — „мы можемъ състѣ
 „На правѣ благоухающей,
 „Подъ сѣнскими кусточками.“ —
 Рыцарь скоро приближается,

И сядишся съ Героинею
 На правѣ благоухающей
 Подъ сѣнистыми кусточками;
 Дѣвъ минушы продолжается
 Ихъ глубокое молчаніе;
 Въ третью чудо совершается — — —

КАРАМЗИНЪ.

II.

СВѢТЛАНА И МСТИСЛАВЪ,

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Свѣшлана въ Кіевѣ щасливомъ
 Красой и младостью цвѣла,
 И изо всѣхъ красавицъ дивомъ
 При Княжескомъ дворѣ была;
 Но болѣе еще сѣла
 Душевною прелестію она:
 Съ пріятіемъ кропоси сѣдичала,
 Была невинна и умна.

Князей, Богатырей и Гридней *)
 Всегда шекла шолпа за ней;

*) Гридью или Гридинами назывались придворные во времена первыхъ Князей — Гридня и Гридница черпогъ или зала дворцовая. *Авт.*

„Свѣшлана Лады миловиднѣй!“

Баяны *) напѣвали ей.

И кшобѣ, взглянувѣ, не покорилси

Ея божественнымѣ очамѣ!

Вѣ любви достойную влюбилси

Великій Князь Владимѣръ самѣ.

„Люби меня, дѣвица красна!

Владимѣръ - солнце ей швердитѣ :

*) Баяны, Русскіе Барды. — Прежде нежели изѣ пѣсни о походѣ Игоря, напечатанной вѣ 1800 году, спало намѣ извѣстно объ одномѣ какомѣ-то Баянѣ или Боянѣ, случилось мнѣ прочесть имя Баяновѣ во множественномѣ числѣ вѣ книгѣ подѣ названіемѣ: *Пріяни. и по-лезн. препровожденіе еремени*; именно же пѣснь *Кіевскихѣ Баяновѣ* и пр., сочиненіе Г. Нарѣжнаго. Но знаю, откуда сочинитель сей пѣсни взлѣ своихѣ Баяновѣ, изѣ народныхѣ ли накихѣ преданій, сказокѣ или пѣсенѣ, или изѣ рукописи, содержащей пѣснь о походѣ Игоря, которая, можетѣ быть, ему еще до напечатанія была извѣстна. Какѣ бы то ни было, я согласенѣ съ Г. Нарѣжнымѣ принимать ими Баяновѣ во множественномѣ числѣ, разумѣя подѣ онымѣ поэтовѣ, какіе должны были находилси при дворѣ Государей древнихѣ. Чтѣ сіи поэты именно назывались Баянами, о томѣ конечно не говорить пѣснь о походѣ Игоря, упоминающая только объ одномѣ Баянѣ, какѣ о собственномѣ имени; но не лзя ли предполагать, что упомянутый пѣснопворецѣ, по превосходству назвавѣ общимѣ именемѣ Баяна, то есть баснослова, витѣи, рассказчика. Имя сіе съ довольною вѣроятностію произвести можно отѣ глагола *бату* (говорю), имѣющѣ со словами *баснь*, *обаяніе* и проч. *Лет.*

Волненье, муки сердца страшна
 Пріятный взоръ твой утолишь;
 Люби меня! — во шкани златы
 Твою одѣну красоту;
 Дамъ волости тебѣ богатъ
 И всѣмъ Княгинямъ предпочту!

Склонись, склонись!“ — Но онъ слагаетъ
 Предъ нею щещно царску власть;
 Онъ щещно молишь, угрожаетъ:
 Она его отвергла страснь!
 Какаяжь бы, онъ мнишь, причина
 Сея холоднощи была? —
 Но, ахъ! когдабъ онъ зналъ, что сына
 Ему Свѣплана предпочла!

Къ ошцу изъ своего удѣла
 Тмушараканскій прибылъ Князь;
 Свѣплана юношу узрѣла —
 Заискрѣлась и разлилась
 Любовь въ груди дѣвицы красной.
 Увы! она ее таишь;
 Но ей измѣнишь вздохъ всечасной
 И разгораніе ланишь.

Вступалъ ли въ спремена златы
 На играхъ рыцарскихъ Мстиславъ;
 Металъ ли конья изъ десныя
 Въ высоку цѣль — иль, щипъ подъявъ,
 Скакалъ чрезъ поприще широко,
 Одолѣваючи Князей:
 За нимъ ея летало око,
 И сердце трепетало въ ней.

Уже ты, бѣдная, мечтаешь
 О немъ во снѣ и на яву,
 И злыхъ людей не примѣчаешь:
 Разносятъ о тебѣ молву!
 Но Кіевскаго слухъ Владыки
 Молва сія какъ громъ разитъ.
 Не медля, сына Князь Великій
 Въ чертогъ къ себѣ призвать велитъ.

„На толь ты, опрокъ дерзновенный,
 „Удѣльный градъ оставилъ свой,
 (Въцалъ Владиміръ раздраженный)
 „Чтобъ опій нарушать покой? —
 „Уже дѣвицъ ты обольщаешь,
 „Злощасный! Съешь здѣсь раздоръ
 „О! ты мнѣ сердце осправляешь;
 „Оставь немедленно мой дворъ!“

Отецъ мой! съ должнымъ преклоненьемъ
 Младъ виписъ изумленно рекъ —
 Скажи, какимъ я преступлецемъ
 Вдругъ гнѣвъ твой на себя навлекъ?
 „Какимъ! — личиною обмана
 „Свои ты хочешь козни скрыть:
 „Не влюблена въ тебя Свѣплана?
 „Не пылъ дерзнулъ ее прельстить?“

Что слышу! Я любимъ Свѣпланой!
 Ахъ, вподлиннуль, родитель мой,
 Споль щасливъ я? — Спократъ желанной
 Я могъ ли въспи ждашь такой! . . .
 Явлю во всемъ повиновенье,
 Во всемъ — лишь мнѣ Свѣплану дай!

Готовѣ идти я въ започенье,
Но съ ней меня не разлучай! —

Кто гдѣ-вѣ Владиміра опишетъ,
Борьбу спрасней жестокыхъ въ немъ!
Онъ ревностью; досадою дышетъ,
Врага онъ въ сынъ зримъ своимъ.
„Не будь ко мнѣ жестокосердымъ!“ —
Прекрасный продолжалъ Мстиславъ
Почтительно, но гласомъ твердымъ,
Къ ногамъ родительскимъ припавъ.

„Мой Князь! тебя я почитаю;
Отецъ мой! я тебя люблю;
Но я Свѣшлану обожаю,
И никому не уступлю!“
Съ симъ словомъ всалъ и распросился
Съ умолкшимъ въ ярости оцомъ;
Поспѣшно отъ него пустился
Въ ночи — куда-жъ? Въ Свѣшланинъ домъ.

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я.

Любовью, страхомъ окриленный,
Мстиславъ летѣлъ, и вмигъ былъ тамъ —
Но какъ въ чертогъ уединенный
Предстать Свѣшланинымъ очамъ?
И ночью-жъ? — Но всеильну заплу
И просьбамъ домъ отворенъ спалъ;
Введенъ рабыней, вшелъ внезапно,
И изумившеся, вѣшалъ:

„Не лъзя мнѣ долѣ таишься,
 Давно плѣннику побой!
 Я слышалъ — но могу ли льститься,
 Что не пропивенъ я драгой?
 Могуль сему повѣрить счастью?
 Ошѣшствуй мнѣ, мой рокъ сверши!
 Грядущій часъ грозитъ напастью
 Тебѣ и мнѣ — ахъ, поспѣши!“

Съ любовью спыдъ въ ней равносильны,
 Но первая превозмогла;
 Возведши робко взоръ умильный,
 „Люблю тебя!“ произнесла.
 Сей взоръ Мстислава восхищаетъ,
 Бальзамъ въ него слова тѣ льютъ;
 Онъ руку нѣжную лобзаетъ
 И вздохомъ зыблемую грудь.

Но дороги для нихъ мгновенья —
 И скоро во младыхъ сердцахъ
 На мѣсто сладка упоенья
 Вселился справедливый страхъ.
 Но Князь рѣшается — — „Драгая!
 Свѣшланъ онъ сказалъ своей,
 Пойдемъ — насъ ждетъ спрана иная,
 Оставимъ градъ опасный сей!

Мой островъ пажитями красенъ *),
 Обширенъ мой престольный градъ,

*) *Мой островъ* и проч. Островъ Таманъ, на которомъ,
 какъ нынѣ открылось, стоялъ городъ Тмулараканъ,
 столица удѣльнаго Княжества. *Авг.*

Обилѣнѣ, веселѣ, безопасенѣ;
 Тамѣ ждешѣ насѣ Леля, богѣ опрадѣ;
 И жизнь свою опдамѣ я прежде,
 Чѣмѣ милую!“ — — Она на то:
 Даюсѣ тебѣ, моей надеждѣ!
 Женихѣ мой ны, или никто!

Потомѣ срядиласѣ для дороги
 Свѣплана скрышно ото всѣхѣ;
 Оставила свои черпоги,
 Со вздохомѣ — можешѣ бытѣ на вѣкѣ!
 Но сѣ нею шелѣ любовникѣ милый,
 О чемѣ еще ей горевашѣ?
 Какѣя Чернобожѣи силы
 Противу Лады могушѣ стать!

И се дружину собираешѣ
 Мстиславѣ, Тмушараканскѣй Князѣ;
 Сѣ собою пушѣ имѣ назначаетѣ,
 Сѣ любезной на коня садясѣ.
 Сколь привлекательнымѣ находитѣ
 Она его вѣ сей спрашнѣй часѣ!
 Сѣ младаго Рыцаря не сводитѣ
 Своихѣ любующихся глазѣ.

И между тѣмѣ ихѣ борзѣ кони
 По усыпленнымѣ спогнамѣ мчатѣ.
 Спрашасѣ каждый мигѣ погони,
 Любовники спѣшатѣ, спѣшатѣ;
 Уже изѣ Кіева удачно
 Предмѣстѣемѣ выбралисѣ глухимѣ;
 Вкругѣ ихѣ безмольно все и мрачно
 По дебрямѣ и горамѣ крушымѣ.

Спокойнымъ села сномъ забылись,
 На все prosperла ночь покровъ;
 Во мракъ тучъ отъ воровъ крылись
 И звѣзды, перемы боговъ;
 Лишь водъ Днѣпровыхъ тихій ропотъ
 Носился пунниамъ во слѣдъ,
 И эхо только конскій попопъ
 Отъ горъ горамъ передаетъ.

П Ъ С Н Ъ Т Р Е Т І Я.

О Лада, красоты богиня!
 Любовниковъ въ пуши храни:
 Числа ихъ склонность и невинна,
 Достойны щасія они.
 Раздоры, бѣдствія раждаетъ
 И мучитъ насъ пивой горькій Дидъ *):
 Но Леля радость возсавляетъ,
 Сердца связуетъ и миритъ.

Владимѣръ по отходѣ сына
 Остался внѣ себя — не зналъ,
 На что рѣшился; зла кручина
 Рвала въ немъ сердце. Онъ пылалъ
 Жалѣнья, гордости, любви,
 Неисповства, спыда огнемъ.
 Вдругъ дышетъ мщеньемъ, жаждетъ крови,
 Вдругъ дѣйствуетъ природа въ немъ!

*) Дидъ или Дидо сынъ Ладинъ и противный Лелѣ богъ. Сіе заключаютъ изъ стариннаго припѣва Дидо халина, Леля малина; но припѣвъ сей можно толковать различно. Авторъ разумѣлъ подъ именемъ Лели любовь

Природа къ сыну преклоняла,
 Который споль достоинъ былъ
 Родителя во всемъ — внушала,
 Что онъ такую полюбилъ,
 Которую никто не можетъ
 Увидѣть, не влюбясь — но вдругъ
 Опять свирѣпа ревность гложетъ,
 Опять дѣлятъ въ немъ спраси духъ.

Какой конецъ борьба получишь,
 Какая спрась одержишь верхъ,
 И не родишь ли новы пучи
 Сей неувѣданный побѣгъ?
 Владимѣръ вспрянулъ! . . . по оставимъ
 Великокняжескій теремъ,
 И за Свѣпланою направимъ
 Полетъ свой яснымъ соколомъ.

Сквозь дичь, сквозь мракъ, на крыльяхъ Лели
 Съ дружиной вѣрною своей
 Свѣплана и Мстиславъ летѣли.
 Они уже среди полей
 Переяславскихъ; но Зимцерла
 Еще по небесамъ ковровъ
 Своихъ червленыхъ не простерла,
 И не былъ ночи снятъ покровъ.

Съ полей же тѣхъ былъ видѣнъ славный
 Надгробный памятникъ Славянъ;
 Еще до Кіа, въ вѣки дажны,

щастливую, сопровождаемую успѣхомъ и удовольствіемъ,
 а подъ именемъ *Аида* несчастную, мучительную. *Ает.*

Насыпанъ круглѣ, высокѣ курганѣ.
 Густою окружаясь рощей,
 Надъ нею гордо возносилъ
 Хребешъ свой, зеленую поросшій,
 И путника къ себѣ манилъ.

Но страхомъ заперло дорогу
 Сквозь оный лѣсъ дремучъ и дикъ,
 За тѣмъ, что шамъ имѣлъ берлогу
 Разбойникъ *Вепрь - желѣзной клыкъ.*
 Онъ по при дни и по при ночи
 Всѣ рыскалъ, не спалъ, не дремалъ;
 Но снова богатырски очи
 На сполькожъ супонъ онъ смыкалъ.

Мстиславъ безъ страху въ лѣсъ пустился,
 И около кургана шамъ
 Съ дружиною расположился
 Дать отдыхъ усталымъ конямъ.
 Въ свои обѣщья взявъ ссаждаетъ
 Съ коня Свѣшдану юный Князь;
 Зеленый дернъ ихъ ожидаетъ —
 И вся по рощѣ разошлась
 Для стражи Книзева дружина.

Оспрадной мыслію полна
 Душа Владимірова сына:
 „Она со мной! моя она!“
 Спыдлива юная дѣвица
 Съ любезнымъ женихомъ своимъ
 На правну мягкую садится,
 Бесѣду пріятно съ нимъ.

Наговорись, наглядьсья
 Не можеть милая чепа;
 Что рѣчь, что взглядъ, то вздохъ изъ сердца;
 И часто сходятся уста,
 Рука жметъ часто руку нѣжно,
 Огонь блистаетъ во очахъ;
 Клянутся другъ ко другу вѣчно
 Живѣйшу спраситъ питае въ сердцахъ.

Но вдругъ восторгъ ихъ прерываетъ
 Ужасный топотъ, шумъ и крикъ,
 И нѣкто чоренъ выѣзжаетъ
 Изъ за - кургана въ потъ же мигъ:
 Сидитъ на аргамакѣ чаломъ,
 При бедрѣ свѣшлый мечъ виситъ,
 Шеломъ съ опущеннымъ забраломъ,
 Копье въ десной, а въ шуйцѣ щитъ.

Онъ къ двумъ сидящимъ прискакавши,
 Невняпно, глухо провѣщаль:
 „Ба! я прервалъ утѣхи ваши;
 „На щастіе же я попалъ!
 „Послушай, чуръ со мной дѣлиться!
 „Сей часъ мнѣ дѣвицу отдай!
 „Или — рѣшись со мною биться
 „И тяжестъ сей руки узнай!

„Что смотришь? нѣтъ тебѣ подмоги;
 „Твоя дружина пала вся;
 „И самъ ты здѣсь подкосишь ноги:
 „Сдавайся! — *Велръ - разбойникъ я!*“
 Тмупараканскій Князь, въ безмѣрной
 Досадѣ отъ помѣхи сей,

Воскликнулъ гнѣвно : дерзновенной !
Пришелъ за смертью ты своей !

Со смѣхомъ чорный отвѣчаетъ :

„Хотѣлось бы увидѣть мнѣ !

„Языкъ твой много общаетъ.

„Таковъ ли храбръ ты на конѣ ,

„Какъ на правѣ съ молодой дѣвицей ! “

Мстиславъ , досадою горя ,

Схватилъ копье — скокъ на конь , мчися ,

Лепитъ на грознаго *Велря*.

И Ѣ С Н Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я .

Что спалось , вѣжная , съ побою !

Что чувствовала ты въ потѣ мигъ ,

Когда къ кровопролитну бою

Возлюбленный твой шекъ женихъ ?

Ты щещно робкій взоръ вперяла ,

Чтобъ по виду врага узнашь :

Лице рѣшительно забрала ,

Весь станъ закрылъ желѣзомъ латъ.

Ужъ оспры копья пришупили ,

Въ листовые щиты вонзивъ ;

И свѣшлы сабли обнажили ,

Поспѣшно съ сѣделъ соскочивъ.

Сошлись для страшнаго сраженья !

Кольчуги , шлемы ихъ звучатъ ;

Отъ тяжкаго мечей паденья

Съ доспѣховъ иверни летятъ.

Мстиславъ противнику полшлема ,

Мечемъ ударивъ , отдѣлилъ ,

И сшибъ съ главы; но въ тоже время
Его мечъ вражій улучилъ —
Онъ поблѣднѣлъ — поникъ — изъ раны
Кровь жаркимъ брызнула ручьемъ.
Раздался жалкій вопль Свѣшланы
При нестерпимомъ видѣ шомъ!

Но видъ еще иной открылся:
Разколотъ шлемъ, лишенъ подпругъ,
Съ чернооулаго скамился . . .
Лице его наружи вдругъ —
Свѣшлана вскрикнула: Владиміръ! . . .
— Владиміръ! вскрикнулъ юный Князь — . . .
„О! помиримся, сынъ любимый!
Пылъ ярости моей погасъ.“

Вѣщаль — и мечъ кровавый кинувъ,
Съ себя спѣшивъ бѣлъ поясъ снявъ,
И съ сокрушеннымъ видомъ сыну
Онъ щипища рану повязавъ:
„Меня, мой сынъ, обуревала
„Неукрошимо злояспрасвъ;
„Но се природа воспріѣла
„Свою надъ опчимъ сердцемъ властвъ!

„А ты, невинная причина
„Того, что я, забывъ родство,
„На кровнаго спремился сына,
„Ввергалъ во гробъ себя, его —
„Свѣшлана! будь ему женою!
„Тебѣ Мстиславъ, я знаю, милъ,
„И обладаніе побою
„Своею кровью онъ купилъ!“ —

Опшудажь вдругъ взялся Владимѣръ
 И какъ бѣгущихъ онъ наспигъ,
 И въ грозное облекся имя:
Разбойникъ - Вепрь-жельзной клыкъ? —
 О семъ пошщися намъ повѣдашь,
 Баяне вѣщій древнихъ лѣтъ!...
 „Не могъ ли вмигъ Владимѣръ свѣдашь,
 Чшо въ Кіевѣ Свѣпланы нѣтъ?“

Разосланы гонцы: опкрылся
 Бѣгущихъ слѣдъ; не медля самъ
 Владимѣръ на кони сѣдился,
 Сверкнувшимъ въ немъ тогда мыслямъ.
 Чего Царю свершишь не можно,
 Какъ если на сердце онъ взялъ? —
 Конечно такъ — но думашь должно:
 Разбойникъ Вепрь тогда дремалъ.

Къ стопамъ Владимѣровымъ пали
 Свѣплана и молодой Мспиславъ,
 И въ онѣменѣ пребывали...
 Но Царь, ихъ ласково поднявъ,
 Сказалъ: „Возлюбленные чада!
 „Забудьте всѣ напасши вы;
 „Меня связуетъ съ вами Лада
 „Узломъ родительской любви!

„А ты, мнѣ въ силѣ мышцы равенъ,
 „Храбрѣйшій изъ сыновъ моихъ!
 „И бой для насъ обоихъ славенъ“...
 На то Свѣпланинъ рекъ женихъ:
 Онъ славенъ! — я не чшю позоромъ,
 Чшо побѣжденъ рукой опца;

Но ты бы могъ единымъ взоромъ ,
 Единымъ манѣмъ лица
 Меня сразить — за чѣмъ ты крылся ?

„Мой сынъ ! любовь равняешъ всѣхъ ;
 „Опцовской властью я спыдился
 „Надъ солюбовникомъ взять верхъ :
 „Мечшами спраспи ослѣпленный ,
 „Я думалъ храбростью одной
 „Спяжаешь красы ея безцѣнны —
 „И кровью залилъ пламень свой !

„Но искрѣбъ не заплѣшься прежней ,
 „О дщерь моя ! не извѣялай
 „Миѣ благодарности шоль нѣжной ;
 „Мстислава одного ласкай !
 „Пойдемъ — помыслимъ объ отбѣздѣ
 „Теперь заранѣ въ Кіевѣ градѣ.
 „Вблизи ошселъ съ моими вмѣстѣ
 „Всѣ спутники твои стоятъ.“

Тогда явилась колесница ,
 Везома парюю коней.
 Съ дѣвицей юноша садился ,
 А между ихъ Владиміръ въ ней.
 Въ глубоки мысли погруженной ,
 Чшо надъ собой побѣду взялъ ,
 Въ душѣ , борьбою утомленной ,
 Казалось онъ тріумфъ держалъ.

Тріумфу оному злая
 Была добыча : связь сердецъ ;
 Признапельность , Любовь свая ,
 Несли надъ нимъ шоржествъ вѣнецъ.

Но пріобрѣтеніемъ Свѣпланы
И опчей благосшью Мстиславъ
Утѣшенъ, не болѣлъ отъ раны;
Былъ взоромъ свѣплъ и шѣломъ здравъ.

Наставшу утру, возвратился
Мстиславъ съ Свѣпланой въ Кіевъ градъ;
Въ семь дней отъ раны изцѣлился,
Въ осьмой былъ свадебный обрядъ.
И брачну пѣснь гремящъ Баяны,
Цвѣтѣ опрадой Княжій домъ;
За скаперши садятся браны
И *турей рогъ* *) пошелъ кругомъ.

Востоковъ.

*) *Турей рогъ*, бычачій рогъ, который употребляли на пиршествахъ вмѣсто чаши (смотри древн. Руск. спискованія, изданныя въ Москвѣ 1804); такіе роги, употребляемые вмѣсто чашъ, и на Греческихъ барельефахъ видны. Русскіе же (какъ преданіе гласитъ) пили изъ оныхъ медъ. Придетъ ли богатырь какой къ ласковому Князю Владимиру: сей тому подноситъ *чару зелена вина и турей рогъ меду сладкаго.* *Дет.*

ГРОМВАЛЪ,

Богатырская повесть.

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
 Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ;
 Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
 И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
 Стрѣлы калены въ колчанѣ звучатъ;
 Онъ по чистому полю несется какъ вихрь,
 Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ
 копьемъ.

Солнце склонилось къ кремнистымъ горамъ,
 Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ;
 Богатырь прѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
 Сквозь вершины ихъ видя лишь небо одно.

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
 Мчится съ зашагу на черныхъ крылахъ;
 Заревѣла пучина, дуброва шумитъ,
 И сползшіе дубы скривяица и прещатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя,
 Нѣтъ ни пещеры, нѣ видно жилья;
 Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви де-
 ревъ,
 То блеснешъ, то померкнешъ въ дали огонёкъ.

*

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
 Ъхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
 Богатырь прѣзжаетъ на берегъ ручья,
 И вдругъ — видя оный замокъ вблизи предъ
 собой.

*

Синее пламя изъ замка блещетъ,
 Свѣтъ отражая въ спруистомъ ручѣ;
 Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ и впередъ,
 Завыванія, стоны въ немъ глухо ревутъ.

*

Выпязь, сошедши поспѣшно съ коня,
 Идетъ къ ворошамъ, заросшимъ правой:
 Ударяетъ въ нихъ сильно булашнымъ копьемъ,
 Но на шумъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

*

Вмигъ попухаетъ внутрь замка огонь,
 Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
 Завыванія, стоны, ухли, молчаніе;
 Усугубилась буря, удвоился дождь.

*

Сильнымъ ударомъ могучей руки,
 Рушился пвердоснъ желѣзныхъ ворошъ.

Оплетѣли заборы, скрипящѣ веревъ,
И во внушенность входилъ безстрашный
Громвалъ.

Мечъ обнаживши, топовый разилъ,
Ощупью пихо онъ въ замокъ идехъ.
Тишина распростерта и мрачность вездѣ,
Лишь съвозъ окна и щели вихрь бурной свѣ-
спилихъ.

Вишизъ въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
„Хищной волшебникъ, коварной Зломаръ!
„Ты Громвала принудилъ по свѣту бродилъ,
„Ты похитилъ Рогнеду, подругу его!

„Многѣя царства и земли прошелъ,
„Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
„Великановъ сразилъ я могучей рукой;
„Но Рогнеды любезной еще не нашелъ!

„Гдѣ обитаешь ты, лютой Зломаръ?
„Въ дѣбряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣ-
сахъ,
„Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинахъ
морской,
„Укрываешь ее ты отъ взоровъ моихъ?

„Если найду я жилище швое,
„Злобной волшебникъ, лихой чародѣй!

„Извлеку изъ неводи Рогнеду мою,
„Вырву черное сердце изъ груди швоей!“

Випись умолкнувъ почувствовалъ сонъ;
Одръ ему спелюшъ усалось и ночь.
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шишакѣ,
Прикорнувъ засыпаешъ глубокимъ онъ сномъ.

Тунь промчались и вихрь замолчалъ,
Звѣзды пошухли, албешъ воспокъ;
Пробудилась денница, Зимцерла цвѣщешъ
Какъ румяная роза. — Громвалъ еще спитъ.

Кашишся солнце по своду небесъ,
Блещешъ съ полудня каленымъ лучемъ
И по соснамъ слезишся смола сквозь кору;
Но Громвала все держишъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предпеча со смуглымъ челомъ,
Смогришъ съ востока на лѣсѣ, на дуга,
Окропляешъ изъ урны росой мураву;
Но Громвала все держишъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ на главѣ,
Въ ризѣ сопканной изъ мрака и звѣздъ,
По ступенямъ нахмурясь на прокъ свой идешъ;
А Громвала все держишъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводъ небесъ,
 Мрачность густѣеиъ, настала полночь:
 Богатырь, воспрянувши отъ крѣпкаго сна,
 Изумился, не видя руминой зари!

✱

Вдругъ запрещало по замку какъ громъ,
 Стѣны присупся, окошки звенииъ,
 И, какъ молнїа быспро блиспаеиъ во тѣмъ,
 Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

✱

Громко всѣ двери стучаиъ отворясь, —
 Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
 Появляюиъся тѣни — за ними несупъ
 Гробъ желѣзный Скелеты въ рукахъ коспиныхъ.

✱

Въ залъ обширной поставили гробъ,
 Крышка слетѣла мгновенио съ него,
 И волшебникъ Зломаръ — ужасающїй видъ! —
 Бездыханенъ лежалъ въ немъ открывши глаза.

✱

Полъ разсупился — и адской огонь
 Съ вихремъ прескучимъ и съ громомъ лешитъ,
 Охвативъ гробъ желѣзный какъ жаръ раска-
 лилъ;
 Заспоналъ спономъ тяжкимъ тееины Зломаръ.

✱

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ глазахъ
 Ужасъ начертаиъ, опчаянне, скорбь;

Изо рта пѣна черная клубомъ кипитъ;
Но лежитъ неподвижно какъ трупъ чародѣй.

*

Духи, Скелеты, руками схватясь,
Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, свистятъ.
Въ испугленномъ восторгѣ бѣснуются они,
Пляшутъ адскую пляску вокругъ гроба его.

*

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь:
Вопли ихъ, клики ужасныя гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
Исчезающъ вмгъ духи, скелеты и гробъ.

*

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду покой!
Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
Удивляется чуду смущенный Громвалъ,
Изумившись не вѣритъ себѣ самому.

*

Вдругъ раздался волшебна свирѣль,
Арфы незапой послышался звукъ,
Разтворился сводъ залы, и розовой лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ гущенную ночь.

*

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебеси лебедь спокойно плыла,
Опускается тихо волшебница въ залъ.

*

Чище лилей одежда ея ,
 Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ ;
 Какъ игра златояркой воспочной звѣзды ,
 Такъ веселосиъ сіяетъ у ней во очахъ .

*

Гласомъ пріятнымъ *Добрада* рекла :
 „Рыцарь печальный , покорсвуй судьбѣ !
 „Знай: Зломара не спало; Судьба навсегда
 „Ужь очистила свѣтъ отъ злодѣи сего .

*

„Въ адскую пропасть низверженъ на вѣкъ ;
 „Челюсть геенны его пожрала ;
 „Съ клокопаніемъ лавы и съ ревомъ огня ,
 „Вой и спонъ его бездна лишь будетъ внимать .

*

„Смерть , пресупивши природы законъ ,
 „Чувствъ не лишила волшебниковъ прущъ .
 „Развращенныхъ имъ пѣни погибшихъ людей
 „Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзающъ его .

*

„Рыцарь ! сдѣй ты къ Рогнедѣ своей :
 „Къ югу за лѣсомъ , въ песчаныхъ степяхъ ,
 „Тамъ Зломарова замка въ шемницѣ сальной ,
 „Два крылатыхъ Зиланпа ее сперегущъ .

*

„Рогъ сей волшебный прими отъ меня ,
 „Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуть .

„Но внимай! ты не можешь Рогнеду спасти,
 „Не проливъ ей крови — Судьбы такъ великъ.

✱

Струны волшебны вторично звучатъ,
 Облако къверху съ Добрадой лепитъ.
 Пораженный сей рѣчью, Громвалъ виѣ себя,
 Испугану подобенъ, въ слѣдъ смотритъ за ней.

✱

Рогъ изумрудный держащій въ рукъ,
 Съ горькой досадою вскричалъ богатырь:
 „Вѣроломной волшебницы пагубный даръ!
 „Ты убійствомъ Рогнеды мнѣ прасильсуаишь!”

✱

„Нѣтъ! пренецу я отъ мысли одной, —
 „Сердце изъ груди ей въ жертву лепитъ.
 „Но, Громвалъ, повинуйся глаголу Судьбы,
 „Чародѣйство Зломара спѣши изпребнть.

✱

„Если не можешь Рогнеду спасти,
 „Замокъ разрушишь, Зиланцовъ сразишь,
 „Богатырскую кровь ты пролей за нее
 „И геройскою смѣртью любовь удѣнчай!”

✱

Красное упря блеснящимъ лучемъ
 Сосенъ столбѣнныхъ верхи золошитъ,
 Обращая на полдень коня своего,
 Оставляемъ нашъ виписъ и замокъ и лѣсъ.

Дебри, утесы, стремнины, хребты,
 Спонушѣ ошѣ тяжкихъ ударовѣ копытѣ;
 Пыль густая какѣ туча крушяся сполбомѣ,
 По поднебесью вьется, гдѣ скачешѣ Громвалѣ.

*

Мрачнымѣ ущельемѣ скалистѣй горы
 Выѣхалѣ Рыцарѣ въ обширную степь:
 Открывается взорамѣ песка океанѣ,
 Въ дали будѣно бы съ небомѣ сливается онѣ.

*

Вѣтрѣ не волнуешѣ сыпучую зыбѣ,
 Дышешѣ плетворнымѣ дыханіемѣ зной.
 Ни кусты не шумяшѣ, ни журчашѣ ручейки,
 Какѣ въ полночь на кладбищѣ все ноешѣ, мол-
 чишѣ,

*

Вѣ дикой пустынѣ, въ сихѣ спрашнхѣ поляхѣ,
 Нѣшѣ ни дороги, не видно слѣдовѣ,
 Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
 И на ней крѣпкой замокѣ чернѣшѣ въ дали.

*

Съ жаждой и зноемѣ сражался три дни,
 Смерти препоны разпорѣ богатѣрь;
 На конѣ упомленномѣ, въ кровавомѣ поту,
 Подѣвзжаетѣ онѣ тихо къ подошвѣ горы.

*

Вѣ скользкихѣ стремнинахѣ нависнувшихѣ
 скалѣ,
 Спрашно грозящихѣ низринуться въ долѣ,

Обрываясь надъ бездной по узкой тропѣ,
Достигаешь вершины и замка Громвалъ.

*

Силой теечны и адскихъ духовъ,
Мрачной сей замокъ построилъ Зломаръ.
Взгроможденные башни на черныхъ скалахъ,
Предвѣщающъ погибель и лющую смерть.

*

Въ сердцахъ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный Громвалъ,
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ верей,
Въ замокъ страшный вступаетъ съ булаш-
нымъ мечемъ.

*

Грозно идетъ онъ, — подъ крѣпкой пятой
Мершвыя кости, черепья хрустятъ.
Враны, пищицы пощныя и непопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ
стѣнъ.

*

Облакомъ вьюся надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасной ихъ крикъ.
И Зиланпы, слышавъ Громваловъ приходъ,
Испускающъ вой, свисты и крыльями бьютъ.

*

Челюсть разинувъ, летятъ на него:
Копьями жалы шорчатъ изъ пасмей;
Чешую бранчатъ извивая хвосты,
Выпускаютъ погубительныя когти изъ лапъ.

*

Въ рогѣ изумрудной прубитѣ богатырь,
Звукъ оглушилъ ихъ — какъ камни падутъ,
Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ зѣвъ,
Погрузившись въ сонъ смертной, горами лежатъ.

✱

Рыцарь въ восторгѣ къ шемницѣ лепитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнявъ;
Но огромная дверь разтворится вдругъ,
И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ Исполинъ.

✱

Грозные взгляды — кометы во тьмѣ;
Мѣдъ на немъ — панцырь, свинецъ — булава;
Сброй мохъ по болошу — брада у него,
Черной лѣсѣ послѣ бури — волосы на челѣ.

✱

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ Исполинъ,
Поражаетъ его по буйной головѣ;
Содрогается эхо по замку звуча.

✱

Шлемъ зазвенѣвши дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей.
Булава оцѣ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ какъ скала.

✱

Мечъ въ богатырской руцѣ заблесталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ.

Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
Но скользипѣ лезвѣ по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомѣ рѣшетѣ великанѣ,
Пламенемѣ пышетѣ, опѣ злоси дрожитѣ.
Напрягаетѣ онѣ мышцы укладисныхѣ плечѣ,
Угрожаетѣ Громвалѣ въ когтяхѣ задушитѣ.

Смертѣ неизбѣжна, погибель близка,
Страшныя длани касаются лапѣ;
Но Громвалѣ, ухватя его ногу, какѣ дубѣ,
Пошрахнувши повергѣ, опрокинулѣ его.

Вашнѣ подобно грѣмѣхнулѣ Гигантѣ,
Звукомѣ ужаснымѣ весь замокъ пошрясѣ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы;
Онѣ упалѣ, и въ сырой землѣ яму вдавилѣ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечѣ ему въ челюсть вонзаетѣ Громвалѣ;
По булану зубами скрипитѣ великанѣ,
Возревѣлѣ, засноналѣ и въ изгибы свилѣ.

Чорная пѣна, багровая кровь,
Хлещентѣ, клубишѣ изѣ пасши его.
Развиренный мученьемѣ, со смертѣю борѣсь,
Роетѣ землю ногами, препеншетѣ, хрипитѣ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
 Пучишся, бродишь гигантова кровь;
 Поднявшись облачкомъ легкой паръ отъ нее,
 Образуетъ Рогнеды прекрасной черты:

✱

Розы въ ланищахъ и прелестъ въ очахъ,
 Алѣя губы манящъ поцѣлуй;
 По плечамъ распилаясь какъ бархатъ власы,
 Освѣняютъ ея лебединую грудь.

✱

Чуду такому дивишся Громвалъ!
 Призракъ ли видишь, или существо? —
 Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
 Не мечшу, но Рогнеду онъ къ персимъ прижалъ.

✱

Спращивнымъ восторгомъ исполнясь Громвалъ,
 Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
 „Долго, долго искалъ я, Рогнеда, тебя
 „И по бѣлому свѣшу скипался какъ тѣнь!“

✱

Тяжко вздохнувши сказала она:
 „Лютой волшебникъ, коварный Зломаръ,
 „Раздраженный презрѣнною спрассью своей,
 „Въ чародѣйской сей замокъ меня перенесъ.

✱

„Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
 „Памяши, чувства меня онъ лишилъ.
 „Погрузившись мгновенно въ таинственной
 сонъ,
 „Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была.“

За руку взявши Рогнеду Громвалъ,
 Тихо спустился къ подошвѣ горы;
 Посадивши ее на коня за собой,
 По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Замокъ обѣмлетъ глубокая тѣма;
 Громы во мракъ свирѣпо ревушъ;
 Бурны вихри завывали сорвавшись съ цѣпей,
 Запрещали кремнистыя ребра горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
 Рухнули башни въ бездонную пастъ;
 Низпроверглись Зиланты, темница, Гигантъ;
 Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

КАМЕНЕВЪ.

А М У Р Ъ,

Л И Ш Е Н Н Ы Й З Р Ъ Н І Я

Пою нещасіе, отъ коего Эрошъ
Спалъ слѣпъ, какъ крошъ;

О вы, чувствительныя души!
Развѣсьте уши;
Разиньте ротъ!

Дыханіе свое сколь можно припайте,
И пѣснѣ жалкой сей внимайте . . .
Но, нѣтъ, немного погодите:
Мнѣ должно сдѣлать здѣсь возгласъ,
Осдѣлаюсь потчасъ!

О ты, что на Сибирь взираешь изъ подлобы, (*)
Скажи мнѣ, свѣплый Фебъ! за что до насъ
ты лихъ?

За полъ, что своего блестящаго подобья
Не видишь здѣсь ни въ чемъ, какъ лишь почти
въ однихъ

Прозрачныхъ ледяныхъ сосулькахъ,
Да въ таковыхъ же пуляхъ,
Которы бѣдная Аврора, вмѣсто слезъ,
Отъ стужи плачуца, бросаетъ къ намъ съ
небесъ?

Но ктожь виновенъ въ томъ, коль самъ ты
насъ не грѣешь?

Ты права не имѣешь
Косишься такъ на насъ.

(*) Эта повѣсть сочинена въ Сибири.

Услышь же мой къ тебѣ охрипый съ спужу
гласъ;

Пожалуй, сдѣлай одолженъе,
Просунъ сквозъ снѣжныхъ пучъ
Хотя одинъ свой лучъ,
И мерзлое мое распаръ воображенъе!

Теперь, читашели, прошу мнѣ сдѣлать честь,
Прочесъ,

Что обѣ Эростъ я желаю вамъ донесъ. —
Оспави нѣкогда небесные чертоги,
Задумали сойти на землю древни боги;
Омиръ покойникъ былъ тогда еще въ живыхъ,
И онъ - то позвалъ ихъ.

За чѣмъ? вы спросите. Не знаю;
Отпишашъ, можетъ быть, или на чашку чаю.
Извѣстно, что онъ былъ имъ задышной
другъ:

Бдалъ амврозію, тянулъ и лексаръ съ ними;
Со спящихъ же богинь обмахивалъ онъ мухъ,
И часто забавлялъ ихъ сказками своими.

Но полно вамъ скучашъ подробностями сими;
Теперь поѣдемъ мы на часъ въ небесной домъ:
Мнѣ хочется, чтобъ вы со мною прокапились,
И посмошрѣлибъ шамъ, какъ боги въ путь
пустились.

Они опправились въ порядъ вопъ какомъ:
Зевесъ сѣлъ на орла съ Юноною верхомъ,
На всякой случай взявъ съ собой въ дорогу
громъ;

Потомъ, за прочими начальными богами,
Вулканъ шелъ съ молодомъ и съ длинными
рогами,

Которы пріобрѣлъ своею онѣ виной,
 Ревниво поступавъ съ женой. . .
 Позвольте на часокъ мнѣ здѣсь остановиться;
 Хочу съ ревнивыми немного побранишься.

Послушайте, друзья,

Ревнивые мужья!

Совѣщую вамъ я

Не слишкомъ спорогости къ супругамъ пре-
 даваться,

Когда не любите бодаться.

Не стройте изъ домовъ своихъ монастырей;

Не запирайте женъ, какъ старицъ иль звѣрей;

А то, когда на часъ явится имъ свобода,

Тогда-то госпожа Природа

Свое возьметъ,

И то, надѣ чемъ съ трудомъ вы много лѣтъ
 корѣли,

Въ минушу пропадетъ;

А вы навѣкъ съ рогами сѣли.

Совѣтъ полезный давши вамъ,

Я обращаюсь къ богамъ.

Зефиры собрались на пиръ шуда же съ ними;

Такъ и начнемъ мы ими.

Надмѣру нѣжные и малые божки,

Дабы не проспудились ножки,

Обулись въ теплые сапожки;

И чшобъ опѣ въпру имъ сберечь свои ушки,

Надѣли лисьи шреушки,

И сѣли въ дрожки,

Въ которыхъ бабочекъ впряженъ былъ цѣлый
 цугъ;

А на запяшкахъ, вмѣсто слугъ,

Сстояла пара Шпанскихъ мухъ;

Да сверхъ того еще божковъ конвоевали
 Шестнадцать бойкихъ Комаровъ,
 Носами острыми и пискомъ погоняли
 Крылатыхъ, легкихъ скакуновъ.
 Но чья везется колесница
 Четверкой сизыхъ голубей?
 Конечно по любви Царица
 Желаетъ прокатиться въ ней?
 Такъ точно: вошъ она садится;
 За нею кб слѣдъ, рѣзвась, толпится
 Рой цѣлой Смѣховъ, Игръ, Амуровъ и Упѣхъ!
 Но какъ ихъ посадить съ собой Богинѣ всѣхъ?
 Не лъзя; однакожь съ ней иные заломались,
 Другіе въ ноги побросались;
 Иные, не успѣвши сѣсть,
 Цѣпочкой свившися, за нею полетѣли,
 Бросали кб ней цвѣты и пѣсни пѣли
 Богинѣ въ честь;
 Иные вперлись кб ней за спинку,
 Иные скрылись въ волосахъ,
 Иные въ ямкахъ на щекахъ,
 Иные впушались въ косынку,
 Иные . . . Но оставимъ ихъ;
 Давно пора мнѣ догадаться,
 Что я болтаю опмѣнно лихъ;
 Но впредь не буду я такъ много завираться,
 И въ двухъ скажу стихахъ
 О прочихъ всѣхъ богахъ.
 Они шудажъ помчались:
 Иной на радугѣ верхомъ,
 Иной на облакѣ, иной пошелъ пѣшкомъ;
 А дома лишь Эропѣ съ Дурачествомъ остались,

Одинъ за тѣмъ, что малъ ; другой за тѣмъ,
что глупъ.

Но что же дѣлать имъ оставшись на просторѣ?
Молчать? Эрошу горе;

Калякать о любви? его товарищъ шупъ;
Не знаетъ и началъ прекрасной сей науки.
Наскучивъ наконецъ сидѣть поджавши руки,
Эрошъ сказалъ ему вотъ такъ:

„Дуракъ!

Теперь одни съ тобой мы дома:

Такъ спанемъ какъ -нибудь играть;
Хоть въ жмурки: вѣдь игра сія тебѣ знакома.
Всѣ лучше, нежели опъ скуки намъ зѣвать.“
Охъ, нѣтъ! въ отвѣтъ сказалъ глупецъ
Эрошу:

Давно я потерялъ къ играмъ такимъ охоту;
А дай мнѣ свой молчанъ на часъ:

Хочу я испытать, одинъ хоть въ жизни разъ,
Умѣюль дѣйствовать и я, какъ ты, спрѣлами.
Я самъ тебѣ за то, голубчикъ, оплачу:
Пузырики пускашь тебя и научу;

Клянуся въ томъ тебѣ и Спиксомъ и богами. —
Эрошъ-было сперва и слушать не хотѣлъ;
Но сладить съ дуракомъ, скажете, кто умѣлъ?
И такъ онъ наконецъ былъ долженъ согласи-
ться;

Дурачествожъ къ нему умѣло подлеститься,
Давъ опытъ, пузыри изъ мыла какъ пускашь.
Эрошу новостъ та чрезмѣрно полюбилась.
Товарищъ же его взялъ лукъ и сталъ спрѣлать;

Но вотъ бѣда: кака! вдругъ случилась:

Дурачество, разинувъ ротъ,
Въ безмѣрной радости не видя, гдѣ Эрошъ,

Спрѣльнуло изо всей своей дурацкой мочи,
 И вышибло робенку очи!
 Какой нелѣпой поднялъ вой
 Лишенный зрѣнїя, крылатой мой герой!
 Искусный же спрѣлокъ, ошѣ спраху и печали,
 Разинувши свой зѣвъ,
 Такой пустилъ ужасный ревъ,
 Какъ будто бы съ него живова кожу драли.
 Выше его ошпошь повсюду разнеслось;
 Все зданье ошѣ того небесное пряслось. . .
 Но бросимъ мы на часъ сихъ двухъ глупцовъ
 несчастныхъ,

И сбѣдимъ въ плѣнный мїръ.
 Я чаю, кончился уже давно шотъ пиръ,
 Которой жителємъ небесъ давалъ Омиръ.
 На лицахъ ихъ, ошѣ спирта красныхъ;
 Сверкаютъ радости слѣды.
 Не вѣдая совѣмъ ужасной той бѣды,
 Которая безъ нихъ на небесахъ спряслася,
 Толпа божественна въ свои поднялася,
 Съ хозяиномъ проспясь,
 И точно такъ же, какъ и прежде, помѣспясь.

Какая сдѣлалась тревога,
 Какъ мать слѣпова бога
 Домой пришла!
 Ахъ, что она нашла?
 Богиня видяшъ токи крови;
 Зришъ сына своего;
 Прелестныяже глаза гдѣ были у него,
 Тамъ только ямочки остались да брови.
 Тогда-то скорбь ея всѣ мѣры превзошла:
 Какое зрѣлище для матери споль нѣжной!

На мѣсто розѣ вступилъ въ лице ея цвѣтъ
снѣжной;

Защмилися ея небесныя красы;
Терзаетъ въ горести она свои власы;
Колѣни слабыя едва ее держали,
И естли бы когда Богини умирали,
То этой вѣрнобѣ умереть.

Но Боги вѣдь не мы: такъ какъ же быть? —
Терпѣть!

Но можноль перенести столь бѣдствіе несносно?
Богинѣ же не мстишь, и горько и поносно.
Горя ошмщеніемъ, вдругъ силу ощутивъ,
И взоръ съ плачевнаго предмета соврашивъ,
На крыльяхъ бѣженства лепишь она въ чер-
тоги,

Гдѣ былъ Зевесъ и прочи боги.
Киприда, въ ярости, въ опчаяннѣ, въ слезахъ,
Вбѣжавъ расшерзанна, во всѣхъ вселенствѣ
страхъ,

Бросается Зевесу въ ноги,
И вздохи тяжкіе пуская безъ числа,
О бѣдствіи своемъ рыдая донесла.
Зевесъ, услыша то, столь сильно огорчился,
Что чуть съ престола не свалился.
О лютая напасть!

Ощецъ боговъ, разинувъ пасть,
Ревещъ быкомъ и спонетъ,
Боговъ съ Олимпа гонитъ;
Потомъ съ опчаяннѣ онъ на стѣну полѣзъ,
Не столько въ бурный вѣтръ шумишь дрему-
чій лѣсъ;

Не столько Турокъ зомъ, содѣлавшись съ ро-
гами,

Какъ злился нашъ Зевесъ, кричалъ, стучалъ
ногами,

Сбираясь пересѣчь боговъ всѣхъ багнами.

Онъ рветъ

И мечетъ;

Попавшихся ему деретъ,

Какъ перепелокъ жречетъ;

Шумитъ,

Гремитъ,

Своей заморской ищетъ проспи

И хочетъ изломать Дурачеству всѣ кости.

Уставши наконецъ Зевесъ попише спалъ,

И драться переспалъ;

Но вошь что бѣдному Дурачеству сказалъ:

„Скопина!

За то, что ослѣпилъ Кипридина ты сына,

Который мой любимый внукъ,

Достойнъ ты ребромъ повѣшенъ быть на
крюкъ.

Но я свой гнѣвъ смягчаю,

И вошь какую казнь тебѣ опредѣляю:

Съ сего часа всегда съ Эротомъ ты ходи;

Кудабъ онъ ни пошелъ, вездѣ его води:

Вотъ что навѣки я тебѣ повелѣваю!“ —

Потомъ пощечины двѣ — три ему вѣпилъ,

Да шѣмъ и заключилъ.

Съ тѣхъ поръ Дурачество всегда съ Амуромъ
ходитъ.

Но это бы еще не важная бѣда;

А вошь лишь плохо что: Дурачество всегда,

Когда спрѣляетъ онъ, его руками водить.

Какой же можешь быть шущъ ладъ?

Безмозгло божество спрѣляетъ не въ попадъ;

Ударъ Любви съ пѣхъ поръ намъ въ голову
приходитъ

Почти всегда,
И очень мѣлко;
А въ сердце никогда,
Иль очень, очень рѣдко.

П. Сумароковъ.

С К А З К И.

Le monde est vieux, dit-on, je le crois ;
cependant
Il le faut amuser encor comme un enfant.

LA FONTAINE.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Говорятъ, что свѣтъ очень старъ. Я вѣрю; но думаю,
что этого старика надобно забавлять еще сказками какъ
ребенка.

Лафонтенъ.

С К А З К И.

I.

ВОЗДУШНЫЯ БАШНИ.

Упѣшно воспоминашь подѣ старость дѣтскія
дѣшны,

Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю,
Сию повѣсь носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Пар-
насъ; —

А я . . . признаюсь вамъ, игрушкою играю,
Которая была

Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;

Иль въ память привожу, какою мнѣ оспрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгая въ садъ, уставши отъ забавъ,
И бросясь на постель, займусь *Шехераздой*.

Какъ сказки я ея любилъ!

Читай ихъ . . . , прощай учитель,

Симбирскъ и Волга! . . . , всё забудь!

Уже я всей вселенны зришель,

И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,

И Визирей рогатыхъ,

И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,

И въ видѣ Кадѣевъ волковъ.
 Но сколько нужно словъ,
 Чѣмъ все пересчитать, друзья мои любезны!
 Не лучше ль вамъ я ужоу,
 Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
 Я знаю, что онѣ не важны, бесполезны;
 Но все ли одного полезнаго искашь?

Для сказки и того довольно,
 Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
 И можешь иногда улыбну сѣ насъ сорвать.
 Послушайшежь. Во дни иль самаго Могола,
 Или наслѣдника его престола,
 Не знаю, города какого мѣщанинъ,
 У коего дѣшей одинъ былъ только сынъ,
 Жилъ, жилъ, и наконецъ, по постоянной модѣ,
 Послѣдній отдалъ долгъ, какъ говорятъ, При-
 родъ,

Оставъ сыну домъ,
 Да денегъ сѣ сошню драхмъ, не болѣ.
 Сынъ, проводя отца на общее всѣмъ поле,
 Поплакалъ, погрузилъ; потомъ
 Спалъ думаетъ и о томъ,
 Какъ жить своимъ умомъ.
 Дай, говоритъ, куплю посуды и хрустальной
 На всю мою казну,

И ею торговать начну,
 Сначала въ малый торгъ, а тамъ — авось и
 въ дальнѣйшей!
 Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ луб-
 ковъ,
 Построилъ лавочку; потомъ купилъ шарелокъ,
 Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузыр-
 ковъ,

Бѣшелей — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —
 Всѣ, всё изъ хрустала; склалъ въ коробъ весь
 поваръ,

И въ лавкѣ на полу поставилъ;

А самъ хозяинъ, Альнаскаръ,

Но стѣнѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
 На коробъ, и съ собой вслухъ началъ раз-
 суждать:

„Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!

И Альнаскаръ пошелъ на спать!

Надежда, щастіе и будуща судьбина,

Иль лучше, вся моя казна

Здѣсь въ коробъ погребена. —

Вотъ издоръ какой мѣлю! Погребена? —

пустое!

Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
 Прибудетъ съ барышомъ по крайней мѣрѣ
 вдвое.

Двѣ сотни, хоть куда изрядненькой доходъ!

На нихъ... еще куплю посуды; лучше пише —

И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,

И также въ коробъ погребу. —

И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,

Могу я наконецъ ужъ быть и въ десяти,

И болѣе — тогда скажу моимъ поварамъ

Съ признаительною къ нимъ улыбкою: проси!

И буду... Ювелиръ! боярынямъ, боярамъ

Начну я продавать алмазы, изумрудъ,

Лазурь и яхонты, и... и — всего не вспомню;

Короче: золотишкомъ наполню

Не только лавку, цѣлый прудъ.

Тогда-то Альнаскаръ весь разумъ свой пока-
 жетъ!

Накупитъ лошадей, невольницъ, дачъ, садовъ,
Евнуховъ и домовъ,
И дружбу свяжетъ

Съ знаннѣйшими людьми:

Ихъ дружба лишь на взглядъ спесива;
Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,
Такъ и полюбишься — она не прихотлива.

А у меня тогда

Всѣ пропки порастутъ Персидскимъ виногра-
домъ;

Шербетъ польется какъ вода;

Фоншаны брызнутъ лимонадомъ,

И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей, —
А о столѣ уже ни слова;

Я только скажу, что нѣтъ такихъ застѣй,

Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова,

Какого у меня не будетъ за столомъ.

И мой великолѣпный домъ

Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ
любезенъ,

Иль властїю своею полезенъ;

Всѣхъ буду угощать: Папшей, наложницъ ихъ,

Плясавицъ, плясуновъ и Кадѣевъ лихихъ,

Визирскихъ поддипалъ — и такъ, умомъ,
трусами,

А болѣ съ знатными водятся Господами,

Легко могу войти въ чины и въ знатный
бракъ. . . .

Прекрасно! точно такъ!

Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азїи гремишь;

Скажу ему: „Визирь! вступи въ родство со
мною;

Будь тещей мой!“ Есѣли онѣ хоть чуть
зашевелишѣ

Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онѣ съ усами!
Но, нѣтъ! Визирска дочь такѣ вѣрно мнѣ
жена,

Какѣ на небѣ луна!

И я по свадебномѣ обрядѣ,
На устро, въ праздничномѣ нарядѣ,
Весь въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ
какѣ въ огнѣ,

Побѣду избочась и гордо на конѣ,
Котораго чепракѣ съ жемчужной бахрамою
Унизанѣ бирюзою,
Въ домѣ къ тещѣ Визирю. — За мной и
предо мною

Потянупси мои евнухи по два въ рядѣ.
Визирѣ, еще вдали завидя мой парадѣ,
Ужѣ на крыльцѣ меня встрѣчаютѣ,
И въ комнаты введи сажаютѣ
По праву руку на диванѣ
Среди куреній благовонныхъ.

Я, сѣвши важно, какѣ Султанѣ,
Скажу ему: „Визирѣ! вотѣ тысяча червон-
ныхъ,

Обѣщанные мной тебѣ за первую ночь;
И сверхъ того еще вотѣ пишь во увѣреніе,
Сколь мнѣ мила твоя прекраснѣйшая дочь;
А съ ними и мое прими благодареніе.“
Потомѣ при кошелька большихъ ему вручу,
И на конѣ стрѣлой къ Земирѣ полечу.
День этотѣ будетѣ днемъ любви и ликованій,
А завтра о восторгѣ! о верхѣ моихъ же-
ланій!

Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
 Вдругъ пробуждаюсь я опъ радостнаго клика,
 И слышу, весь народъ,
 Опъ мала до велика,
 Толпами привала на дворъ,
 Кричитъ сославъ хоръ:
 „Да здравствуетъ супругъ Земиры!
 А въ залъ знатность: Сераскиры,
 Паши и прочіе стоятъ,
 И ждуть, когда войши съ поклономъ имъ ве-
 лятъ.

Я всѣхъ ихъ допустить къ себѣ повелѣваю,
 И пусть-то важну роль Вельможи начинаю:
 У одного я руку жму,
 Съ другимъ вступаю въ разговоры;
 На третьяго взгляну, да и спиной къ нему;
 А на тебя, Абдулъ, бросаю звѣрски взоры!
 Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй,
 Что разлучилъ меня съ Фашимою моею,
 Съ которой около трехъ дней
 Я жилъ душою въ душу!
 О! я уже тебя не прущу,
 А ты передо мной дрожишь,
 Блѣдишь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь:
 Помилуй, позабуди прошедшее! жужжишь...
 Но нѣтъ прощенія! лишь пуше кровь взвол-
 нуешь,
 И я, уже владѣть не въ силахъ ставъ собой,
 Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!
 Пинками!“ — И въ жару восторга нашъ меч-
 шатель,
 Визирской гордый зяць, Земиры обладатель,

Ногою въ корабль толкѣ: потѣ на бокѣ; а хру-
сталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и — въ дребезги раз-
бился! . . .
И такъ, мой друзья! хотѣ жалъ, хотѣ не жалъ,
Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать! —
разженился.

ДМИТРИЕВЪ.

II.

ПРИСТЫЖЕННЫЙ МУДРЕЦЪ.

Пусть ~~хладный~~ мизогинъ прекрасный полъ
зловинъ;

Пусть кричитъ, что онъ
Въ любовны сѣти насъ на то лишь только
ловитъ;

Что будто весело ему нашъ слышать стонъ;
Что женской милой взглядъ ехиднино есть
жало;

Что вѣрной женщины на свѣтѣ не бывало;
Что блеска всѣхъ богатствъ, всѣхъ скинпровъ
и коронъ;

Всѣхъ въ мѣрѣ почестей и рай даже мало;
Чтобъ посполными принудить женщинъ быть,
И что не будетъ въ вѣкѣ онъ ни одной лю-
бить. . . .

Часть III.

Д

Пусть недостатковъ ихъ и въ годъ нельзя
изчислишь ,

Я все по старому намѣренъ мыслишь ,
Не слушая опнюдь его угрюмыхъ вранъ ;
Пусть продолжаетъ онъ бранить изъ всей ихъ
силы ;

Мнѣ женщины всегда казаться будущъ милы ,
А мизогинъ медвѣдь , комъ снѣгу и дуракъ . .
Надъ нами женску власнь докажетъ повѣсть
эша ,

Которую начну я сказывать вотъ такъ :

Завоеватель полусвѣта ,
Царь Македонскій Александръ ,
Герой , какого и Скамандръ
Не зрѣлъ на берегахъ своихъ во всѣхъ лѣтахъ ,
Какъ орошаемый имъ градъ
На силу хитроспѣю былъ взятъ ;
Отъ Александрабы отдѣлался онъ врядъ .
Споусная молва охрипла ,
Трубя его дѣла , шрубя хвалы ему ;
И къ воинъ сему ,
Какъ муха къ пацокъ , фортуна такъ при-
липла .

Но вдругъ среди своихъ безчисленныхъ побѣдъ
Онъ грозный мечъ въ ножны влагаетъ
Опущенный свѣтъ
Спокойство наконецъ вкушаетъ ;
Не лѣтся боѣе рѣкой невинныхъ кровь .
Да кто же , спроситъ , былъ премѣны сей ви-
ною ?

Тотъ , шигра лютаго кто дѣлаетъ овцою ,
А именно : любовь .

Она глазамъ его Темиру представляетъ ,
Которая въ себѣ всѣ прелести вмѣщаетъ .

Такую красоту изображать не мнѣ,
 Какой я въ жизнь мою не видывалъ во снѣ.

Эссенція была она изъ всѣхъ трехъ Грацій,
 Такъ пусть Державинъ, нашъ Горацій,
 Изобразитъ ее, когда ему досугъ,
 Онъ Музамъ первый другъ;
 Иль пусть перомъ своимъ — перомъ изъ рай-
 ской пшеницы —

Нашъ несравненный Карамзинъ
 Опишетъ прелести небесной сей дѣвицы
 Такъ, какъ умѣетъ онъ одинъ...
 Вселенной пыльная корона
 Противъ любви не оборона.

Крылатое дитя,
 Къ Царю внезапно прилетя,
 Одной улыбкой прекращаетъ
 Войны ужасный громъ,
 И Марсовъ шумный домъ
 Въ храмъ матерей своей мгновенно превращаетъ,
 И словомъ, ставитъ все вверхъ дномъ.
 Купцы, дворяне, царедворцы
 Пылаютъ страстнымъ всѣ огнемъ,
 Простые воины и даже полководцы

На посошки
 Булашные мечи мѣняютъ,
 И всѣ поютъ, да сочиняютъ

Любовные стихишки.
 А наша братья стихотворцы,
 Сии старинные льстецы,
 Военныхъ подвиговъ преставши быть пѣвцы,
 Слагаютъ Пѣсенки, Идилліи, Эклоги.
 Къ Парнаусу полны столъ народомъ всѣ дороги,
 Что тѣснѣе такой

Никто не видывалъ во вѣкѣ и на Тверской.

Всѣ пляжкѣ пускаютъ вздохи

И слышны лишь вездѣ одни увы, да охи;

Короче вамъ сказать, любовно ремесло

Въ такую моду вдругъ вошло,

Что всякой попольно имъ однимъ и занимался,

Никто не дѣлалъ дѣлъ,

А лишь вздыхалъ, да пѣлъ;

Подвѣчій ужъ не въ судѣ, а на Парнасѣ
паскался.

Вотъ силенъ какъ Царевъ примѣръ!

Народъ большая обезьяна.

И очень правильно сказалъ старикъ Вольтеръ,

Что Августъ пилъ, когда была вся Польша пьяна.

Любовь однакожъ не бѣда,

И возбранятъ ее вельможамъ бы не должно;

А въ особливости тогда,

Когда съ ихъ должностію ей совмѣщаться
можно,

И бытъ лишь отдыхомъ отъ пляжного пруда.

Но естълибъ такъ случилось,

Чтобъ Царь, или Министръ, совсѣмъ ей
предался;

Тобъ это куда конечно не годилось.

Однакожъ, кажется, и слишкомъ заврался:

Съ моралью мнѣ пора проспиться;

Я все пустое говорю,

И къ Македонскому Царю

Давно ужъ время возвратиться.

Учитель былъ его и дядька Аристотѣль:

Аристотелемъ бы назвать его мнѣ должно;

Но всякой шопъ,

Кто писывалъ стихи, разсудитъ, что не
можно

Такова имени и въ стихѣ почти вломать ;
 Такъ за это меня не станушъ обвинять . . .

Едваль не первый былъ полищикъ
 Сей славный и ученый Мужъ ;
 Былъ Философъ , Поэтъ и Криптикъ ;
 Былъ проповѣдывать мораль опимѣн-
 но дюжъ ;

Одинъ былъ къ женщинамъ не падокъ ,
 И видя спрашный безпорядокъ
 Въ совѣтахъ , въ войскахъ и въ судахъ ,
 Пошелъ , откинувъ страхъ ,

Мышь голову — Владыкъ мѣра ,
 И началъ шакъ ; „швоя Темира

„Ослабила въ тебѣ геройскій прежній духъ :

„Тотъ Царь , что налагалъ на всю вселенну
 дани ;

„Кто лаврами шопить поргочья могъ бани ;

„Кто очертилъ мечемъ почти земной весь кругъ :

„Тотъ гордый Царь лежишъ теперь у ногъ
 дѣвчонки ,

„Вздыхаетъ передъ ней , цѣлуешъ ей ручонки ,

„И скоро , кажешся , бояться станешъ мухъ !

„Какъ могъ унизипся ты до любовной спра-
 сти ,

„Копорой грубыя , вещественныя сласпи

„Приличны лишь однимъ скошамъ ?

„Ахъ ! спыдъ какой и срамъ !

„Не Персы , куры всѣ смѣяпся спали намъ .

„Спѣши спасать себя отъ эдакой напаспи ! . . .“

За эпотъ комплиментъ

Не многобъ царедворецъ

Могъ получить чиновъ и лентъ ;

Но нашъ угрюмый спраспоборецъ

Не лакомъ былъ до нихъ

И правду говорить всегда былъ очень лихъ,
Хотя и стихотворецъ.

Царь бросилъ на него спыдливо-грозный взоръ,
Сказалъ: „миѣ кажется, мудрецъ, ты мелешь
взоръ.

„Такъ грубо говорить не смѣй впередъ со-
мною!“

И, обратясь къ нему спиною,

Ушелъ и проповѣдь его

Пересказалъ своей любезной,

Примолвъ, что мудрецъ трудъ принялъ без-
полезной,

И поднималъ на смѣхъ онъ дядьку своего.

Досада между тѣмъ Темиръ сердце гложетъ.

Сю досаду потъ одинъ представить можешь,

Иль правильнѣе молвишь, та,

Которая сама любимицей бывала,

И слѣдственно сама собою испытала,

Какъ сладко занимать подобныя мѣста,

И какъ несносно ихъ лишаться;

Несносно, точно такъ,

Какъ въ адъ изъ рая низвергаться;

Иль можешь быть, что я дуракъ.

Темира мщеніемъ однако же пылаешь:

Мгновенно планъ ему въ умъ своемъ черпишь,

Царю объ ономъ сообщаетъ

И общаетъ,

Что завтражъ спарому хрычу она отмститъ.

И дѣльно! какъ же онъ Царю не возбраняетъ

Родъ человѣческій рубить и жечь,

Варить и печь;

Любитъся жъ строго запрещаетъ!

За эгобъ мудреца не худо и посѣчь . . .

Дворецъ былъ окруженъ прекрасными садами;
Аристопелевъ же учебный кабинетъ

Устроенъ былъ надъ цвѣтниками.

Старикъ, чѣмъ свѣтлѣе,

Ходилъ туда учиться

И въ фоліантахъ рылся.

Поушпру, Царь дневной изъ Понша лишь воз-
никъ,

Темира, легиной пюникъ

Накинувъ на себя, лепитъ въ цвѣтникъ,

Надъ коимъ жилъ старикъ,

Спѣша свершить свои заѣты.

Имѣя на умѣ лишь мщеніе одно,

Плутовка на его окно

Наводитъ сильныя кокетства бапарей.

Старикъ давнымъ давно надъ книгами кор-
пѣлъ,

Трудился и потѣлъ,

Какъ всѣ такіе грамафенъ . . .

Какъ вдругъ,

Небесно пѣніе Сирены,

Сквозь толстый проникнувъ стѣны,

Его пронзаетъ слухъ;

Задремывали въ немъ всѣ жилки.

Сильнѣе Лейденской бушмаки

Сей неподобный гласъ

Всѣ фибры въ немъ потрясѣ.

Онъ бросился къ окну, какъ будто угорѣлый!

И чпѣжъ узрѣлъ въ саду прелестникъ посѣдѣ-
лый?

Онъ совершенство зрѣлъ небесныя красы,

Малиновы уста, каштановы власы . . .

„Что въ сердцѣ у меня такъ спало помо-
гаться?“

„Ахти ! никакъ любовь !

„Но кшатѣ ли мнѣ пакъ на спарости спра-
миться ,

„Когда моя холодна кровь

„Дошла уже почти до почки замерзанья ?

„Мнѣль спраснины пускашь вздыханья ?

„Мнѣль чувсвовать любовь ,

„Когда гнешетъ меня годовъ тяжело бремя ;

„Когда жестокое , неумолимо время

„Кладетъ мнѣ лысую печать свою на темя ;

„Какъ на лицѣ моемъ есть тысячь пять мор-
щинъ ,

„И смерть отъ плечъ моихъ ужъ только на
аршинѣ ? —

„О мудрость ! тщетноль я гонялся за тобою ?

„Спѣши на выручку къ любимцу своему ,

„И сжался надъ моей несчастною судьбою ,

„Изъ сердца изгоний любовную чуму !“ . . .

Однакожъ , какъ мудрецъ съ любовію ни вздо-
ришь ,

Ее не переспоришь ;

Передъ любовію сильнѣйшій силлогизмъ

Ничто , какъ слабый лишь софизмъ.

Эротъ мальчишка своевольной

И логика его сильнѣй гораздо школьной.

Мудрецъ въ досадѣ самъ себѣ глаза подбилъ ;

Но сколько онъ ни куролесилъ ,

Эротъ однакожъ въ немъ премудрость пере-
вѣсилъ

И въ рекруты къ себѣ его онъ подѣпилъ.

Находитъ моралистъ нашъ зеркальца кусочикъ ,

И вощечкомъ его къ обоямъ прилѣпилъ ;

Оставшихъ волосовъ пригладилъ хохолочикъ ;

Потомъ , открывъ свой чемоданъ ,

Онъ вынулъ изъ него голубинькой кафтанъ;
 На шею повязавъ плапочикъ,
 Какъ будто аленькой цвѣточикъ,
 Въ карманъ же положилъ другой,
 Испалѣйской голубой;
 А въ праву руку взялъ онъ модную дубинку,
 И словомъ, точно шакъ
 Одѣлся старой нашъ дуракъ,
 Какъ въ *По мосту мосту* поюшъ намъ про
 дѣшинку.

Окончивъ туалетъ,
 И съ мудростью проспаясь, пошелъ
 нашъ дѣдъ,
 Пошелъ, однакожъ не попицясь,
 Пошелъ въ любви своей Темиръ онъ опираться,
 И въ ноги къ ней упавъ, сказалъ ей: весь
 я твоя!

„Спупай хотя сей часъ въ Гражданскую Па-
 ладу

„И крѣпость совершай, но за это въ заплачу
 „Хоть взглядомъ награди жестокой пламени
 мой!

„Я лишнихъ предъ тобой лѣтъ сорокъ пять
 имѣю;

„Но слово лишь скажи — я въ мигъ помо-
 лодѣю;

„Совсѣмъ перерожусь,

„Не въ дѣдушки тебѣ, въ любовники гожусь“...

— Чшо вижу я! кричитъ Темира,
 Тотъ славный Философъ, свѣщильникъ гор-
 дый міра,

Который нападалъ такъ на любовну страсть

И хладнокровіемъ хвалился,

Не успѣдился

И въ ногамъ моимъ упасишь?
Сей важный моралистъ лежилъ у ногъ
дѣвочки!

Вздыхаетъ передъ ней, цѣлуетъ ей ру-
чонки!

Ты вѣрно, дѣдушка, смѣешься надо мной?

Какъ можно этому повѣрить!

Но способъ я нашла любовь твою измѣрить,
И еслили справедливъ жестокой пламень твой,
Конечно ты мое исполнишь предложение:

Пришло мнѣ сильное хотѣнье

Побѣдить на тебѣ верхомъ. . . .

Я сбѣгаю въ одну минушу за сѣдломъ. —

Не могъ ему обманъ плутовкинъ быть, при-
мѣненъ:

Кто истинно влюбленъ, томъ слѣпъ и без-
опытенъ.

Мудрецъ же былъ при томъ весьма самолюбивъ;

И такъ, себя забывъ,

На четвереньки спановится

Нашъ старой грѣшникъ и спрамецъ,

И подъ сѣдломъ уже, какъ добрый конь, бо-
дрится. . . .

Какъ долженъ быть смѣшенъ осѣдланный му-
дрецъ!

Темира спавишь ножку въ спремя,

И будучи какъ пухъ легка,

Вспрыгнула вмигъ на спарика;

Толкаетъ подъ животъ его и подъ бока,

Какъ будто лошака;

А онъ, почувствовавъ пріятное столь бремя,

Запрыгалъ, заскакалъ,

Какъ Александръ Буцефалъ;

Печаталъ на песокъ свои онъ руки, ноги;
 Ученаяжъ его сбѣлая борода,
 Какъ будто помело, мела въ саду дороги.
 „Но что же, мыслишь онъ, какая въ томъ бѣда?
 „Не вѣчно мнѣ возить, на все вѣдь есть чре-
 да. . . .“

А между шѣмъ его Темира погоняешь
 И пѣсни попѣваешь.
 Ужъ всѣ почти мѣсяца избѣздилъ онъ въ саду...
 Какъ вдругъ — о боги!

Къ смертельному его спыду
 И къ неописанной досадѣ,
 Когда лишь только онъ пускайся сталъ въ
 галопъ,
 Слѣхъ громкій поразилъ его какъ камнемъ въ
 лобъ.
 Но ктожъ смѣлся такъ? Самъ Царь шумъ
 былъ въ засадѣ.
 „Ага! вскричалъ Монархъ, премудрый Ари-
 стошъ!
 „Что скажешь ты теперь? не шопъ ли полно
 скошъ,

„Сдѣлать себя кто дозволяешь,
 „И такъ искусно роль осла кто представ-
 ляешь?“ . . .

Обѣданный мудрецъ, спыдаясь глядѣть на
 свѣтъ,

Зажмуривши глаза, далъ сей Царю отвѣтъ:
 „Такъ смѣйся, Александръ, я этого достоинъ.

„Но видишь ли теперь,
 „Какой любовью опасный звѣрь?
 „Ты вѣчнобъ безъ нее былъ первый въ свѣтѣ
 конь,

„А я — пошлюсь на всѣхъ — былъ хоть куда
мудрецъ ;

„Теперь же, вижу самъ, что сталъ большой спра-
мецъ.

„Послушайся меня! оставь колдовку эту!

„Семь мудрецовъ она способна впредь въ карету,

„Не только осѣлать меня. . .“

Но естѣлибъ Аристотѣ прочелъ морали книгу,

То и тогда бы скушалъ фигу ,

Не залилъ бы въ Царѣ любовнаго огня ;

Темиру Царь любилъ сердечно ;

Но такъ какъ все у насъ не вѣчно ,

То сей огонь горѣлъ , горѣлъ , да и погасъ .

Вы видите , друзья ! что время во сто разъ

Въ сихъ случаяхъ сильнѣй всѣхъ школьныхъ

пустомѣй ,

Сильнѣе Логикъ и всѣхъ Аристотелей .

П. СУМАРКОВЪ.

III.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ,

или

Желаніе и Блаженство.

Телема живоспью и красотою блистаетъ,
 Неперпѣлива лишь она;
 Собою никогда довольна не бываетъ,
 Всегда какой нибудь мечтой ослѣплена.

Телемъ юноша понравился прекрасный,
 Но только нравъ имѣлъ онъ съ нею несо-
 гласный;

Всегда въ чертахъ его лица
 Веселость чистая явлетъ,

Влекущая сердца;

Въ очахъ его любовь сама свой проиѣ имѣтъ,
 Который пихою улыбкой озарѣтъ.

За то уже печаль при немъ и бытъ не смѣтъ,
 И даже онъ забавъ онъ шумныхъ удалѣтъ.

Ахъ, какъ его спокоенъ сонъ!

И какъ пріятно пробужденіе!

Всечасно новое вкушаетъ услажденіе;

Зовется же *Макаромъ* онъ.

Нескромная его невѣста,

Когда - то, очень не-у-мѣста,

Паспущку спрашную задумала играть.

Заахала не кстапи и замѣла,

Бытъ обожасмой хотѣла,

И ну въ холодноспи Макара упрекать!

А тѣмъ ему — нагнала скуку;

Онъ, смѣючись, ее оставилъ и ушелъ

Невѣдомо куда — но черезъ то навелъ

Бѣдняжкѣ во сто кратѣ несноснѣйшую муку:
Она безъ памяти пустилась въ слѣдъ за нимъ

По всѣмъ краямъ земнымъ,
Не въ состояніи переносить разлуку
Съ непоспояннымъ симъ.

Вопервыхъ ко двору Телема прискакала
И стала спрашивать у царедворцевъ всѣхъ:

Могутъ ли здѣсь найти Макара?
Телему бѣдную всѣ подняли на смѣхъ,
Когда услышали столь странное названье:
„Макаръ! — — какой Макаръ? — — да
что онъ за созданье?

Гдѣ заперяла ты его?
Ха, ха, желалось бы намъ слышать описанье
Про молодца сего.“

Она насмѣшникамъ со вздохомъ отвѣчаетъ:
Макаръ есть образецъ, примѣръ для всѣхъ
людей!

Онъ всякихъ вредныхъ чуждъ пороковъ и
спрасней;

Всегда онъ здраво разсуждаетъ,
Во всемъ себя умно ведетъ,
Отъ всѣхъ любовь пріобрѣтаетъ,
И вѣчно безъ заботъ живетъ! —

На это не съ другаго слова

Сказали ей въ отвѣтъ:

„Голубушка, у насъ здѣсь нѣтъ

„Макара твоего драгова;

„Во вѣки чудака такова

„Не видывалъ придворный свѣтъ.“

Телема въ горести скорѣйшими шагами

Опшуда къ городу пошла,
И на дорогѣ монастырь нашла:

— Авось - либо за эшими стѣнами

Запирался любовникъ мой;

Здѣсь, сказываютъ, всѣ простились со спра-
спями,

И такъ здѣсь долженъ жить моей души по-
кой! —

Подумавъ такъ, она съ надеждою вступила

Въ обитель тихую зашворниковъ священныхъ

И о Макарь спросила:

„Съ которыхъ поръ уже (въ опившъ
Игуменъ ихъ)

„Къ себѣ Макара мы въ обитель ожидаемъ;

„Но ахъ! грѣховными увидѣшь очесы

„Еще поднесь не возмогаемъ

„Его божественной красы!

„А въ ожиданьи плоть свою мы изнуряемъ,

„Бранимся, молимся, зѣваемъ,

„И прашимъ попуску часы.“

Тутъ спранспвующей сей красотѣ

Сказалъ, перебирая чопки,

Смирненнымъ голосомъ одинъ сухой чернецъ:

„Телема, перестань ты по свѣту скишаться!

Теперь тебѣ его, повѣрь, не доискашься;

Я слышалъ, будто бы скончался твой бѣглецъ.“

Телема гнѣвомъ воспылала

Опъ дерзкой рѣчи шой.

— Честной отецъ! она вскричала,

Ты ошибаешься; въ живыхъ любовникъ мой:

Онъ для меня рожденъ на свѣтѣ — во мнѣ

одной!

Стихїю лишь ему найти для жизни можно;
 Я въ томъ увѣрена не ложно;
 А кто вамъ иначе напелковалъ,
 Безстыдно томъ солгалъ . . . —
 Конечно онъ у философовъ,
 У умниковъ и оспрослововъ,
 Которы въ книгахъ такъ превознесли его
 И часто такъ о немъ пвердили;
 Они конечно заманили
 Къ себѣ Макара моего! —
 Но тѣ на сдѣланный вопросъ ей отвѣчали:
 „Макаръ намъ, право, не знакомъ,
 „И мы его своимъ перомъ
 „По слуху только описали,
 „Въ лице же никогда его мы не видали.“
 И пригорюнившись она отъ нихъ пошла —

Къ Оемидиной палатѣ
 Полюбопытствовашъ Телема подошла;
 Но въ двери — и назадъ, воскликнувши: не
 испати:
 Ему бы здѣсь часы драгіе разшочашъ!
 Во вѣкъ не будетъ въ Магистратѣ
 Макаръ мой милый засѣдашъ! —
 Искала нѣжная Телема
 Невѣрнаго сего и шамъ,
 Гдѣ Талїя и Мельпомена
 Имѣющъ свой изящный храмъ:
 Но нѣтъ! при зрѣлищахъ любезнаго Макара
 Телема не нашла опинюдь.
 Она его не разъ и въ обществахъ искала,
 Которы лучшими сльвущъ:
 Казалось на него шамъ много - кто походитъ
 На первой взглядъ;

Но проникательну Телему не приводишь
 Въ обманъ блестящая наружность и нарядъ:
 Хотя поступки ихъ и рѣчи извѣляютъ,
 Что имъ хотѣлось бы принять Макаровъ видъ;
 Но всѣ они ему напрасно подражаютъ,

Никто себя съ нимъ не сравнишь.

Повѣдка щепетная Телему упомила,

Съ горюющей душой

Тихонько бѣдная оправила домой.

Но вѣбхавши на дворъ, лишь въ горенку
 вступила,

Ей первый на глаза попалъ. . . .

Кто? опгадайше. . . . томъ, по комъ она гру-
 стила!

Ахъ, самый томъ! — Онъ, сѣвъ на одрѣ къ
 ней, поджидалъ,

Чтобъ, чрезъ внезапное явленіе,

Пріятно привести Телему въ удивленіе.

Живи (обнявъ ее съ любовью, онъ сказалъ)

Опнынъ, милая, живи со мной спокойно!

И естльи хочешь ты достойно

Всегда особою моею обладашь,

То за мечпою не гоняйся,

И упруждашь меня о томъ остерегайся,

Чего я самъ тебѣ не власненъ дать.

*

Теперь иной меня чипатель вопрошаетъ:

А чіобы значилъ слыслъ обоихъ сихъ именъ?

Кто Греческому обученъ,

Томъ знаетъ;

Къ нему - то обратись, чипатель дорогой;

Тебѣ онъ скажетъ; кто *Макаръ съ Телемой*,

И исполкуетъ онъ тебѣ подъ сей эмблемой,

Къ чему мы созданы судьбой —

Часть III. Е

Макаръ! тебя, тебя мы всѣ имѣть желаемъ,
Тебя мы ищемъ всѣ, находимъ и перяемъ.
Ты, кажется, теперь находишься со мной;

Но не хочу хвалишься:

Кто трубитъ о тебѣ нескромной похвалой,

Не можешь съ тѣмъ ужиться!

Вотъ съ кѣмъ ты любишь пребывать:

Кто пребываніе твое прилѣжно щипишь

Отъ зависти скрывать.

Востокъ.

М О Д Н А Я Ж Е Н А.

Ахъ! сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Той пѣсню, той сонешъ, той лесный ма-
дригалъ;

А вы, о нѣжные мужья подѣ сѣдиною!
 Ни спрочкой не были порадованы мною.
 Простите въ помѣ меня, я молодѣ, вѣпренѣ
 былѣ;

Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынѣ вянущамъ; на лбу моемъ морщины
Величье уже и мнѣ

Подобной вашей ждалъ судьбины,
И о Циперской споронѣ
Лишь въ сказкахъ воспоминашь; — а были,
небылицы,

Я знаю, старикамъ разглаживаюшъ лица;
Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну
Про модную жену:

Пролазъ, въ печеніи полвѣка,
Все ползѣ, да ползѣ, да билѣ челомѣ,
И наконецъ такимѣ невиннымѣ ремесломѣ
Доползѣ до степени извѣстна челомѣ,
То есѣ, спалѣ съ именемѣ — я говорю вѣдь
такѣ,

Какъ говорится въ свѣтѣ:
То есть, сталъ ѣздить онъ шестперкою въ
каремѣ;

Потомъ вступилъ онъ въ бракъ

Съ пригожей дѣвушкой, котора жишь умѣла,
 Была умна, ловка,
 И старика
 Вершѣла
 Какъ хотѣла;

А старикамъ такой законъ,
 Что естѣли кно изъ нихъ вскружишь себя,
 вершущою,

То не она уже, а онъ
 Быть долженъ наконецъ игрушкой;
 Хоть радъ, хоща не радъ,
 Но поступать съ женою въ ладъ
 И рубль подъ часъ считать полушкой.
Пролазъ, хоща и *Пролазъ*, но мужъ какъ и
 другой,

И также, какъ и всѣ, цѣною дорогой
 Плашилъ женъ за нѣжны ласки;
 Узналъ и онъ, что блонды, ласки,
 Что крекъ, линобашистъ, шамбурна кисей.
 Однажды бывъ жена — вопъ шумъ бѣда моя!
 Какъ лучше извѣснить, не приберу я слова —
 Не такъ чшобы больна, не такъ чшобы здо-
 рова,
 А такъ. . . . ни шо, ни сѣ. . . . какъ будшо
 не своя,

Супругу говоришь: „послушай, жизнь моя!

Мнѣ къ празднику нужна обнова;
 Пожалуй у мадамъ *Вобри* купи шюрбанъ,
 Да слушай, душенька, мнѣ хочется экранъ
 Для моего камина;

А отъ нее вѣдь при шага

До Англійскаго магазина;

Да естѣлибъ тамъ еще. . . . нѣтъ, слыш-
 номъ дорога!

А ужасно какъ мила!“ — Да что, мой
свѣтъ! такое? —

„Нѣтъ, папинька, такъ, такъ, пустое....
По чесши! мнѣ самой своихъ расходовъ
жаль.“

— Да что, скажи, откройся смѣло;
Расходы знаешь мое, а не свое уже дѣло? —

„Меня.... спыжусь.... пѣвнела шаль;
Послушай, ангелъ мой! она такая щочно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для Княгини, какъ у Князя празд-
никъ былъ?“

Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: „какъ
ты милъ!“

— Изволь, изволь, я радъ со всей моей душою
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!

Былъ мужнинъ ей отвѣтъ.

Карешу! . . . только врядъ успѣшь уже мнѣ
къ обѣду!

Да я въ дворянской клубъ отшолъ за-
верну. —

„Ахъ, мой жизнеочикъ! какъ пѣвшишь ты
жену!

Спупай же, Ваничка, скорѣ.“ — Ъду,
Ѣду! —

И Ваничка сѣдой,

Проспясь съ женою молодой,

Въ карешу съ помощью двухъ долгихъ слугъ
впачился;

Сѣлъ, крякнулъ, покашлялся;

Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на
дворъ —

Угодникъ дамской Милосвзоръ

Велѣнїѣ на лѣспницу и прямо порхѣ къ
уборной. —

„Ахѣ! я лишь думала, какѣ милѣ!“ —

Слуга покорной. —

„А я одна.“ — Одиѣ? нѣмѣ лучше! да гдѣжѣ
онѣ? —

„Кто? мужѣ!“ — Вашѣ нѣжный купи-
донѣ. —

„Какой, почести, ты ругатель!“

— По крайней мѣрѣ я всѣхѣ *милыхѣ* обожа-
тель.

Однакожѣ это вѣдь не ложѣ,
Что другѣ мой на него хотѣ нѣсколько по-
хожѣ. —

„То есть, онѣ также старѣ, хотя не такѣ
прекрасенѣ.“

— Нѣтъ! я вамѣ докажу. — „О! этоѣ трудѣ
напрасенѣ.“

— Безѣ шутокѣ, слушайте! тоѣ слѣнѣ, а
этоѣ кривѣ;

Не сходнылижѣ они? — „Ахѣ, какѣ ты зло-
рѣчивѣ!“

— Простите, перестану . . .

Да! покажите мнѣ диванну,
Вѣдь я еще ее вѣ опдѣлкѣ не видалѣ;

Ужѣ вѣрно это храмѣ! храмѣ вкуса! — „Оп-
гадалѣ.“

— Конечно и . . . любви? . . . — „Увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣть?“ — Оѣ всей души же-
лаю. — . . .

О бѣдный мужѣ! спѣши, иль послѣ не шути
И оѣ дивана ключѣ вѣ карманѣ ты держи;

Диванѣ для городской вострушки,
Когда на немѣ она самѣ - другѣ,

Опаснѣ, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленой лугъ:

И эша выдумка дивановъ

По чести! месѣ намъ отъ Султановъ.
Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ
Разсматриваешъ все, любуешься, дивишься;
Амуръ же, прикорнувъ на столикъ къ часамъ,
Приспавилъ къ спрѣлкѣ перстѣ, и спрѣлка
не вершился,
Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ досадный
бой

Не вспоминалъ того, что скоро возвратишься
Вулканъ домой.

А онъ, какъ въ *руку сонъ*!... судьбы того
хотѣли!

На шажкахъ верейхъ ворошны заскрыпѣли,
Бичъ хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ
лицомъ

Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужъ онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ по-
купку,

Торопится свою обрадовать голубку;
Ужъ онъ и въ комнатахъ, а вѣрная жена
Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масли,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли жданы напасти?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,

Которая лежала

Свернувшись клубкомъ

На солнышкѣ передъ окномъ,

Вдругъ вспрепелудася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,

Приставила ушко, потомъ полкъ лапой въ
дверь,

Ушла, и возвратилась съ лаемъ.

Тогдажъ другой Пенашъ, зовомый попугаемъ,
Три раза въсповой изъ клѣшки подалъ знакъ,

Вскричавши: *кто пришелъ? ... дуракъ!*

Премила вздрогнула и Миловзоръ подобно;

И пошъ и ша — о время злобно!

О непредвидѣнна бѣда! —

Бросаяся шуда, сюда,

Рѣшились такъ, что ей остаться,

А гостю спрячаться хотя позадь дверей. —

О женщины! могу признаться,

Что вы гораздо насъ хитрей!

Кто могъ бы оцѣдять, чѣмъ кончилась пре-
вога?

Мужъ, въ двери выставя разцѣпшіе два рога,

Вошелъ въ диванную, и видѣшъ, что жена

Вполглаза на него глядишъ сквозь тонка сна;

Онъ ближе къ ней—она проснулась,

Збвнула, потинулась,

Потомъ,

Просперши къ мужу руки,

Какимъ же, говоритъ ему, и крѣпкимъ сномъ

Заснула безъ тебя отъ скуки!

И знаешь ли, что мнѣ

Привидѣлось во снѣ?

Ахъ, и теперь еще въ восторгѣ уповаю!

Послушай, миленькой! дишь только засыпаю,

Вдурѣ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ.

Ну, естли этакъ сонъ не лживъ?

Позволь мнѣ испытать... и въ мигъ, не давъ
супругу

Пришши въ себя, одной рукой

Закрѣла глазѣ ему — здоровый, не кривой, —
 Другую же на дверь указывал другу,
Пролазу говоритъ: „что, видишь ли, мой
 свѣтъ?“

Мужъ опивчается: нѣтъ! —

„Ни крошечки?“ — Ни мало.

Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало. —
 „Ты шутишь?“ — Право, нѣтъ; да дай ты
 мнѣ взглянуть. —

„Прелестная мечта! Лукреція, вскричала:
 За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обма-
 нуть!“

Ахъ! другъ мой, какъ бы я желала,
 Чтобы одинъ пвой глазъ

Похожъ былъ на другой!“ — *Пролазъ*
 При нѣжности такой не могъ спояшь болва-
 номъ;

Онъ самъ разиѣжился, и въ радости души
 Супругу наградиъ и шалью и шюрбаномъ.
Пролазъ! ны эшотъ день во свѣщахъ за-
 ниши.

Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой! —
 Но что записывать? Примѣръ такой не новой.

ДМИТРИЕВЪ.

А Л Ъ Н А С К А Р Ъ.

На сивомъ Октябрѣ верхомъ
 Борей угрюмый подбѣзжаетъ ;
 Сибирскихъ жилищей въ шулупы наряжаетъ ;
 Зефировъ гонитъ голикомъ ;
 Опустошая царство Флоры ,
 На спеклахъ пишемъ онъ узоры ;
 Мухъ въ щели , пшницъ въ кусты , звѣрей же
 гонитъ въ норы ;
 Съ бровей на землю онъ спрясаетъ снѣжны
 горы .
 Въ рукѣ его блеститъ та жадная коса ,
 Которой листьевъ онъ лишаетъ дерева .
 Грозитъ покрыть Иртышъ алмазною корою
 И пудритъ мерзлою мукою
 Сосновы черные лѣса .
 Въ Сибири чѣмъ убитъ такое скучно время ?
 Великъ - ко дровъ принесъ беремя ;
 Запомнимъ камелѣкъ ,
 Разложимъ аленькой прескучѣй огонѣкъ ;
 Сорокоградусны забудемъ здѣшни хлады ;

А л

Скажу вамъ сказочку , друзья ,
 Котору бабушка покойница моя
 Слыхала отъ Шехеразады .

Одинъ

Персидской мѣщанинъ ,
 Которому отецъ въ наслѣдство
 Сто драхмъ оставилъ серебра ,

Желая пріобрѣсть побольше добра,
Разсчелъ, что лучшее для этого есть средство
Въ торги вступить ;

Но чтожъ ему купить ?

Не могли дорогимъ снабдить себя товаромъ,
Посудой вздумалъ онъ спекляннѣй торго-
вать. —

Ахъ ! чуть было вѣдь я не позабылъ сказать,
Что звали моего героя Альнаскарѣмъ. —

Тотчасъ онъ накупилъ

Бушенокъ, карафиновъ,

Спакановъ, рюмокъ и кувшиновъ ;

Вмигъ изъ лубковъ себѣ шалашикъ смасте-
рилъ ,

Посуду въ корѣбъ склалъ, продажи ожидая,
И сѣвши передъ нимъ, онъ такъ заговорилъ,
О будущихъ своихъ сокровищахъ мечтая :

„Посуду эту всю въ недѣлю я продамъ,

„И черезъ то казну свою удвою ;

„А шамъ ,

„Недѣли черезъ двѣ устрою ,

„Потомъ учетверю ;

„Потомъ ужъ голосомъ не тѣмъ заговорю.

„Богатства пошекупъ тогда ко мнѣ рѣкою ;

„И былъ бы очень я плохой купецъ ,

„Когда бы наконецъ

„Не накопилъ себѣ драхмъ тысячъ сто имѣнья.

„Въ то время я уже съ посудой прощусь ,

„И продавать пущусь

„Лишь драгоценныя, рѣдчайшія каменья.

„Какъ будетъ золъ

„Великой на меня Моголъ ,

„Услышавъ, что его алмазы

„Передъ моими всѣмъ покажутся за спразы !

„Я буду только тѣбѣ каменья продавать,
 „Въ которыхъ всѣхъ футовъ пять;
 „А тѣбѣ, которые по грецкому орѣху,
 „На драгу спану я пригоршнями бросаю...
 „Вотъ тѣбѣ - то будетъ смѣху!
 „Когда же отъ своихъ великихъ я торговъ
 „Червонцовъ накоплю съ полсотни сундуковъ;
 „Тогда пошлю пословъ
 „Звать Визиря къ себѣ на пару словъ,
 „А можешь быть его оставлю и откупаю.
 „Но еслили вздумаетъ меня онъ не послу-
 шать,
 „Или замѣшкаетъ на зовъ лившійся мой,
 „Тогда прощайся онъ навѣки съ бородой.
 „Я припашу вѣлю его и на арканъ;
 „А борода его
 „Послужитъ флюгеромъ для дому моего,
 „Или на праздничномъ моемъ диванѣ
 „Пусть развѣиваетъ какъ профей
 „Примѣрной храбрости моей.
 „Но нѣтъ, я думаю, что онъ потчасъ
 прискачетъ,
 „Позволю я ему передъ собою сѣсть
 „И такъ скажу: Визирь! неслыханную честь
 „Я дѣлаю тебѣ, послушай, будь мнѣ тѣшъ,
 „Отъ радости такой неожиданной онъ запла-
 четъ,
 „И повалился вдругъ къ ногамъ моимъ какъ
 снопъ.
 „Я подниму его и поцѣлую въ лобъ,
 „Сказавъ, что дочь его люблю изъ всей я
 мочи;
 „А въ доказательство, что правду говорю,
 „Я побожусь ему, что послѣ первой ночи

„Червонцевъ тысячу ему я подарю.

„Тогда повдешъ онъ для свадьбы дѣлать
сборы,

„Готовишь дочери богатые уборы,

„И словомъ: такъ тогда мы оба заспѣшимъ,

„Что церемонію на прешій день свершимъ.

„Я привезу жену мою въ свои палаты,

„Которы будутъ такъ огромны и богаты,

„Что будь навѣки и кисельникъ и спрамецъ,

„И не купецъ,

„А чушка,

„Коль Шаха нашего дворецъ

„Ни что, какъ гадкая предъ оными лачужка. —

„Теперь, покупщиковъ еще повуда нѣтъ,

„Мнѣ сдѣлать хочется жены моей порпирѣ:

„Какъ пальма райская пряма и величава;

„Ступаетъ будто пава,

„Сапфиръ, что неба сводъ являетъ въ ясный
день,

„Предъ глазками ея, какъ передъ свѣтомъ
тѣнь.

„Увидяжъ бѣлизну ея прелестной шеи,

„Попрячутся съ стыда нарциссы и лилеи;

„Но всѣ красы ея считашъ теперь мнѣ лѣнь,

„А словомъ: собраны въ ней прелестней всѣ
роды,

„И Граціи предъ ней уроды.

„Довольноль этого для васъ?

„Когдажъ наступитъ часъ

„Намъ спать ложиться,

„То самъ Визирь придетъ объ этомъ доло-
жить;

„И стукнувъ лысиной объ пухлю мнѣ развѣ-
щать,

„Вотъ долженъ будетъ что сказать :

„Сіяшельнѣйшій зяць !

„Не повелишь ли ты Зельмиру раздѣвать ,

„Она ужь начала зевать ?

„Но на это ему ни слова не добиться ;

„Я на него и не взгляну ;

„А въ знакъ согласія усами шевельну.

„Когдажъ положатъ спать со мной мою жену ,

„То къ предѣстамъ ея не сдѣлавъ я ни шагу ,

„Спиной къ ней лягу ;

„Ни слова не скажу

„На всѣ ея мнѣ ласки ;

„А Визиря въ ногахъ постели посажу

„И сказывать заспаваю сказки.

„Съ женой нѣжнѣ я никакъ не поступлю ;

„Хоть рвись она въ клочки , заплачь хоть
цѣлу лужу :

„Какъ доброму прилично мужу ,

„Я на одномъ боку всю ночь шу прохраплю. —

„Тогда-то , Альнаскаръ , поцарствуй !

„Опнудь ты важности своей не покидай ,

„И хоть сто разъ швой песь , или жена
чихай ,

„Ты не могъ имъ молвить : здрав-
ствуй !

„Вотъ такъ - то нашихъ знай ! —

„Однакожъ по упру , хоть швердъ я , но не
камень ,

„Сердечный обнаружу пламень

„И въ Гурїи жену мою произведу ;

„А съ Гурїями какъ въ пророковомъ саду ,

„Или въ Едемѣ поступающъ ,

„Всѣ правобѣрные и безъ меня то знаютъ.

„Потомъ я Визирю
 „Обѣщанный ему подарокъ подарю;
 „Да сверхъ того еще червонцовъ дамъ пять
 тысячъ,
 „Изъ коихъ бы иной пять разъ себя далъ вы-
 сѣчь;

„Но это для меня ничто,
 „И даже тысячь спо
 „Ни на волосъ моихъ сокровищъ не убавятъ.
 „О щедрости такой, какой примѣровъ нѣтъ,
 „Газеты Гамбургски увѣдомятъ весь свѣтъ
 „И мнѣ безсмертіе доставятъ.

„Потомъ вся знашь
 „Ко мнѣ явився съ поздравленьемъ;
 „Я сидя буду всѣ поклоны принимаю.
 „Бездѣльникъ нашъ Ради съ колѣнопрекло-
 неньемъ
 „Въ томъ будетъ у меня прощенія просить,
 „Что нѣкогда меня дерзнулъ онъ пригнѣснить;
 „Я зареву какъ левъ: вонъ! вонъ! подлецъ
 бездушный!

„И сколько силы есть, ногой его толкну.“
 Ахши! ты потерялъ богатство и жену,

О! архипекторъ мой воздушный!

На что ты сильно такъ лягнулъ?

Опомнись, не Ради, ты коробъ свой толкнулъ.

Бутылки, пузырьки, кувшины перебились

И съ ними гордые мечпанья сокрушились;

А нашъ Визирской зипъ

Безъ денегъ, безъ жены, легъ на соломѣ спать.

П. Сумароковъ.

П Р И Ч У Д Н И Ц А.

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
 Прелестными была обильна и славна —
 Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
 А только слышалъ я, что Рускіе бояре
 Тогдажъ ужъ бросили запоры и замки;
 Не запирали женъ въ высоки чердаки;
 Но слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
 Ужъ позволяли имъ въ пріятной жишѣ свободѣ,
 И свѣтская тогда жена
 Могла безъ опасенья
 Со другомъ дома, или одна
 И на качеляхъ бытъ въ день Свѣтла Воскре-
 сенья,
 И въ кукольной театрѣ отъ скуки завернуть,
 И въ роцѣ Марьиной подъ тѣнью отдох-
 нуть —
 Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣлрана* процвѣтала;
 Она пригожествомъ лица,
 Здоровьемъ и умомъ блистала.
 Имѣла мать, отца,
 Имѣла лестну власть щелчки давати супругу,
 Имѣла, словомъ, все: большой песовый домъ,
 Съ бердинами сарай, изрядную услугу,
 Гуслиста, карлицу, шуповъ и дуръ содомъ,
 И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
 Такъ почно, какъ она — однако меньше знали.
Вѣлрана куколкой всегда разряжена,
 И каждый день окружена

Знакомыми, родней и нужными сердцами;
Но все они при ней казались бышь льсте-

цами,

За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ
то ей,

То цугу вороныхъ коней,

То парчевому ея плащю,

И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благо-
дащю.

Одна *Вятрана* лишь не вѣдала цѣны

Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны;

Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни за-
бавы,

Ни самая любовь, — вѣдь естъ же на свѣту

Такіе чудны нравы —

Не прогали мою надмѣнну красоту.

Ей царствующій градъ казался пущѣ и ску-
ченъ,

И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,

Съ какимъ нибудь да былъ пашномъ:

„Тотъ глупъ, другой уродъ; тотъ ужаснѣ
неразлученъ;

Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ
вонъ;

Такой — то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;

Та все чинится, та болтлива;

А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива.“ —

Такой опзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ;

Родня и другъ ее забылъ,

Любовникъ разлюбилъ;

Прѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ

Часъ отъ часу спалъ рѣже, рѣже —

Осталась, наконецъ, лишь съ гордостью
одной —

Часть III.

Ж

Утѣшило ли кому съ подругой жизнь такой,
 Надушой, но пустою?
 Она лишь пучишь въ насъ, а не питаетъ
 душу!

Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не спущу.
 И такъ *Вѣтра* съ ней сначала ну зеваю;
 Потомъ ужъ и грустишь, потомъ и тоско-
 вать,

И плакать, и гонцовъ повсюду рассылашь
 За крещеной матерью, — а та, извольте
 знать,

Чудесной силою невѣдомой науки
 Творила на Руси неслыханныя штуки! —
 О естли бы возсталъ изъ гроба ты въ сей
 часъ,

Драгунской виписъ мой, о Роммиспрѣ Бра-
 мербасъ!

Ты, бывший сполько лѣтъ въ Малороссій-
 скомъ краѣ

Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! . . . Я помню
 какъ во снѣ,

Что ты рассказывалъ еще ребенку мнѣ,
 Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,

Обороти тебя въ драгунскаго коня,
 Гуляла на хребтѣ пвоемъ до полуночи,

Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
 Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!

Съ какой, бывало, ты рассказывалъ раз-
 машкой

Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапо-
 гахъ,

За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чай-
 ной чашкой!

Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

Какъ волосы твоя сѣдые съ желтиною
 Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
 Съ какимъ безмолвiемъ ты былъ внимаемъ
 мною!

Въ подобномъ твоему я страхъ бывъ и самъ,
 Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣ-
 рилъ,

И что ужъ ты не конь. . . . еще помю не вѣ-
 рилъ!

О естъли бы теперь ты, вишнякъ мой, воскресъ,
 Ябъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чу-
 десъ!

Не спалъ бы истину я закрывать подъ маску —
 Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и былъ идешь
 за сказку! —

Простите, виноватъ! немного отступилъ,
 Но истинно не я, восторгъ причиной былъ;
 Однако я клянусь моимъ Пермескимъ богомъ,
 Что буду продолжать обыкновеннымъ сло-
 гомъ,

И такъ дослушайтежъ: однажды вечеромъ
 Сидишь облокопясь *Вѣтра* подъ окномъ,
 И возведя свои уныло-ясны очи
 Къ задумчивой лунѣ, сесприцъ смуглой ночи,
 Грустишь и думаешь: прекрасная луна!

Скажи, не ты ли та счастливая спрана,
 Гдѣ мапушка моя ликуешь?

Увы! не ужель ей, которой небеса
 Вручили власть творить различны чудеса,
 Невѣдомо теперь, что дочь ея поскуешь;
 Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
 И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
 Ахъ! естъли бы она хоть глазки показала! —

И съ этой мыслью вдругъ *Всегда* ей пред-
спала :

— Здорово , дитяшко ! *Възбранъ* говоритъ :
Какъ поживаешь ты ? но что пивой ка-
жетъ видъ ?

Ты такъ стара , такъ похудѣла !
И бывши розою , какъ лилія блѣдна !
Скажи мнѣ , отъ чего такъ скоро ты со-
зрѣла ?

Открылся . . . — „Машушка , отвѣщаешь
она :

Я жизнь мою во скукѣ пращу ;
Наспаешь день , поспую , плачу ;
Покроешь ночь , опятьъ грущу ,
И все чего-то я ищу .“

— Чего же , свѣщикъ мой ? или ты не здорова ? —
„О ! нѣтъ , грѣшно сказать .“ — Иль домъ вашъ
не богатъ ? —

„Повѣрьте , не хочу ни мраморныхъ палащъ .“
— Иль мужъ обычая лихоца ? —

„Напрошивъ , врядъ найши другаго ,
Который бы жену споль горячо любилъ .“

— Иль онъ не нравиши ? — „Нѣтъ , онъ до-
вольно милъ .“

— Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокой-
на ? —

„Я болѣе отъ нихъ любима , чѣмъ достойна .“

— Чего же , глупенька , тебѣ не достаетъ ? —

„Признаться , машушка , мнѣ такъ наскучилъ
свѣтъ ,

И такъ я все въ немъ ненавижу ,
Что-то одно и сплю и вижу ,
Чтобъ какъ нибудь попасишь ошсель ,
Хотя за *тридцать* земель ;

Да только чтобы все въ глазахъ моихъ бли-
спало,

Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣбъ разныхъ дивностей соборъ

Представилъ былъ, какъ небылицу. . .
Короче: дай свою увидѣшь мнѣ столицу!“
Спаруха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ прозбою та-
кой?

Желанье дерзко. . . . безразсудно,
То правда, но его исполнишь мнѣ не трудно;
За чѣмъ же дурочку опказомъ огорчить? . . .
Кшомужь, я шѣмъ могу ее и поучить.

— Изрядно! наконецъ сказала:

Исполнися, какъ ты желала. —

И вдругъ, о чудеса!

И крестница и мать взвились подъ небеса

На лучезарной колесницѣ,

Подобной въ быспрошѣ синицѣ,

И меньше, нежели въ при мига,

Спустились въ новый мѣръ, опъ нашего оп-
мѣнный,

Въ которомъ пропъ веснѣ воздвигнушъ неиз-
мѣнный!

Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ
берега,

Деревья яблонны, кусточки ананасны;

А горы всѣ или янтарны, или попазны;

Каковъ же Феинъ былъ дворецъ — признайся
вамъ,

То врядъ изобразитъ и Богдановичъ самъ.

Я только то скажу, что всѣ матеріалы —

А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ —

Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный
 Дворецъ сей сгрозидилъ, лишь изумрудъ,
 Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
 Жемчугъ и лалъ,
 Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыхъ Природы,
 Какими свадебныя набины Руски оды;
 А садъ — повѣришь ли? — не только опи-
 сать

Иль въ сказкѣ разсказать,
 Но даже и во снѣ его намъ не видать.
 Пожалуй, выдумать не трудно;
 Но все то будешь мало, скудно,
 Иль много, много чпо во шмѣ кудрявыхъ
 словъ

Удастся Сарское село тебѣ представить,
 Армининъ садъ, иль Пешергофъ;
 Такъ лучше эпомъ трудъ оставишь
 И далѣ продолжашъ: *Вѣлрана*, николи
 Диковинокъ такихъ не види на земли,
 Со изумленьемъ всѣ предметы озираешь,
 И мыслишь, чпо мечна во снѣ надъ ней
 играешь;

Войдя же въ храмины чудесницы своей,
 И пуще щурится, то блескъ отъ хрусталей,
 Сребристыя луны сражаясь съ лучами,
 Кошорыебъ почлись за солнечные нами,
 Какъ яркой молнѣй слѣпишь: *Вѣлранинъ*
 взоръ;

То перламутръ хруститъ подъ ней, или
 фарфоръ —

Ахъ! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
 Но бышь ужъ такъ, когда пуснулся.

И такъ пересступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ претъему пришли, богатый вдругъ

черпогъ

Не вѣшперкомъ, но самъ собою разтворился!

— Ну, дочка! поживай и веселися здѣсь,

Всеѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,

Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,

Велѣнїямъ моимъ послушныхъ,

Даю во власъ пивою; сама же я, мой свѣтъ,

Отправляюся на мало время

(Вѣдь у меня заботъ беремъ)

Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась спо лѣтъ;

Она не далеко живетъ отсюда — въ Колѣ,

Да по дорогѣ ужъ отполѣ

Зайду и къ брату я,

Камчатскому Шаману.

Прощай, душа моя!

Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану. —

Тутъ коврикъ *самолѣтъ* она подослала,

Спустила, свиснула, и въ мигъ изъ глазъ

ушла,

Какъ будто бы и не была.

А удивленная *Вѣлрана*,

Какъ новая Дїана,

Оспалась между Нимфъ, исполненныхъ за-

разъ.

Они тотчасъ ее подъ ручки подхватили,

Помчали, и за столъ роскошный посадили,

Какого и *видомъ не видано* у насъ.

Вѣлрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,

Изъ коихъ каждая почти, какъ ты... мила,

Поджавши руки вокругъ стола,

Поютъ ей арїи веселыя и страшны,

Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.

Потомъ она едва задумала вставать,
 Вдругъ — двушекъ, стола не спало,
 И залы будто не бывало;
 Ужъ спальней сдѣлалась она!

*Вѣтра*на чувствуетъ прѣшну ^{помножь}
 сна,

Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетенномъ
 нишѣ,

И въ томъ же мигъ смычокъ невидимый за-
 пѣлъ,

Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ си-
 дѣлъ;

Смычекъ часъ отъ часу пѣлъ пише, пише,
 И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтра*ною уснулъ.

Прошла спокойна ночь; Намура пробудилась;

Зефиръ вспорхнулъ,

И жершва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскури-
 лась;

Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,

Слѣянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья

И съ шумомъ рѣзвато фоншана,

Воспѣлъ: „Проснись, проснись, счастливая
*Вѣтра*на!“

Она проснулась — и спальня ужъ садъ,

Жилище райское веселій и прохлада!

Повсюду чудеса *Вѣтра*на обрѣтала;

Гдѣ только ступишь лишь, шумъ роза раз-
 цвѣтала!

Здѣсь рядомъ передъ ней лимонныя деревья,

Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава

Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ опли-
 вае;

Тамъ рѣчка по песку златому прошекаетъ;

Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ

Мелькаютъ рыбки золотыя;
 Тамъ пшички гимнъ поютъ Природѣ и веснѣ
 И поугаи голубыя
 Со эхомъ въ запуски швердятъ:
 „*Вѣтрана!* насыщай свой взглядъ!“
 А съ полднемъ новая картина:
 Садъ превратился въ храмъ,
 Украшенный по сторонамъ
 Столпами изъ рубина,
 И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ
 Изъ разныхъ въ хрусталь цвѣтовъ.
 И вдругъ отъ свода опустился
 На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ серебра
 Съ такоюжъ пищею, какъ вчера,
 И въ воздухѣ ошановился;
 А подъ *Вѣтраною* очутился
 Съ подушкой бархатною пропѣ,
 Чтобы съ него ей кушашъ,
 И пѣнѣ, какимъ гордилсябъ Амфіонъ,
 Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слу-
 шашъ.
 „По чести! это рай! ну, ешьлибы теперь,
Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь...“
 И слова не скончавъ, въ пріюмо она взглянула —
 Сошла со прона и вздохнула!
 Что дѣлала потомъ она во весь цотъ день,
 Признаться, сказывать и дѣнь,
 И не умѣется, и было бы не ксшатъ;
 А только объявлю, что въ этой же палатѣ
 Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
 Былъ и вечерній столъ, приличный лишь бо-
 гамъ,
 И что на упрѣ былъ день новыхъ превращеній
 И новыхъ возхищеній,

А на другой день пожь. — „Но что это за мѣръ?

Вѣлрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ
лиръ:

Все эдакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не
вижу?

Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселишь, когда его дѣлишь.“ —

Лишь это вымолвишь успѣла,
Вдругъ набѣжала тѣма, всалъ вихорь, гря-
нулъ громъ,

Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ;
Какъ не бывалъ волшебный домъ;

И бѣдная *Вѣлрана*
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Спрямглавъ лепитъ, лепитъ, лепитъ —
И гдѣжъ, вы мыслите, упала?
Средь спрашнихъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!

Вѣлрана возрыдала,
Когда опомнившись узнала,
Куда попала она;

Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была: ни звѣзды, ни луна,
Сквозь черного ея покрова не мелькали;
Все спитъ!

Лишь воешь вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелезаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.

Сиротка думаетъ, иди ли ей, иль нѣтъ;
И ждашь, когда луны забрезжитъ блѣдный
свѣтъ?

Но это часъ воровъ! и такъ она рѣшилась
Не мѣшая иди; и такъ перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку

Со страхомъ и поскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ
ногою:

Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ куку!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за деревьевъ роги;
То слышишься ахъ, то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,

Иль кто - то скрылся за пенекъ;

То по лѣсу раздался хохотъ,

То вой волковъ, то конской топотъ.

Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испы-
талъ,

Когда мои стихи въ журналы посылалъ.

Не даромъ и Вѣлрана плачетъ!

Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, кто - то скачетъ

Съ рогашиной въ рукъ, съ пицалью за плечъ-
ми,

Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаячи очми:

Стой! кто бы ты ни шелъ, по волъ иль не-
волъ;

Иль свѣта не увидишь болъ! . . .

Кто ты? нагнавъ ее онъ грозно продолжалъ;

Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,

Беретъ ее въ охапку

И поперегъ кладетъ сѣдла,

А самъ, надвинувъ шапку,

Принавъ къ лукъ, лешитъ какъ изъ лука
спрѣла,

Лепитѣ , исполненный опваги ,
 Чрезъ холмы , горы и овраги ,
 И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ ,
 Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку , не говоря двухъ
 словъ !

Вѣлрана жѣ : ахъ ! . . . и пробудилась . —
 Представьте , какъ она взглянувши удиви-
 лась !

Вся горница полна людей :
 Мужъ въ головахъ споялъ у ней ;
 Сестры и шепушки вокругъ ея постели
 Въ безмолвіи сидѣли ;
 Въ углу приходской попъ молился и чишалъ ;
 Въ другомъ углу колдунъ *досужій* бормошалъ ;
 У шкафажъ за столомъ , вощанкою накрпшымъ ,
 Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ Нѣмчинъ ,
 Который по Москвѣ считался знаменитымъ ,
 За тѣмъ , что былъ одинъ .
 И все собраніе *Вѣлраны* съ первымъ взоромъ :
 Очнулась ! возгласило хоромъ ;
 Очнулась ! повторяетъ хоръ ;
 Очнулась ! — и весь дворъ
 Запрыгалъ , заплясалъ , воскликнувъ : слава
 Богу !

Боярыня жива ! нѣтъ горя намъ теперь ! —
 А въ эту самую тревогу
 Вошла *Всееѣда* въ дверь
 И бросаѣась къ *Вѣлранѣ* . . . —
 „Ахъ , бабушка ! за чѣмъ явилась ты не ранъ ?
Вѣлрана говоритъ : гдѣ это я была ?
 И что я видѣла ? . . . страхъ . . . ужасъ !“ —
 Ты спала ,
 А видѣла лишь бредъ , *Всееѣда* отвѣчаетъ ;
 Прости — развеселись старуха продолжаѣтъ :

Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты
 По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
 И для того, когда ты съ просьбой присту-
 пила,

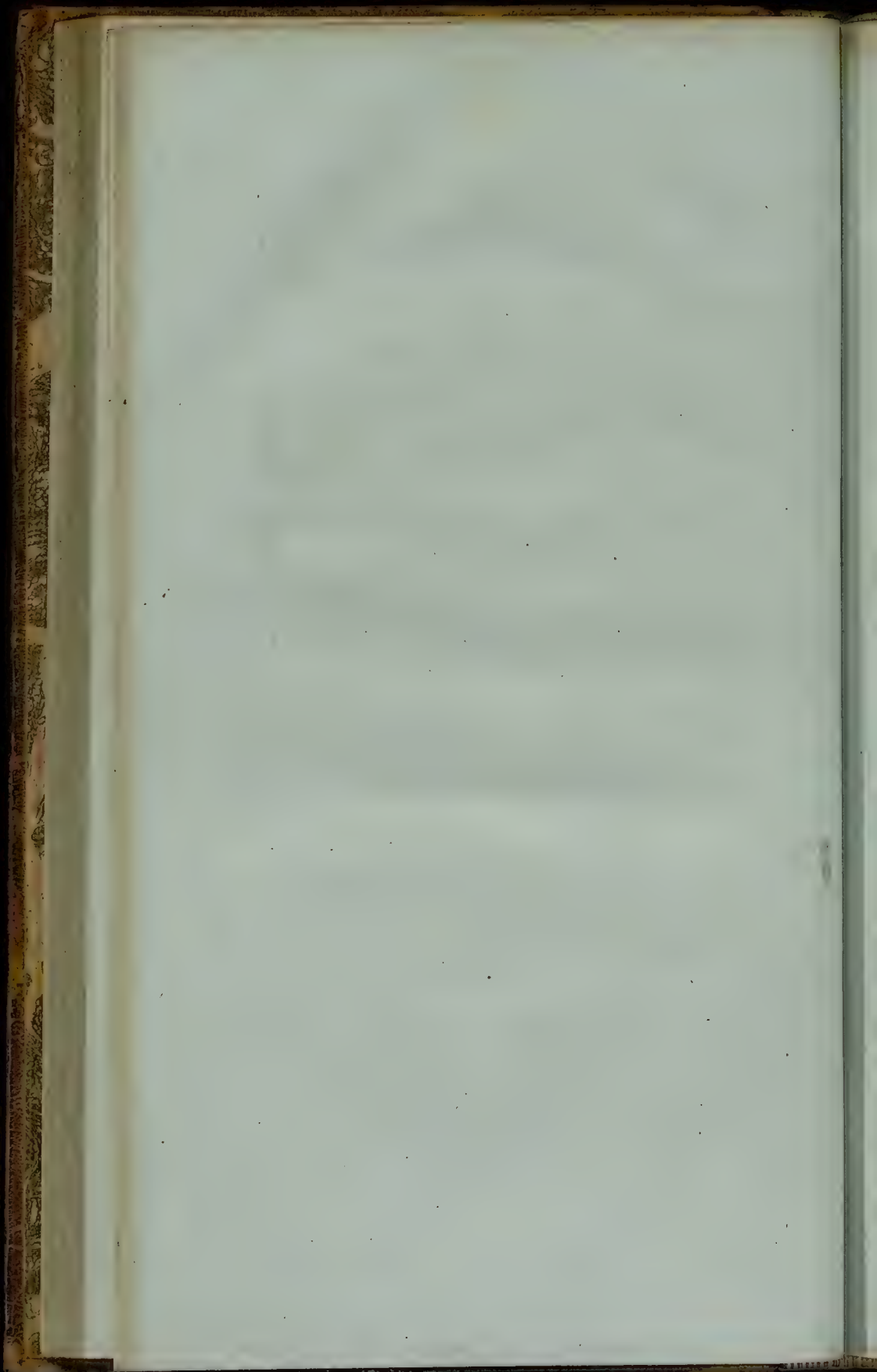
Трехсупочнымъ себя я сномъ обворожила
 И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
 Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ

И новыхъ благъ желая,
 Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
 Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жишъ семьѣ?
 И такъ, впередъ спрашисъ ты покидашь ее!
 Будь добрая жена и мать чадолюбива,
 И будешь всѣми ты почтенна и счастлива. —
 Съ симъ словомъ бросилась *Вѣтра* обни-
 мать

Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую *Всеѣду*.
 Попомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду;
 Наѣхали, нашли, и сѣли пировать:
 Ужъ лицецъ зашипѣлъ, все спало веселѣ,
 Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
 „Что мамушки Москвы и краше и милѣ?“ —
 На силу досказалъ.

ДМИТРИЕВЪ.

Б А С Н И.

L'Apologue est un don, qui vient des immortels,

Ou si c'est un présent des hommes,

Quiconque nous l'a fait merite des autels.

Nous devons, tous tant que nous sommes,

Ériger en divinité

Le Sage par qui fut ce bel art inventé.

C'est proprement un charme: il rend l'ame attentive,

Ou plutôt il la tient captive,

Nous attachant à des récits

Qui mènent à son gré les coeurs et les esprits.

LA FONTAINE.

ПЕРЕВОДЪ ЭПИГРАФА.

Басня есть даръ боговъ; еспылижъ она избрѣшена чело-
вѣкомъ, но эшотъ мудрецъ - избрѣшатель достоинъ
олтарей и храмовъ. Вотъ истинное очарованіе; она
поселяетъ въ душу внимательность; она покоряетъ ее пре-
лестію разсказовъ; владычествующихъ умомъ и сердцемъ.

Лафонтень.

Б А С Н И.

I.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Дубъ съ Троснѣю вступилъ однажды въ раз-
говоры:

Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны
взоры;

Жалѣю, Троспочка, обѣ участи твоей;

Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;

Легчайшій вѣтерокъ, едва спруящій воду,

Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,

И гнетъ тебя къ земли.

Тогда, какъ я — высокъ, описавъ и въ
дали —

Не только Фебовы лучи пересѣкаю,

Но даже бурный вихрь и громы презираю;

Стою, и слышу вокругъ спокойно трескъ
и стонъ;

Все для меня Зефиръ, щедръ все Аквилонъ.

Блаженнабъ ты была, когдабъ росла со мною;

Подъ тѣнью моей густою

Тыбъ не спрашивалась бурь, но рокъ тебѣ су-
дилъ

Распи, на мѣсто злѣчна дола,

На топкихъ берегахъ владычества Дола.

Часть III.

В

Почеспи! и въ меня твоей жребій груснь все-
лилъ.

„Ты очень жалоспливъ, Троснь Дубу отивчала:
Но, право, о себѣ еще я не вздыхала;

Да не о чемъ и воздыхашь;

Мнѣ въспры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.

Хотя порывы ихъ ужасны

И не могли тебя до днесь поколебашь,

Но подождемъ конца.“ — Съ симъ словомъ
вдругъ завывла

Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;

Ударилъ грозный въспрь — все рушилъ и
валилъ;

Лешилъ, кружилъ лисилъ, Тросилъ, гнешся —
Дубъ стоилъ;

Въспрь, пуще воужась, изъ всей ударилъ
мочи —

И потъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не достигалъ. . . .

Упалъ.

ДМИТРИЕВЪ.

II.

ВОЛКЪ ПАСТУХЪ.

Лишь только дневной шумъ замолкъ,
 Надѣвъ пастушье платье волкъ,
 И взявъ пастушій посохъ въ лапу,
 Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
 На уши вздѣвъ широку шляпу,
 И крался тихо сквозь лѣсокъ,
 На ужинъ для добычи къ стаду.
 Увидѣвъ шамъ, что Жучко спитъ,
 Обнявъ пастушку Ойрса храпитъ,
 И овцы всѣ лежали сряду.
 Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
 Но не довольствуясь уборомъ,
 Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
 И именемъ овецъ названъ.
 Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
 Раздался въ рощѣ волчій вой,
 Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
 И Жучко бросился съ нимъ въ бой;
 Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
 Другой за горло ухватилъ;
 Тушъ поздно бѣдной волкъ примѣшилъ,
 Что черезъ чуръ перемудрилъ,
 Въ полахъ и въ рукавахъ свизался,
 И голосомъ своимъ сказался.
 Но Ойрса не долго размышлялъ:
 Уборъ съ него и кожу снялъ.

Я припчу всю коропшимъ полкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывать.

Ломоносовъ.

III.

я й ц о.

Когда снѣга не таютъ,
Ребѣша изъ него шары капаютъ,
Сертятъ,
А шаръ вертятъ;
Шаръ больше спановишся:
Шарочки ихъ шарикомъ появишся.
Да ктожъ
На шаръ похожъ?
Ложъ!
Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ:
Снѣжной шарикъ буденъ шаръ,
А изъ жи, товаришка поваръ.
„Ахъ! ахъ! жена, меня околдовали,
Кричитъ мужъ лежачи женъ;
Я снесъ яйцо!“ — Никакъ ты видѣлъ то во снѣ;
Такіа чудеса на свѣтѣ не бывали. —
„Я снесъ яйцо, ахъ! жонушка моя!
Ужь я
Не мужъ твой, курица твоя.

Не молви эшаго съ сосѣдкой.
 Ты знаешь, назовушъ меня еще насѣдкой:“
 — Пропитивно по уму,
 Чѣмъ я сказала по кому. —
 Однако скажетъ;
 Болшливой бабѣ чортъ языка не привяжетъ.
 Сказала ей,
 А ша сосѣдушкѣ своей.
 Ложь ходитъ завсегда съ прибавкой въ мѣрѣ:
 Яйцо, два, три, четыре,
 И спало подъ вечеръ пипьсомъ яицъ.
 Назавтре множество къ уроду
 Сбирается народу,
 И незнакомыхъ лицъ.
 За чѣмъ валишъ народъ? Валишъ купишь
 яицъ.

Сумароковъ.

IV.

КОНЬ и ОСЕЛЬ.

Конь, всадникомъ гордясъ,
 И вышупкой храбрясъ,
 Рѣзвился,
 И какъ-то оступился.
 На ту бѣду Осель случился,
 И говоритъ коню: ну, ешъли бы со мной
 Грѣхъ сдѣлался такой!
 Я ходя цѣлой день ни разу не споткнуся;
 Да полно я и берегуся. —

„Тебѣ ли говоришь !
 Конь отвѣчалъ Ослу : и ты шудажъ-несешься!
 Твоею выспупцою ходишь,
 И въ вѣкъ не спопыкнешься.“

Хемницерь.

V.

СТРОИТЕЛЬ.

Что можешь начинать теперь,
 Теперь и начинать старайся.
 Лишь настоящему ты вѣрь,
 На завтрее не полагайся.
 Постройишь нѣкто домъ желалъ,
 И нужные къ тому собирать припасы спалъ;
 И собралъ ужь не мало.
 Постройишь долго ли? лиха бѣда начало.
 Проходишь день за днемъ, за годомъ годъ
 идетъ;

А все строенья нѣтъ:
 Все нашъ Строитель оплагаетъ
 Строенье до другаго дни.
 Внезапно смерть пришла; Строитель остав-
 ляетъ

Припасы лишь одни.

Хемницерь.

Л А С Т О Ч К А и П Т И Ц Ы .

Лешунья Ласточка и шамъ и сямъ бывала,
 Про многое слыхала,
 И многое видала;
 А попому она
 И болѣ многихъ знала.
 Пришла весна

И стали сѣять ленъ. „Не по сердцу мнѣ это!
 Пичужечкамъ она швердитъ;
 Сама я не боюсь, но васъ жалѣ: придетъ лѣто,
 И это сѣми вамъ напасши породитъ:
 Произведетъ силки и сѣпки,
 И будетъ вамъ виной
 Иль смерти, иль неволи злой;
 Спрашитесь вершела и клѣшки!

Но умъ поправитъ все, и вошъ его совѣтъ:
 Слепитесь на загонъ и выключите все сѣмя.“
 — Пустое! разсѣясь вскричало мѣлко племя:
 Какъ будто намъ въ поляхъ другаго корма
 нѣтъ! —

Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
 Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,
 А пшичка шу же пѣсню пѣтъ:
 „Эй! худу бытъ! еще вамъ, пшички, предвѣщаю:
 Не дайте льну созрѣть;
 Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождать-
 ся лиха!“

— Молчи, злобѣщая вралиха!

Вскричали ппички ей:

Ты думаешь легко высчитывать все поле! —

Еще прошло съ десятокъ дней,

А можеть и гораздо болѣ,

Ленѣ выросъ и созрѣлъ.

„Ну, ппички вошѣ ужь ленѣ поспѣлъ!

Какъ хочете меня зовите,

Сказала Ласпочка, а я въ послѣдній разѣ

Еще пришла наставить васѣ:

Теперь того и ждите,

Что пахари начнушѣ хлѣбѣ съ поля убиратьъ,

А послѣ съ вами воеватьъ:

Силками васѣ ловить, изѣ ружей убиватьъ,

И сѣтью покрыватьъ;

Избавишѣся таково бѣдства

Другаго нѣшѣ вамѣ средства,

Какъ далѣ, далѣ прочѣ. Но вы не журавли,

Для васѣ вѣдь море край земли;

Такъ лучше ближе приюпитѣся,

Забитѣся въ гнѣздышко, да въ немѣ не шевелишѣся.“

— Пошла, пошла! другихѣ спрацай

Своимѣ пы вздоромѣ!

Вскричали ппашечки ей хоромѣ;

А намѣ гулять пы не мѣшай. —

И такъ онѣ въ поляхѣ лешали да лешали,

Да въ клѣтку и попали.

Всякъ только своему разсудку въ слѣдѣ идетѣ;

А вѣруеть бѣдѣ не прежде, какъ придетѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

VII.

МАРТЫШКА И КОШКА.

Марпышка съ Кошкою въ однихъ покояхъ жили,

И одному хозяину служили ;

Да просто ничего хозяинъ не клади ;

Когда что спянуто , къ сосѣдямъ не ходи ;

Марпышка все припрятетъ ,

А Кошка кушанье , что ты ни спавъ , поѣстъ ;

Не сыщешь безъ замка онъ нхъ надежныхъ
мѣстъ .

Частенько Кошка къ сыру свачетъ ,

И ловитъ сыръ ;

Такъ часто у нее съ мышами миръ :

Сыръ мыши пожирные ;

Такъ спала Кошка помирные .

Сидѣли нѣкогда приборщицы однѣ :

Увидѣли онѣ ,

Кашпаны жарятся въ каминѣ .

Марпышка говоритъ : вотъ , Кошка , случай
цынъ

Тебѣ своимъ искусствомъ поблескашь ;

Помаспери кашпаны помаскацъ ,

Опважся въ уголья ты лапу сунушь ,

И по кашпанцу клѣнушь .

Проворница шопчасъ золу поразгребла ,

И лапу вонъ — такъ лапы не ожгла ;

Опяшь въ огонь — кашпанъ не много пощянула —

И лапу вонъ опяшь опшолъ опшехнула ;

Еще — еще — и разъ за разомъ такъ опяшь :

Пришла къ концу, кашпанъ усилилась до-
стапъ :

Потомъ еще кашпанъ — потомъ и два каш-
пана —

И нацѣпляла ихъ опшолъ съ полкармана.

Марпышка держитъ вѣрный щотъ

У Кошки :

Что Кошка выпацитъ, Марпышка это въ
ропъ,

Не упуская крошки.

Служанка вдругъ вошла : повѣсили головки :

Кашпаны были ловки ;

Марпыцкѣ сносно то : она сыта была ;

А пы, мышаница, ни ѣла, ни пила,

И пользы за свою чужія пы искала,

Кашпаны не себѣ, Марпыцкѣ пы таскала.

Сумароковъ.

VIII.

М Ы Ш О К Ъ.

Въ прихожей на полу,
 Въ углу,
 Пустой мѣшокъ валялся;
 У самыхъ нижнихъ слугъ
 Онъ на обпирку ногъ не рѣдко помыкался;
 Какъ вдругъ
 Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
 И весь червонцами набитъ
 Въ окованномъ дорцѣ въ сохранности лежитъ.
 Хозяинъ самъ его лелѣитъ
 И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
 Что на него никакъ
 Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха съѣсть не
 смѣетъ.

Съ мѣшкомъ
 Весь городъ спалъ знакомъ:
 Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
 Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
 А ежели мѣшокъ открытъ,
 То всякой на него съ умильностью глядитъ;
 Когда же кто къ нему подсядитъ,
 То вѣрно ужъ его попреплетъ, иль погладитъ.
 Увидя, что у всѣхъ онъ спалъ въ такой
 чести,

Мѣшокъ завеличался,
 Заумничалъ, зазнался,
 Мѣшокъ заговорилъ и началъ вздоръ нести,
 О всемъ и рядилъ онъ и судилъ:

И то не такъ,
 И потѣ дуракъ,
 И изъ того - то худо будетъ.
 Всѣ только слушаютъ его разинувъ ротъ,
 Хоть такъ онъ врётъ,
 Что уши вянутъ;
 Но у людей къ несчастью потѣ порокъ,
 Что имъ съ червонцами мѣшокъ
 Чтобы ни сказалъ, всему дивиться спанутъ.
 Но долголь былъ мѣшокъ въ чесни и слылъ
 съ умомъ,

И долго ли его ласкали?
 Пока всѣ изъ него червонцы потаскали,
 А шамъ онъ выброшенъ — и духу нѣтъ обь
 нѣмъ.

Мы басней ни на чье лице ни намѣкали,
 Но сколько естъ такихъ мѣшковъ
 Между опкущиковъ,
 Которы нѣкогда въ поднощникахъ бывали?
 Иль между игроковъ,
 Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
 А нынѣ по поламъ съ грѣхомъ богаты спали,
 Съ которыми теперь и Графы и Князя
 Друзья;
 Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей,
 У коего они не смѣли съсѣсть въ прихожей,
 Играютъ запросто въ бостонъ.
 Велико дѣло миллѣонъ!

Однако же, друзья, не слишкомъ вы гордишесь,
 Сказать ли вамъ пишкомъ:

Не дай Богъ! если раззоришесь,
 И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ
 мѣшкомъ.

Крыловъ.

Л И С И Ц А - К О З Н О Д Ъ Й.

Въ Ливійской споронѣ правдивой слухъ про-
мчался,

Что Левъ, звѣриной царь, въ большомъ лѣсу
скончался;

Спекались шуда скопы со всѣхъ споронѣ
Свидѣтелями бышь огромныхъ похоронѣ.

Лисица-кознодѣй, при мрачномъ семъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмосьясь на каеедру, съ воспоргомъ вопіетъ:

„О рокъ! лющѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ!

„Кончиной крошкаго владыки пораженный,

„Возплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный.

„Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ
царей,

„Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный ол-
шарей;

„Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужа-
сенъ,

„Предъ нами разпростертъ, безчувственъ и
безгласенъ.

„Чей умъ постигнуть могъ число его доброшъ;

„Пучину благоспи, величїе щедрошъ?

„Въ его правленїи невинность не спрадала,

„И правда на судъ безспрашно предсѣдала.

„Онъ скопюлюбїе въ душѣ своей пйшалъ,

„Въ немъ прона своего подпору почипалъ.

„Былъ въ области своей порядка насадитель,

„Художествъ и наукъ былъ другъ и покрови-
тель. . .“

— „О лестъ подлѣйшая! щепнулъ Собакъ Крошъ,
„Я Льва зналъ коротко, онъ былъ пресущій

„И золъ и безполковъ, и силой вышней
власти

„Онъ только насыщалъ свои пирански спраспи.

„Тронъ крошкого царя, достойна олшарей,

„Былъ сплоченъ изъ костей разшерзанныхъ
звѣрей.

„Въ его правленіе любимцы и вельможи

„Сдирали безъ чиповъ съ звѣрей невинныхъ
кожи;

„И словомъ, такъ была юстиція строга,

„Что кто кого смога, такъ томъ того въ
рога.

„Благодарный Слонъ изъ лѣса въ степь со-
крылся,

„Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разво-
рился,

„И Пификъ слабоумъ, писатель звѣрскихъ
лицъ,

„Служившій у двора, чести въ всѣхъ Лисицъ,

„Которой, посвящая работъ дни и ночи,

„Искусной кистію прельщая звѣрски очи,

„Поршретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣс-
ныхъ

„Пятнадцать въ цѣлой росшъ, и двадцать
поясныхъ,

„Да сверхъ того еще по новому манеру

„Альфреско росписалъ монаршую пещеру,

„За то, что въ жизнь свою трудился сколько
могъ,

„Сѣ тоски и сѣ голоду прешьяго дни издохѣ.

„Вотѣ мудраго царя правленіе похвально!

„Возможноль дожъ сплешашъ споль явно и на-
хально?“ —

Собака молвила: „ чему дивишься ты,

„Что знашному скопу льстятъ подлые скопы?

„Когдажѣ и по себя такѣ сильно изумляешѣ,

„Что низка пварѣ корысть всему предпочи-
таешѣ,

„И къ щастію бредешѣ презрѣнными пущьми:

„Такѣ, видно, никогда ты не жилѣ межѣ
людьми.“

Фонѣ Визинѣ.

Х.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

Вѣ рѣкѣ пилѣ Волкѣ, Ягненокѣ пилѣ;

Однако внизѣ рѣки гораздо опскупилѣ;

Такѣ пилѣ онѣ ниже;

И слѣдственно, что Волкѣ къ тому былѣ мѣ-
сту ближе,

Отколѣ токи водѣ стремленіе влечешѣ;

Извѣстно что вода всегда на низѣ течешѣ.

Голодной Волкѣ Ягненка озираешѣ;

Отѣ ужаса Ягненокѣ обмираешѣ,

И мнитѣ: не буду я сѣ ягнятками играшѣ,

Не станешѣ на руки меня паспущка брашѣ,

Не буду голоса я слышать свирѣли,
 И пшички для меня впослѣднѣе пропѣли;
 Не на зеленомъ я скопчалося луку;
 Умру на семъ песчаномъ берегу.
 Волкъ почалъ говорить: „бездѣльникъ, какъ ты
 смѣешь

Пишье мое мушишь,
 И въ воду чистую мнѣ сору напустишь?
 Да пыжъ такую мать имѣешь,
 Которая, ко мнѣ учтивства не храня,
 Вчера блеяла на меня.“

Ягненокъ опровергаетъ,
 Что мать его дней съ тридцать умерла;
 Такъ Волка не она ко гробу привела:

А покъ воды бѣжипъ на низъ, онъ чаепъ,
 Такъ Волкъ его опивокъ не вспрѣчаетъ.
 Волкъ прешью виной Ягненка уличаетъ:
 „Не мни, чщобъ ты себя, бездѣльникъ, извинилъ,
 Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.“
 Ягненокъ опровергалъ: тому ужъ двѣ недѣли,
 Что псы его забли.

„Такъ дядя швой иль братъ,
 Иль можешъ бышь и сватъ,
 Бранилъ меня вчера, я эшо знаю точно,
 И говорю тебѣ и эшо не нарочно.“

Ягненковъ былъ опровергъ:
 Всея мвоей родни на свѣтѣ больше нѣтъ;
 Лелѣипъ лишь меня прекрасная паспушка.

„А! а! вершущка,
 Не опверпишься ты; вчера пшоя паспушка
 Блеяла на меня: комолие рога;
 И длинной хвостъ у эшаго врага,
 Густая шерсть, копыны не велики;

Довольно ли тебѣ, плутишка, сей улики?
 Паспушкѣ я твоей покорѣйшій слуга
 За то, что на меня блеяшь она дерзаетъ;
 А ты за то умри.“ — Ягненка Волкѣ терзаетъ.

Сумароковъ.

XI.

ПУСТЫННИКЪ И ФОРТУНА.

Какой-то добрый человекъ,
 Не чувствуя къ чинамъ охоты,
 Не зная страха ни заботы,
 Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
 Съ Плутархомъ, съ Лирой
 И Пльнирой,

Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
 Однажды, подъ вечеръ, какъ солнца лучъ по-
 гасъ

И мать качать дитя уже переставала,
 Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
 И въ двери ну спучашъ.

— Кто тамъ? Пустынный окликаешь. —

„Я! я!“ — Да кто, могу ли знать? —

„Я! та, которая тебѣ повелѣваетъ

Скорѣ опіереть.“ — Пустое! онъ сказалъ,

И замолчалъ. —

„Опопирешь ли? еще Фортуна закричала;

Я вѣкъ ни отъ кого опказа не слыхала:

Пусти Фортуну ты со свитою къ себѣ,

Часть III.

И

Съ Богапшвомъ; Знапью и Чинами....

Теперь, извѣспналь я тебѣ? "

— По слуху.... но куда мнѣ съ вами?

Поди въ другой шы домъ,

А мнѣ не помѣспнишь, ей ей! шакой содомъ. —

„Невѣжа! да пуспи меня хопъ съ половиной,

Хопъ съ шрепью, слыщишь ли? ... Ахъ!

сжался надъ судьбиной

Великолѣпїя.... оно ужъ чупъ дышишь;

Надъ гордой Знапностью, кошорая дрожитъ,

И споя у порога мерзнешъ;

Тронись хопъ Славою, мой миленькой дружокъ!

Еще минуша, все исчезнешъ!...

Упрямый! дай хопя Желанью уголокъ."

— Да опвяжися шы, лихая пуспомѣля!

Пуспынникъ ей сказалъ: ну, право! не могу.

Смотри: одна и еспъ постеля,

И шу я для себя съ Плѣнирой берегу. —

ДМИТРИЕВЪ.

XII.

Д В А С О С Ъ Д А.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говоритъ;
И каждой день намъ пожъ примѣрами пвер-
дитъ:

Какъ можно не вплешаться въ споры;
А ежли и дойдешъ нечаянно до нихъ,
Не допуская вдаль, прервать сначала ихъ;
И лучше до суда хоть кой какъ помириться,
Чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудиться;
Иль споря о грошъ всѣмъ домомъ раззориться.
На дворъ чужой свинья нѣ сосѣду забрела,
А со двора потомъ и въ садъ его зашла.

Въ саду бѣдѣ пропасть накупила,
И гряды цѣлую изрыла.
Вспревожился весь домъ,
И въ домъ бѣганье, содомъ;
Собаки, собаки, сюда! домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью, ну, править:

Швырявъ въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣнями ее, мешлами, кочергой;
Топъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой.

Обычай на Руси такой. —

Тутъ лай собакъ, и визгъ свиней,
И крикъ людей, и стукъ побой,
Такую кашу заварили,
Чтобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;

И люди правлю тѣмъ рѣшили,
 Чшо свинью наконецъ убили.
 Охотники тѣ люди были!
 Сосѣди въ плясбу межъ собой;
 Непримиримай между сосѣдовъ злоба;
 Огнемъ другъ на друга сосѣди дышутъ оба:
 Тотъ проситъ на того за садъ изрытой свой,
 Другой чшо свинью заправили,

И первой говорилъ:
 Я живъ бытъ не хочу, чшобъ ты не запла-
 щилъ,

Чшо у меня ты садъ изрылъ.
 Другой же говорилъ:
 Я живъ бытъ не хочу, чшобъ ты не запла-
 щилъ,

Чшо свинью у меня мою ты заправилъ.
 Хоть виноваты оба были,
 Но къ спашѣль, чшобъ они другъ другу услу-
 пили;

Нѣтъ, мысль ихъ не суда:
 Во чшобъ ни спало имъ, хотяшъ искашь
 суда.

И подлинно суда искали,
 Пока всѣ жившые судьямъ перетаскали.
 Не спало ни кола у испцовъ, ни двора;
 Тогда Судьи имъ говорили:
 Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
 Для пользы вашей и добра
 Миришся вамъ пора.

Хемницерь.

XIII.

ЗАЯЦЬ И ЛЯГУШКА.

Въ норѣ своей разъ Заяцъ размышлялъ:
Нора хоть бы кого такъ размышлять на-
училъ!

Томяся скукою, мой Заяцъ поскокалъ;
Вѣдь родомъ грустенъ онъ и страхъ его все
мучилъ.

Онъ думаетъ: куда пошлѣ неча-
спливъ,

Кто родился трусливъ;
Вѣдь въ прокъ себѣ куска бѣдняжка не сбѣдаетъ;
Отрады нѣтъ ему; опъсюду лишь гроза!
А такъ - то я живу: прокляпой страхъ мѣ-
шаетъ

И спать мнѣ иначе, какъ разтворя глаза.
Перемогн себя, мудрецъ сказать мнѣ мо-
жетъ!

Ну вошлѣ! кто трусость переможенъ?
По правдѣ, чай и у людей
Не меньше трусости моей.

Такъ Заяцъ извѣлялъ догадку,
Дозоромъ обходя вкругъ жила своего;
Отъ тѣни, отъ мечпы, ну, словомъ, отъ
всего

Его бросало въ лихорадку.

Задумчивой звѣрокъ,

Такъ въ мысляхъ разсуждая,
Вдали услышалъ шумъ и потчасъ на ушѣхъ,

Пустился, какъ стрѣла, къ норѣ онъ по-
спѣвая.

Случись ему бѣжать близъ самаго пруда:
Вдругъ видѣвъ, что его Лягушки испугались;
Лягушки вспрыгались и въ воду побросались.

„Ба! ба! онъ думаетъ, шакал же бѣда
И отъ меня другимъ! я не одинъ робѣю!
Ошкуда удалство такое я имѣю,

Что въ ужасъ привожу собой?

Такъ знать прегрозной я герой?“ —

Нѣтъ! видно на землѣ трусливца нѣтъ ша-
кова,

Трусливѣ себя чибѣ не нашелъ другаго!

Нелединскій.

XIV.

ОЩИПАННЫЙ ПѢТУХЪ.

Лисица Пѣшуха поймала,
И, по обычаю сестеръ своихъ лисицъ,
Ему всѣ перья ощипала.

Лисицы спрашныя охотницы до птицъ,
И въ этомъ сходны съ нами:

Не толь лишь хищный звѣрь, кто въ свѣтъ
рожденъ съ когтями!

Плутовка за обѣдъ уже садилась свой,
Какъ вдругъ косматый пѣсъ, съ широкой голо-
вой,

Домовый спражѣ, Полканѣ залаялѣ и пусшилсѣ
Лисицу жадную ловишѣ.

Пѣшухѣ осталсѣ живѣ, вѣ куряпникѣ воз-
вращилсѣ.

Безѣ перьевѣ? — Какѣ же бытъ!

„Не думалѣ никогда увидѣтъсѣ я сѣ вами —

Бѣдняжка Курицамѣ сказалѣ —

Чортѣ на меня бѣду ужасную послалѣ!

И еслибѣ не Полканѣ сѣ зубами,

Конечнобѣ не былѣ я вѣ живыхѣ!“

— Какое дѣло намѣ до шалостей швоихѣ?

Всѣ Куры вѣ голосѣ закричали,

Безѣ перьевѣ, голякамѣ, не можемѣ мы помочь,

Бѣги отселѣ прочѣ,

Пока не заклевали! —

Ощипанный Пѣшухѣ, собравѣ остатокѣ силѣ,

Отѣ Курицѣ лыжи навострилѣ.

Гонимые судьбой! не трашѣте словѣ напрас-
ныхѣ!

Вездѣ пріемѣ таковѣ бываетѣ для неща-
стныхѣ!

Пушкинѣ.

АМУРЬ, ГИМЕНЬ И СМЕРТЬ.

Амуръ, Гименъ со Смертью спрогой
 Когда - то шли одной дорогой
 Изъ свѣша по своимъ домамъ,
 И вздумалось молодцамъ
 Впавши въ спаруху въ разговоры.
 Признайся, говоришь, ты, Смерть, не рада
 намъ?
 Ты ненавидишь насъ? — „Я? выпараща
 взоры,
 Спросила Смерть ихъ: да за что?“
 — Ну, какъ за что! за то,
 Что мы въ намѣреняхъ согласны не бываемъ:
 Ты всё моришь, а мы раждаемъ. —
 „Пустое, брашцы! Смерть сказала имъ въ
 опившъ:
 Я зла на васъ? . . . Перекреститесь!
 Людьми снабжал свѣтъ,
 Вы для меняжь шрудитесь.“

ДМИТРИЕВЪ.

XVI.

ДУБЪ, КУСТЫ И ТРОСТЬ.

На высотѣ холма вѣпвисый Дубъ стоялъ
И шѣнь обширную въ долину проспиралъ;
Кругомъ его Кусты рядами!
Казался гордый Дубъ царемъ между рабами!
Въ низу, на гибкомъ стебелькѣ,
Отъ исполина въ далекѣ,
Трость тонкая качалась,
И скромной головой къ болоту приклонялась.
Кусты,

Надменно съ высоты
Взглянувши на долину,
Сказали: „Тросточка! ты, думаемъ, клянешь
„Всякъ часъ свою судьбину!
„Ты мучишься, а не живешь!
„Какая разница межъ нами и шобою!
„Ошъ буръ защищены мы сѣнью густою!
„Тебя лучъ солнца жжётъ;
„А насъ — лишь согрѣваетъ!
„Тебя и дождь сѣчётъ,
„А насъ — лишь прохлаждаетъ!
„Смотри, когда шобъ вѣтръ гибелью грозитъ,
„Лиснами нашими едва онъ шевелитъ!
„Смотри. . .“ Но свиснулъ вихрь — дубра-
вы заспонали;

Завыло эхо въ ребрахъ горъ,
Шумитъ въ смияшеніи черный боръ,
И шучи запылали! —

Чшожь Трѣспочка? Лежитѣ!
 А Дубѣ? Не двигнешя! всё пошѣ же гордый
 видѣ!
 Но грянулѣ громѣ — по пучамѣ гулѣ по-
 мчался,
 И холмѣ подѣ Дубомѣ зашатался.
 Еще ударѣ — Дубѣ рухнулѣ, корни вверхѣ!
 И пышной грянувшись главою,
 Въ долину разпростертый легѣ,
 Засыпавши Кусты землёю.
 Утихнулѣ громѣ!... оянѣ сѣнетѣ Феба свѣтѣ!
 Встаетѣ и Трѣспочка — Кустовѣ и Дуба
 нѣтѣ!
 Смиренная, взглянувѣ на холмѣ высокой,
 И видя тамѣ ужѣ ровѣ глубокой,
 Сказала про себя: блаженѣ, сто крашѣ бла-
 женѣ,
 Кто далѣ отѣ Дубовѣ роспи опредѣленѣ!
 Хошѣ сѣнѣю своей его не защищаютѣ,
 За то и падая, землей не засыпаютѣ.

Ивановъ.

СУРОКЪ и ЩЕГЛЕНОКЪ.

Сурку Щегленокъ говорилъ:

„Какъ! вѣчно спать? какая скука!

И вѣчно быть въ норѣ? Такъ жить, конечно
мука.

Сонъ та же смерть. Чтobъ я, лишенный силъ,
Въ гнѣздѣ своемъ лежалъ, какъ ты, Сурокъ
нещасной;

Нѣтъ, я хочу летать по рощамъ, по лугамъ,
По сѣламъ, городамъ,

Всѣ слышать, видѣть всѣ. Свободою прекрасной
Я пользуюсь своей!

О бѣдненькой Сурокъ! объ участи твоей
Я истинно жалю:

Ты знаешь, я люблю умѣю!“

— Чтoжъ новаго? скажи скорѣй!

Спросилъ Сурокъ рассказика Щегленка. —

„Отъ старика и до ребенка,

Всѣ заняты умы въ столичныхъ городахъ!

Тотъ проживается, тотъ копишь, богатишься,

И въ страшныхъ occupied!

Другой надъ картами прудится!

Заботы, происки, объ лентахъ, объ чи-
нахъ!

Никто не думаетъ о ближнихъ и друзьяхъ;

Жена предъ мужемъ лицебритъ,

А мужъ передъ женой, и до того дошло,

Что брату братъ не вѣритъ.“

— Какой развратъ! какое зло!
 Вскричалъ Сурокъ съ презрѣньемъ,
 Не говори съ такимъ, пожалуй, сожалѣньемъ!
 Чтобъ эшаго всего не слышать и не знать
 По моему не лучше спать? —

Пушкинъ.

XVIII.

Р Ы С Ь и К Р О Т Ь.

Когда-то Рысь, найдя лежащаго Кроша,
 Изъ жалости ему по-свойски говорила:
 „Увы, мой бѣдный Крошъ! несчастъ слѣпота!
 И рошица и лугъ съ цвѣтами — всѣ мѣсна
 Тебѣ какъ темная могила!

Какая жизнь шлоя!

Съ ушра до вечера ты спишь, или зеваешь,
 И ни о чемъ не разсуждаешь;

А я

Теперь же, будто на ладонь,

Все вижу на вершну вокругъ,

И все пересказатъ гопова — слушай, другъ:
 Вошь яспребъ въ облакахъ за коршуномъ въ
 погонѣ;

Здѣсь ласпочка своихъ ппенцовъ

Пишаетъ мухами, добычей пауковой;

Тамъ хитрая лиса цыпенку спроишь ковъ;

Тамъ кролика поспигъ ружья ударъ громовой;

Здѣсь кошка давитъ мышъ! а тамъ

Змѣя впила въ корову;
 А далѣе — медвѣдь, разинувъ пасть багрову,
 Ревешъ, и гонится за серной по скаламъ;
 А вошъ и люшый волкъ ягненочка шерзаешъ...“
 — Ахъ, полно, полно! Крошъ болшую пре-
 рываетъ:
 Ушѣшноль зрячимъ бышь для ужасовъ шакихъ?
 Довольно и того, что слышалъ я объ нихъ. —

ДМИТРИЕВЪ.

XIX.

МЫШЬ.

Однажды, на зарѣ,
 Въ день праздничный — прошивъ иконы
 Сидѣла Мышь на олшарѣ,
 И видяшъ, что народъ пворитъ предъ ней
 поклоны.
 „Смошри, какая честь! надувшись говоритъ:
 Народъ поклоны мнѣ пворитъ,
 И ладонъ предо мной куришъ!
 Конечно я равна съ богами!“ . . .
 Но только что она, прельстившись мечшамъ,
 Подумала, что все предъ ней —
 И Самъ отецъ Іерей —
 Не болѣе какъ мошка. . . .
 Увы! изъ подпешка

Поднялась кошка,
И скушала божка!

Носящіе вѣнцы лавровы!
Какъ часно вамъ Судьба подобны строи-
ровы!

СѢВЕРИНЪ.

XX.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

На улицѣ большой, широкой,
На башнѣ не весьма высокой,
Для пользы, или для красоты,
Стояли Солнечны часы

Пока былъ день, и свѣтъ блисталъ,
Пока онѣ башню освѣщали:
Кто мимо шѣхъ часовъ ни шелъ,
Всякъ, подходя, на нихъ смотрѣлъ —
Сокрылся день, и солнца нѣтъ:
Никто къ часамъ не подойдетъ.

Щастливцы міра! не гордитесь,
И на того вы не сердитесь,
Кто скажетъ вамъ,
Что вы — подобны симъ часамъ.

ПЕТИНЪ.

ЧИЖЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и сидя въ немъ поешъ :

„Ахъ ! скороль солнышко взойдетъ ,

И съ домикомъ меня заспанешъ ?

Ахъ ! скоро ли оно проглянешъ ?

Но вотъ ужъ и взошло ! какъ тихо и красно !

Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни
сладость !

Ахъ ! я такого дня не видывалъ давно.“ —

Но безъ товарища и радости намъ не въ ра-
дось :

Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить !

„Любезна Зяблица ! кричишь мой Чижъ со-
сѣдкѣ ,

Смиренно прикорнувшей къ вѣшкѣ :

„Что ты задумалась ? давай - на 'день хва-
литъ !

Смотри , какъ солнышко. . . .“ — Но солнце
вдругъ сокрылось ,

И небо тучами оплвсюду обложилось ;

Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто
въ рѣку ;

Лишь галки стаями гуляютъ по песку ,

И крикомъ бурю вызываютъ ,

Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ .

Быкъ, шею выпянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ ,

А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржешъ, пышетъ и лешетъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшу-
мблб!

Со прескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь
со градомъ,

И пали паспухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце разцвбло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе,
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.
О бѣдненькой мой Чижъ! онъ, мокрыми кры-
лами

На силу шевеля, къ сосѣдушки лешетъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ!
Впредь упря похвалю, какъ вечеръ ужъ на-
спушитъ.“

ДМИТРИЕВЪ.

БАРСЪ И БѢЛКА.

По сучьямъ Бѣлочка и внизъ и вверхъ скакала,
 Но обступилась — и спремглавъ
 На Барса стараго упала;
 А шотъ; съ пресышнаго обѣда задремавъ;
 Едва ономнися въ просонкахъ;

Поднявшися на ноги; сквозь зубы онъ ворчитъ;
 А Бѣлка передъ нимъ на заднихъ двухъ по-
 жонкахъ

Трясется; и сама не видитъ; какъ сидитъ.
 Вздогнешь и не хощя подъ лапою тиранской!
 Подумавъ; Барсъ сказалъ: я милую себя;

По истинной щедрости царской;
 Но съ тѣмъ условіемъ; чѣмъ ты; такъ жизнь
 любя;
 Призналась; отъ чего тебѣ такъ жить прі-
 ятно:

Я вижу; ты всегда покойна, весела;
 А я въ лѣсахъ; гдѣ власть Природа мнѣ дала,
 Скучаю и грущу: мнѣ это непонятно: —
 „Великой Государь!

Смиренно отвѣчаетъ Бѣлка:

Ты милосливъ ко мнѣ; но разсуди—ты Царь,
 А правду говоришь великимъ не бездѣлка:
 Смѣлебъ доложивъ о томъ тебѣ могла
 Повыше съ деревца.“ — Входи туда! — Взо-
 шла.

„Теперь услышишь ты языкъ души правди-
вой. . . .

Не дѣлаю я зла,
И такъ — умѣю быть щастливой.
Я чистой совѣстью и сердце веселю;
Не знаешь перваго ты въ мѣрѣ наслажденья:
Спокойно засыпашь безъ мукъ и угрызенья.
Ты ѣшь ягняшъ; а я и лисшъ и плодъ дѣлаю
Съ моими бѣлками сеспрами;
Ты не навидишь, я люблю:
Все сказано двумя словами.“

ИЗМАЙЛОВЪ.

XXIII.

ТѢНЬ МУЖНЯЯ И ХАРОНЪ.

Красавицы! ужь ли вы будете сердиться
За то, что вамъ теперь хочу я разсказать?
Вѣдь слава добрыхъ дѣлъ никакъ не умень-
шился,

Когда однихъ худыхъ я спяну осуждаю.

А право мочи нѣтъ молчать:

Инымъ мужьямъ жишя опѣ женъ своихъ не
спало;

А этакъ поступать вамъ право не пристало.

Жилъ мужъ, жила жена,

И наконецъ скончались оба;

Да только въ разны времена

Имъ отворились двери гроба;

Жена скончалась напередъ;
Потомъ и мужъ, проживъ не помню сколько
лѣтъ,

Скончался.

Какъ съ свѣтомъ здѣшнимъ онъ распал-
ся,

То въ той рѣкѣ приходитъ онъ,
Гдѣ перевозитъ тѣхъ Харонъ,
Которы свѣтъ сей оставляютъ.

А за рѣкою той, нѣпшы увѣряютъ,
Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведетъ.

Харонъ тѣхъ мужною везетъ,
И какъ черезъ рѣку они переѣзжаютъ,
Тѣхъ говоритъ: Харонъ! куда мол жена

Тобою перевезена,
Въ рай или въ адъ? — „Въ рай!“ — Можноль
спасъся?

Меня куда жъ везешь? — „Тудажъ, гдѣ и
она.“

— Ой, нѣтъ; такъ въ адъ меня. Я въ адъ радъ
оспашся,

Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить. —

„Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ надъ щобой хотѣлось под-
шупишь:

„Я въ адъ ее отвезъ. Ей испашъ въ адъ
бытъ,

„И съ дьяволами жить и знахъся:

„И въ свѣтъ вѣдь она

Была прямиа сапана:

Х е м н и ц е р ь

XXIV.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жилили, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетною,
Слѣпаго щастія игрою,

Оставила сей шумный мѣръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ Голландской сырѣ.

Тамъ, святошью одной свою пишалъ вѣру,
Къ спасенію души прудился началъ:

Ногами

И зубами

Голландской сырѣ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ

Изрядну келейку съ доспапочнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-пю Мышь прудахъ

Развѣлась такъ, что страхъ!

Короче: на порогъ рая!

Самъ Богъ блюдеиъ того,

Кто общался бышь Его!

Однажды предъ нее предспало воздыхая
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ:
Оно идеиъ просить защиты отъ дворовъ

Противу кошечья народа,

Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысоломись ихъ въ осаду ужь держалъ. —

— Всеобща бѣдность и невзгода,

Посольство говоришь, причиною, что мы
 Несемъ пустыя лишь сумы;
 Что было съ нами, все пробли,
 А путь еще далекъ! и для того посмѣли
 Зайти къ тебѣ, и бить челомъ,
 Снабдишь насъ въ крайности посильнымъ по-
 даяньемъ. —

Зашворница на то сѣдучезнымъ соспрананьемъ,
 И руки положи на грудь свою крестомъ,
 „Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала:
 Я отъ житейскаго давно уже отспала;
 Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?

Да низпоцлѣи вамъ Богъ! а я и день и ночь
 Молю Его за васъ гохова. . .“

Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова. —
 Кипо, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышъ?
 Монахъ? — избави Богъ и думашъ! нѣтъ,
 Дервишъ.

ДМИТРИЕВЪ.

XXV.

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ, лѣтъ въ семьдесятъ, рыль яму и
крихтѣль:

Добро бы строилъ, нѣтъ! садилъ еще хотѣлъ;
А трое Молодцовъ зъвая на работу
Смѣялися надъ нимъ. — „Какую же охоту
На старости Богъ далъ!

Одинъ изъ нихъ сказалъ.“

— Другой прибавилъ: чпожъ? еще не опоздалъ,
Ковчегъ и большого терпѣнья стоилъ Ною. —
„Смѣшонъ ты, дѣдушка, съ надеждою пустою!

Примолвилъ третій Спарикъ:

Довольно, кажется, ты пожилъ на вѣку;

Когдажъ тебѣ дождаться,

Подъ тѣнью дерева въ Июль прохлаждаешься?
Ровесникамъ твоимъ и насущій часъ

Невѣренъ,

А *завлремъ* льстишь себя ославъ уже ты
насъ.“

Совѣщъ довольно здравъ, довольно и умѣренъ
Для мудреца въ шестнадцать лѣтъ!

„Повѣрьте мнѣ, друзья, Старикъ сказалъ въ
отвѣтъ,

Что *завтре* ни мое, ни ваше;

Что Парка блѣдная равно

Взираетъ на печенье наше,

Отъ Провидѣнїя жамъ вѣдашь не дано,

Кому изъ насъ оно судило

Послѣднему взглянушь на ясное свѣтило!

Не можете и вы надежны быть, какъ я
Ниже на мигъ одинъ . . . работа же моя

Не мигъ, такъ дѣшамъ пригодится!
Чувствительна душа и въ чужбѣ веселился!
И такъ вы видите, что мной ужъ собранъ
плодъ,

Которымъ я могу теперь же наслаждаться,
И завтра, можете спать,
И далѣе . . . какъ знать? быть можете, что
и годъ,

Ахъ! можете быть и то, что вашъ без-
умецъ хилой

Заспанешъ мѣсяца восходъ
Надъ вашей розами усыпанной . . . могилой!
Старикъ предчувствовалъ: одинъ предѣлся
пескомъ —

Конечно золотымъ — уснулъ на днѣ мор-
скомъ;

Другой подъ миршами исчезъ въ цвѣтущи
лѣта,

А третій — дворянинъ за честь къ оп-
мѣнью скоръ —

Войдя съ пріятелемъ въ театръ въ легкой
споръ,

За креслы, помнился . . . убитъ изъ писто-
лета:

ДМИТРИЕВЪ.

XXVI.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата жили;
 Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
 Гдѣ видишь одного, другой ужь вѣрно тамъ,
 И радость и печаль, все было по поламъ.
 Не видѣли они, какъ время пролетало:
 Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну кажется кудабъ хотѣть,
 Или отъ милой, иль отъ друга?
 Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ
 нихъ лепѣть.

Диковинки земнова круга
 Судить и видѣть самъ собой;
 Ложь съ истиной сличить, повѣрить былъ
 съ молвой.

Во снѣ и на яву походъ лишь видѣть свой,
 И ни о чемъ другомъ не можешь рѣши
 нуть.

„Куда ты? говоришь сквозь слезъ ему другой;
 Иль брата хочешь ты покинуть?“

Жестокой! ежели меня тебѣ не жаль,
 Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы
 ужасны

И все, чѣмъ странствія опасны;
 Хотя подожди весны лепѣть въ такую даль,
 Ужъ я тебя тогда упрашивать не буду.

Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ —
 Да чу! — и воронъ прокричалъ;
 Вѣдь это вѣрно къ худу.

Останься, другъ любезной мой!

Ну намъ вѣдь весело съ тобой —

Кудажъ еще тебѣ лѣтътъ — не разумѣю —

А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.

Силки, да ястреба, да громы только мнѣ

Казаться будутъ и во снѣ.

Все стану надъ тобой бояться я несчастья.

Чуть шучка лишь надъ головой,

Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то бранецъ мой?

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ

нечасья? . . .“

Разпрогала рѣчь эта голубка,

Жаль бранца; да лѣтътъ охота велика,

И разсуждать ему и чувствовать мѣшаешь.

— Не плачь, мой милой! такъ онъ друга

ушѣшаетъ,

Я на три дни съ тобой, не больше, разлу-

чусь,

Все на скоро въ пути замечу — на полѣтъ —

И лучшій узнавъ диковинки на свѣтѣ,

Подъ крылышко къ дружкѣ назадъ я ворочусь.

Тогда-то будетъ намъ о чемъ повѣстѣ словечко.

Я вспомню каждой часъ и каждое мѣстечко:

Тамъ это слышалъ я, тамъ то попало мнѣ,

А тамъ такое видѣлъ диво!

Ты, слушая меня, представишь все такъ живо;

Какъ будто бы и самъ лѣзалъ въ той спо-

ронѣ. —

По сихъ словахъ, друзья поцѣловались,

Простились и расстались.

Вотъ странникъ нашъ лѣтитъ; вдругъ встрѣ-

чу дождь и громъ;

Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ сѣнь кру-

гомъ.

Гдѣ дѣться? — Къ щастію засохшій дубъ
попался;

Кой какъ угнѣзвился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;

Но ни отъ вѣтровъ онъ укрылся шумъ не
могъ,

Ни отъ дождя спасись — весь вымокъ и
продрогъ.

Ушихъ по малу громъ — чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдняжку далъ стало:

Вспряхнулъ и лешишь, и видишь онъ
Въ залушь подъ лѣскомъ разсыпана пше-

ничка,

Спустился — въ сѣти шумъ попалась наша
пшичка;

Бѣды со всѣхъ сторонъ!

Трепещется онъ, рвется, бьется;

По щастью сѣть стара, кой какъ ее про-
рвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ да крылышко помялъ;
Но не до нихъ — онъ прочь безъ памяти не-

сется.

Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой!

Опкодь ни взялся ястребъ злой.

Не ввидѣлъ свѣта голубъ мой.

Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.

Ахъ! силы въ короткѣ совсѣмъ истощены,

Ужъ когти хищныя надъ нимъ распущены;

Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ
машетъ. . . .

Тогда Орелъ, съ небесъ направля свой полетъ,

Ударилъ въ ястреба всей силой,

И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Межъ тѣмъ нашъ голубъ милой

Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подѣ
плешнемъ.

И шумъ не всѣ бѣды окончили на немъ.

Мальчишка въ близости рѣзвился:

Набравши камушковъ, онъ въ цѣль метать
учился,

И чтобъ узнать, вѣрнѣе рука,

Хватъ камнемъ въ голубка.

Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка.

Тогда-то спранникъ нашъ — съ разбитой
головою,

Съ изпорченнымъ крыломъ, съ повихнутой
ногою,

Кляня охоту видѣшь свѣтъ,

Кое-какъ поплелся домой безъ новыхъ бѣдъ —

Щастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!

Къ спрадѣ онъ своей

Услугу, лѣкаря и помощь видишь въ ней;

Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы, которые обѣхаютъ свѣтъ вокругъ

Желаніемъ горите,

Вы эту басенку прочтите,

И въ дальней путь такой пускайтесь не вдругъ.

Чтобъ ни сулило вамъ воображеніе ваше,

Не вѣрьте! той земли не сыщете вы краше,

Гдѣ ваша мидая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Крыловъ.

ЦАРЬ, КРЕСТЬЯНИНЪ и ПУСТЫННИКЪ.

~~~~~

Безсонница болѣзнь Царей,
 Слыхалъ я отъ людей,
 Болѣзнью эшою какой - то Царь помился;
 Она мучительна, извѣстно эшо всѣмъ.
 На пронѣ онъ своемъ
 Хошя всемогущъ былъ; но плакалъ и кру-
 шился,

Болѣзнью скучалъ,
 Болѣзнь прогнаши старался,
 Но что ни начиналъ,
 За что ни принимался,
 Ни въ чемъ не успѣвалъ.
 Однажды Царь, побѣхавъ на охоту,
 Увидѣлъ Мужика
 Въ издранномъ рубищѣ и, словомъ, бѣдняка,
 Которой, окончавъ работу,
 Спалъ крѣпкимъ сномъ.

Природа, кажется, сама пеклась о немъ;
 На мягкой муравѣ, при вѣяннѣ зефира,
 Въ прѣлномъ ошдыхѣ — онъ былъ щастлив-
 цемъ мѣра.

Царь, глядя на него, отъ зависти блѣд-
 нѣлъ,
 И вдругъ не вдалекѣ Пустынника узрѣлъ.
 Сей мужъ, сѣдой мудрецъ, отъ старости
 согбенный,
 Въ уединеніи съ Природой мирно жилъ.

Монархъ, приближившись, такъ старцу говорилъ:

Старикъ почтенный!

Скажи пожалуй, отъ чего

Сей бѣдный, въ низкой долѣ,

Гдѣ нужда и труды соупникъ его,

Вкушаетъ то, чего лишенъ я на престолѣ —

Спокойный и пріятный сонъ —

Ужель таковъ судьбы законъ? —

На то пустынный отвѣчаетъ:

„Сей сонъ есть вѣрный знакъ невинности его!

„Бѣднякъ сей никого

„Не осуждаетъ,

„Ни съ кѣмъ войны онъ не ведетъ;

„Въ немъ гордость духа не мигаетъ;

„Одинъ онъ виноватъ, одинъ же и наказанъ.

„Онъ волю исполняетъ всегда швою обязанъ.

„Порядокъ сей устроилъ Богъ.

„Ты всѣ сокровища имѣешь, онъ убогъ;

„Безсонницею спраждеешь ты,

„А онъ все горе, всѣ труды —

„Во снѣ пріятномъ забываетъ.

„Ты для него не спишь, тебѣ онъ работаетъ.

„О Царь! швой долгъ — свое величье утверждаетъ
дагъ

„На счастье подданныхъ, на правдѣ, на законѣ;

„И еспѣли хочешь ночью спать,

„Не спи на тронѣ;“

Царь слушалъ дерзкаго и глѣвомъ распалился,

Такой рецептъ ему не вкуснымъ показался;

Онъ старца мудраго жестоко наказалъ;

Но отъ того не лучше спалъ.

Свиньи и б.

XXVIII.

Б А Р О Н Ъ.

Жилъ былъ скупой богачъ, и у него одинъ
 Былъ сынъ.

Отецъ его скончался;

Наслѣдства миліонъ молодчику достался;
 И захотѣлъ сынокъ, имѣвши миліонъ,
 Барономъ сдѣлаться, и сдѣлался Баронъ.
 Баронство куплено; теперь задумалъ онъ
 Быть сверхъ того еще и знатнымъ господи-
 номъ

И слышь Барономъ съ чиномъ.
 Хоть знатныхъ онъ людей достоинствъ не
 имѣлъ,

Но все собирался и хотѣлъ
 Министромъ быть при кабинетъ,
 Чтобъ въ Царскомъ засѣданъ Совѣтъ;
 Иль славнымъ полководцемъ быть.
 Баронъ! достоинства за деньги не купишь! —
 Но все Баронъ не могъ рѣшиться,
 Къ чему бы лучше прилѣпиться;
 Гдѣбъ больше чести достигнуть:

Въ Министры-ль добиваться,
 Иль въ полководцы попытаться.
 И такъ въ намѣреняхъ однихъ живетъ Ба-
 ронъ;

А все достоинство Барона миліонъ.

Онъ удивленъ былъ народовъ
 Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ:
 Доходами его почти весь городъ жилъ;

Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
То больше лошадей своихъ онъ величался.

Льстецамъ онъ покровитель былъ,

И ревностно пому служилъ,

Кто, ползая предъ нимъ, его о чемъ просилъ;
А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
Талантами его безстыдно возхищался,
Тотъ вѣрно помѣщенъ въ число друзей тѣхъ
былъ,

Которые на счетъ Барона ѣли, пили,

Смѣясь, въ глаза его хвалили;

И въ потъ же самой часъ мѣники его счечили,
Какъ увѣрили всѣ его,

Что прошивъ глазъ такихъ, какіе у него,

И Аргусовы ничего.

На долго - ль моту миліона?

Ему друга нѣтъ закона,

Какъ только чѣмъ по волѣ жишь,

Своимъ богатствомъ величаешься,

Спрашямъ и прихожимъ служишь.

Баронъ нашъ пересталъ ужъ больше доби-
ваться

Миниспромъ, полководцомъ быть;

И только къ роскоши развратной прилѣпился:

Пилъ, ѣлъ и веселился.

А какъ весь миліонъ Бароновъ истощился,

То сталъ опять Баронъ

Ничто, какъ былъ и прежде онъ.

Безъ денегъ онъ отъ всѣхъ оставленъ очу-
тился;

И доказалъ своимъ житьемъ

Баронъ нашъ правду эту всѣмъ,

Что дѣшимъ только злѣ родитѣли желаютъ;
 Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ:
     Богатство пагуба и вредъ
 Тому; въ комъ воспитанья нѣтъ.

ХЕМНИЦЕРЪ:

XXIX.

СОЛОВЕЙ И МАЛИНОВКА.

Соловушка Малиновку любилъ,
 И гнѣздышко ей свилъ.
 Малиновкой одной въ лѣсу онъ возжищался;
     И думалъ; что она
     Соловушка вѣрна.
 Онъ съ нею никогда еще не разлучался;
 Но онъ Орла указъ; и должно Соловью
     Оставить милую свою.
 „Послушай — онъ сказалъ Малиновкѣ съ слѣ-
     зами —
 „Я онъ тебя лечу, и долго; можешь быть;
 „Не будемъ; нѣжный другъ; подъ эними ку-
     стами;
 „И нѣтъ и щастіе другъ въ другъ находить!
 „Живи здѣсь въ гнѣздышкѣ — все для тебя
     готово;
 „И кормъ и мохъ — и дай мнѣ вѣрно слово;
 „Что вѣчно будешь ты Соловушка любить.
 „О еслибъ вѣдала, какъ тяжко расставаться!
     Мнѣ было хорошо съ тобой!

„Что дѣлать! долѣ велишъ Орлу повиноваться.
 „Прости, Малиновка! прости, дружечикъ мой!“
 Сказалъ Соловѣшко, и съ милою простился;
 Она въ гнѣздѣ своемъ осталась горевать;
 Но красной зобъ Снѣгирь къ Малиновкѣ явился
 Ее въ печали утѣшать.

Поплакалъ прежде съ ней; потомъ подсѣлъ по-
 ближе,

И голосъ опустивъ свой ниже—ниже—
 Шепнулъ ей на ушко, что онъ въ нее влюб-
 ленъ;

Что всѣхъ она прекраснѣе собою,
 И тѣломъ, и душою.
 Ахъ! родъ Малиновокъ вѣкъ лѣстью осла-
 пленъ!

Она хотѣла разсердиться.
 Снѣгирь примолвилъ ей;
 Что вѣтреный ея, невѣрный Соловей
 Изволилъ оплучиться
 По волѣ лишь своей;
 Что въ дальней рощицѣ онъ съ Зяблицей ле-
 таешь;

И ей, Малиновкѣ, конечно измѣняетъ.
 Малиновкамъ всегда пріятно опомститься,
 И также нравишься пріятно.
 Все сказанное ей казалось вѣроятно;
 А время съ Снѣгиремъ дѣлать,
 Пошла Малиновка невинною опрадой;
 Снѣгирь съ начала ей казался только милъ;
 Потомъ сталъ вѣрный другъ — потомъ и
 нуженъ былъ.

Пошла награда за наградой.
 Соловѣшко забылъ, и въ сторонѣ чужой

Не помышлялъ никакъ онъ о такой измѣнѣ,
Увы! подвержено все въ свѣтѣ перемѣнѣ!
Насталъ свиданья часъ — онъ прилетѣлъ до-
мой,

И чтожь нашелъ, несчастный?
Гнѣздо разорено — на деревѣ другомъ
Малиновка съ своимъ любезнымъ Сибгиремъ
Сидѣла на сучкѣ; и нашъ любовникъ спра-
спный,

Пѣвецъ лѣсовъ, Орфей,
Предъ Евридикою прелестною своей
Вдохнулъ — еще вдохнулъ — и въ горести
глубокой

Пошелъ жить одинокой!

✱

Не должно забывать того:
Въ любви разлука намъ опаснѣе всего.

Пушкинъ.

ПЧЕЛА.

За чѣмъ ты такъ неосторожно
 Лезаешь по цвѣтамъ, Пчела?
 Въ иныхъ есть ядъ, тебѣ имъ отправиться
 можно —

Сказала Лизанька; а та ошвѣпъ дала:
 „Я знаю, что мнѣ дѣлать должно;
 Садясь на цвѣтокъ,
 Пью Нектаръ, а не вредной сокъ.“

Н. К....А. УРУСОВА.

ВОСПИТАНІЕ ЛЬВА.

У Льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ го-
родахъ,

Во всѣхъ его спранахъ
Потѣшныя огни, веселья, жертвы, оды;
Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:

„Скажи земля! зыграйше воды!
У Льва родился сынъ!“ — И въ правду, кто
не радъ?

Межь пѣмъ, когда всякъ звѣрь воспоргомъ
упивался,

Царь-Левъ, какъ умный звѣрь, забошамъ пре-
давался,

Кому бы на руки дитя свое опдашь:

Наспавникъ долженъ быть уменъ, ученъ, не-
злюбенъ!

Ктобъ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе спо-
собенъ?

Не шушка скоро опгадашь.

Царь въ нерѣшимости велѣлъ совѣтъ собрать;
Въ благоволеніи своемъ его увѣря,

Препоручилъ избрать ему,
По чистой совѣсти, по долгу своему,
Для сына въ Меншоры достойнѣйшаго звѣря.

Вспалъ Тигръ и говоритъ:

„Война, война Царей великими шворитъ;
Твой сынъ, о Государь! быть долженъ спра-
хомъ свѣта;

И такъ образовашъ его младя лѣша

Лишь топъ способенъ изъ звѣрей,
 Которой всѣхъ, по Львѣ, ужаснѣй и спраш-
 нѣй.“ —

— И осторожнѣ, Медвѣдь къ тому приба-
 вилъ,

Чтобъ онъ младаго Льва наставлялъ
 Умѣнь и храбростью своею управлялъ.
 Противу мнѣнья двухъ Лисъ идти не можно;
 Однакожъ, такъ и сякъ начавъ она вилъ,
 Замѣшила, что дядкѣ должно
 Знать и политику, бытъ хитраго ума,
 Короче; какова сама.

За нею топъ и топъ свой голосъ подавали,
 И всѣ они, хотя себя не называли,

Но ясно намекали,
 Что въ дядки лучше ихъ ужъ некого из-
 брасть.

Совѣщанья и вездѣ почти на эту спашъ.
 „Позволеноли и мнѣ сказаць чепыре слога?

Собака, наконецъ, свой голосъ подала:
 Политики, войны нѣтъ слѣдствія другова,

Какъ много шума, много зла.
 Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и
 кровью?

Какъ подданныхъ своихъ составилъ щастье
 онъ?

Какъ будетъ ихъ опцемъ? чѣмъ утвердилъ
 свой пронъ?

Любовью.

Вотъ таинство, вотъ ключъ къ высокой и
 святой

Наукъ добраго правленья!

А чтожъ Принцу лучшя подастъ въ ней на-
 ставленья?

Никто, какъ самъ отецъ.“ — Тигръ сма-
тришь, какъ шальной.

Медвѣдь, другіе пожь; а Левъ, отъ удивленья
Заплакавъ, бросился Собаку обнимать;

„Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?

О добрый звѣрь! тебѣ вручаю
Я счастье мое и подданныхъ моихъ;
Будь сыну моему наставникомъ. Я знаю,
Сколь пагубны льстецы! укрой его отъ нихъ;
Укрой и отъ меня — въ швоей онъ полнѣй
волѣ.“

Собака отъ Царя идеть съ дитяти въ поле,
Делаетъ, пѣснуетъ и учить между пѣмъ.

Урокъ былъ первой потѣ, что онъ Щенокъ,
не Львенокъ,

И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ
день за днемъ,

Уже питомецъ не робенокъ,

Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ спра-
ны,

Которыя въ удѣлѣ отцу его даны;

И Львенокъ въ первый разъ узналъ насиль-
ство власти,

Народовъ нищету, звѣрей худыя спрасци;

Лиса встѣ Кроликовъ, а Волкъ душилъ Овецъ,

Олень давилъ Барсъ; повсюду, наконецъ,

Могучіе богаты,

Безсильные отъ нихъ кричали;

Быки работаютъ безъ плахи,

А Обезьяну золотятъ.

Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва.

„Наставникъ! онъ сказалъ, подобныя дѣла
Доходятъ ли когда до свидѣнья Царева?

Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!“

— Какъ могушъ доходить? Собака отвѣчаетъ;
Его одна толпа щасливцевъ окружаетъ,
А имъ не до того; а тѣ, кого свѣдятъ,
Не говорятъ. —

И такъ нашъ Львочикъ, безъ дальнихъ
размышленій

О томъ, въ чемъ доброшу и мудрость спа-
витъ свѣтъ,

И добръ спалъ и уменъ; но въ эпомъ дива
нѣтъ:

Примѣръ и опытность полезнѣй наставленій,
Онъ, въ доброй школѣ той върасая, получилъ

Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однакожь все еще не вѣдалъ, кто онъ былъ;
Но вотъ, какъ случай самъ о томъ ему оп-
крылъ:

Однажды на пущи Собака захоула

Взявъ опдыхъ, и легла подъ тѣнью деревъ;
Вдругъ выскочилъ злой Тигръ, разинулъ спра-
шный зевъ,

И прямо къ ней — но Левъ,

Закрывъ ее собою,

Взмахнулъ хвостомъ, зашрясъ косматой го-
ловою,

Взревѣлъ — и Тигръ уже разперзанный, ле-
житъ!

Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣ-
житъ

И вопиетъ: побѣдилъ! благодарю судьбину!

Но яль что былъ, иль нѣтъ? Повѣритъ ли,
опецъ,

Что въ эпомъ мигъ, когда твоей близокъ
былъ конецъ,

Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу Лягушкы;

Я точно . . . былъ какъ Левъ! — „Ты точно
но Левъ и ешь,
Наставникъ отвѣчалъ, облившись слезами;
Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть;
Опнынъ . . . кончилось равенство между нами;
Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору,
Я все употребилъ, что могъ, тебѣ къ добру;
Но ты . . . и радости и грусти мнѣ причина!
Проси, о Государь! невольно слезы лью. . .
Опечесиву отца даю,
А самъ . . . шерю сына!“

ДМИТРИЕВЪ.

XXXII.

ЛЕВЪ и КАРТИНА.

Картину выставилъ народу,
Не помню, Рубенсъ ли, Жордешъ или другой,
Гдѣ, смѣлой кисти давъ свободу,
Написанъ спрашный Левъ и человекъ нагой,
Который сильною рукой
Одинъ Льва убиваетъ;
Народъ побѣду возглашаетъ,
Народъ кричитъ: вотъ люди каковы!
Предъ храбрыми людьми всегда прусливы
Львы. —

Но Левъ живой, пришедши ненарокомъ,
Заставилъ вдругъ народъ молчать;
Взглянулъ грозящимъ окомъ,

Въ Карпинѣ находя по явственнымъ поро-
комъ,

Чему прощивное всегда могъ доказать,
И шутъ извоилъ всѣмъ сказать;
„И на Карпинахъ Львы поверхность бы
имѣли,
Когда бы рисовать умѣли.“

XXXIII.

Ф Е Н И К С Ъ.

Однажды Фениксъ - птица
Изъ странъ Аравіи къ намъ въ рощи при-
летѣлъ:

Народъ пернатыхъ зашумѣлъ;

Огромная станица

Несется къ госпою на поклонъ.

Ужъ всѣ вокругъ его, ужъ всѣхъ плѣняетъ
онъ

Огнемъ блестящихъ глазъ, гармоніей преле-
стной,

Драгими перьями, красой своей небесной;

Онъ Царь воздушныхъ птицъ — ему приро-
да пронъ.

Умолкла зависть вдругъ, любовь не ревновала.

Тутъ въ первый разъ еще влюбленный Соловей

Красу чужую цѣлъ съ подругою своей,

И Пава важная предъ всѣми признавала,

Что сынъ Аравїи, лѣсовъ ихъ новой гостѣ,
 Собою зашемнилъ павлиный самый хвостѣ.
 Ужъ гимны въ честь ему по воздуху гремѣли;
 Ужъ пшички хоромъ пѣли
 Испорію его,

Какъ онъ, пернатыхъ царь, сынъ неба благо-
 дашный,

Подъ старость вѣка своего,
 Слагаетъ самъ костеръ кедровый, ароматный,
 Садится на него,
 Мгновенно самъ собой весь въ пепелъ исплѣ-
 ваешь,

И снова юнымъ оживаетъ
 Изъ праха своего.
 Тупъ Горлица одна на Горлицу взглянула,
 И тихо про себѣ вздохнула,
 Сидящій вмѣстѣ съ ней дружокъ
 Подъ крылышко ее тихонько толкѣ,
 И милую спросилъ: что помню такъ вор-
 куешь?

О чемъ, о чемъ поскуешь?
 Иль Фениксовъ тебѣ завиднѣ лесной
 рокъ? —
 „Нѣтъ! я грущу о немъ, мой миленькой
 дружокъ!
 Увы! онъ въ мѣрѣ одинокъ!“

Измайловъ.

XXXIV.

ЖАВОРОНОКЪ СЪ ДѢТЬМИ И ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

Пословица у насъ : на ближнихъ уловай ,
А самъ ты не плошай !

И правда ; вошѣ примѣрь. Въ прекрасные дни
года ,

Въ которые цвѣшеть и нѣжится Природа ,
Когда все любится : медвѣдь въ лѣсу густомѣ ,

Кипитъ на днѣ морскомѣ ,

А Жаворонки въ полѣ ,

Не вѣдаю того , по волѣ или неволѣ ,

Но самочка одна

Изъ племѣ Жаворонковъ лещала , да гуляла ,

И о вѣяніи весны не помышляла ,

А ужь давно весна !

Сдалася наконецъ Природѣ и она ,

И махерью еще назваться захошла ;

У пшечекъ много ли затѣй ?

Свила во ржи гнѣздо , снесла личекъ , сѣла ,

И вывела дѣтей.

Рожь выросла , созрѣла ,

А пшенички еще не въ силахъ ни порхать ,

Ни норма доставать ;

Все махушка ищи. — „Ну , дѣшущки , про-
щайте !

Я за припасомъ полечу ,

Сказала имъ она , а вы здѣсь примѣчайте ,

Не соберутся жать , и потчасъ голосъ дайте ;

Такъ я другое вамъ приспавище сыщу.“ —

Она лишь изъ гнѣзда, пришелъ хозяинъ въ поле,

И сыну говоришь : вѣдь рожь и жать пора ;
Смотри , какъ мащера !

Сступай же ты немедля болѣ ,
И попроси друзей на помощь къ намъ приходи ,
— Ахъ , мащушка , деши ! скорѣ къ намъ деши !
Малюшки въ спрахъ запищали . —

„Что , что вамъ сдѣлалось ?“ — Ахши ! — мы всѣ
пропали :

Хозяинъ былъ , онъ хочетъ жать ;
Ужъ сыну и друзей велѣлъ на помощь звать , —
„А болѣ ничего ? ошвѣтствовала мать :
Такъ не къ чему спѣшить ; *день ночи мудре-*
нѣе.

Вотъ , дѣтушки , вамъ кормъ : покушайте
скорѣ ,

Да ляжемъ съ Богомъ спать ! они шово , сево
Клевнули ,

Прижались подъ крыло къ родимой , и уснули .
Ужъ день , а изъ друзей нѣтъ въ полѣ никого ,
Пичужечка опять пуспидась за припасомъ ,

А селянинъ на рожь ,
И мыслишь : на родню спороній не похожь !
Поди - ка , сынъ мой , добрымъ часомъ ,
Ты къ дядѣ своему , да свашу поклонись ! —

Малюшки пуще взводновались ,
И мащери во слѣдъ всѣ въ голосъ разкрича-
лись :

— Ахъ ! милая , скорѣй ! родима , воропись !
Ужъ за родней пошли . — „Молчите , не пу-
гайтесь !

Отвѣтствовала мать, и съ Богомъ оставай-
шесь. —

Еще проходитъ день, хозяинъ въ прешій разъ
Приходитъ на поле. — Изрядно учашъ насъ,
Онъ сыну говоритъ: и дѣльно! впредь не
спанемъ

Съ надеждою зевать, а поскорѣй вспомняемъ,
Что всякой самъ себѣ вѣрнѣйшій другъ и
братъ;

Спуй же ты назадъ,

И матери скажи съ сестрами,

Чтобъ на поле пришли съ серпами. —

А ппичка, слыша то, сказала дѣтямъ такъ:
„Ну, дѣтки! вотъ теперь къ походу вѣрный
знакъ.“ —

И дѣти въ топъ же мигъ скорѣй, скорѣй
сбираются;

Разправя крылья въ первый разъ,
За маткой кое-какъ вверхъ, вверхъ приподни-
маются

И скрылися отъ глазъ.

ДМИТРИЕВЪ.

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богачъ,
 Тотъ каждому и другъ и братъ.
 Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
 Хоть родомъ будь изъ конюхоу,
     Дѣшина будешь какъ дѣшина.
 А бѣдной будь хоть изъ Рязей,
 Хоть разумъ ангельской имѣй,
 И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
     Того почтенья не дождешься,
 Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.
     Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
 Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
 Но бѣдняка никто не только что не встрѣ-
     тилъ,
     Никто и не примѣтилъ;
 Иль можетъ быть никто примѣтивъ не хо-
     телъ.
 Бѣднякъ нашъ по къ тому, по къ этому
     подходитъ,
 Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводилъ;
     Но каждой Бѣдняку въ отвѣтъ:
     Короткое иль да, иль нѣтъ.
 Привѣтствія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не
     находитъ.
     Потомъ
     За Бѣднякомъ
 Богачъ прѣхалъ въ тотъ же домъ

Хошя заслугой, ни умоуѣ,
 Ни чиномъ онѣ не опличался,
 Но только въ двери показался,
 Сказать не лѣзя какой пріёмѣ!
 Всѣ встали передъ Богачемъ,
 Всякъ Богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
 Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
 И подѣ руки его берутъ;
 То шумѣ,
 То шамѣ его сажаютъ;
 Поклоны чупъ ему земные не кладутъ,
 И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
 Бѣднякъ, людей увидя лестъ,
 Къ Богашому неправу чесетъ,
 Къ себѣ неправо презрѣне,
 Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ раз-
 сужденіе.

— За чѣмъ, онъ говоритъ е
Достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ ? —
„Легко, мой другъ! понимаешь:
„Достоинства не лѣзя занимать,
„А деньги всякой занимаетъ.“

ХЕМИИЦЕРЪ.

М О Р Ъ З В Ъ Р Е Й

Лютѣйшій бичъ Небесъ, Природы ужасъ —
Моръ

Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ — уныли Звѣри,
Въ адѣ распахнулись настѣчь двери.
Смерть рыщетъ по полямъ, по рѣамъ, по вы-
сямъ горъ;

Вездѣ размѣтаны ея свирѣпства жерпвы;
На часъ по тысячѣ валилися ихъ,
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же часѣи ждя, чуть бродящъ полу-
мерпвы —

Тѣжъ Звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той!
Не давши волкъ овецъ и смиренъ какъ святой;

Давъ курамъ роздыхъ и покой;

Лиса поспѣхъ въ подземельѣ;

И пища имъ на умъ нейдетъ!

Съ голубкой голубъ въ розѣ живетъ;

Любви въ поминъ больше нѣтъ;

А безъ любви какое ужъ веселье!

Въ сей крайности — совѣтъ Звѣрей съ-
ваетъ Левъ;

Тащатся шагъ за шагъ, чуть держащъ въ
нихъ души;

Сбредили и въ пишинѣ Царя вокругъ обѣвъ;

Успавили глаза и приложили уши.

„О други! началъ Левъ, по множеству грѣховъ,

Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;

Такъ топѣ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ
болѣ,

Пускай по доброй волѣ
Дозволятъ принести себя на жертву имъ —
Быть можеть, что богамъ мы эшимъ угодимъ,
И теплѣе усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость ихъ.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры.
И такъ

Пусть всякъ
Подробно здѣсь расскажетъ,
Кого въ чемъ совѣсть вяжетъ.
Покаемся, мои друзья!
Охъ! признаюсь, не правъ и я;
Овецъ бѣдненькихъ, за что? совѣмъ без-
винно,

Дралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха! —
Случалось дралъ и пастуха.
И въ жертву отдаюсь охотно — только сперва
Не худобъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесъ;
На комъ ихъ болѣ есть,

Того бы въ жертву и принесъ:
Онъ правосудію прямая будетъ жертва.“
— О Царь! нашъ доброй Царь! онъ лишней
доброшны,

Лисица говоритъ, въ грѣхъ это спавишь ты.
Къ чему щадить овецъ? Я думаю безъ
лести,

И всѣ пожѣ скажутъ здѣсь, хоть самъ спро-
ситъ изволь,

Для швари глупой, подлой шоль,
Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести.
А что до пашуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ че-
ломъ

Ихъ чаще такъ учишь — имъ это по дѣломъ;
Безхвостой эшотъ родъ лишь глупой спѣсью
дынешъ

И нашими себя вездѣ Царями пишемъ. —
Окончила Лиса, за ней, на шотъ же ладъ,
Льшпецы Льву по же говоряшъ;
И всякой доказашъ спѣшишъ наперехвашъ,
Что даже не въ чемъ Льву просишь и разрѣ-
шенья.

За Львомъ Медвѣдь — и Тигръ и Волки въ свой
черѣдъ

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелишь не смѣлъ;

И всѣ, кто былъ зубкомъ, иль ногошкомъ
богаты,

Тѣ вышли вонъ,
Со всѣхъ сторонъ

Не шольно правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мы-
чимъ: „и мы

Грѣшны; шому давно, когда зимой кормы
Намъ были худы,

На грѣхъ меня лукавой нашолкнулъ —
Нигдѣ себѣ найти не могли ссуды,

Изъ стогу у попа я клокъ сѣнца спянулъ.“
При сихъ словахъ поднялся шумъ и
шолки,

Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:

— Смотри, злодѣй какой!

Чужое сѣно бѣшь! ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ сполько спроги?
Его безчинника съ рогащой головой,
Его принесъ богамъ, за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасъ и нравы опъ за-
разы.

По немъ у насъ и моръ такой! —

Приговорили,

И на костеръ вола звалили. —

И въ людяхъ также, говорятъ,
Что побезсильнѣе, такъ шопъ и виноватъ.

Крыловъ.

XXXVII.

П Р О Х О Ж І Й.

Прохожій, въ монастырь зашедши на пужи,
Просилъ у брашій позволенья
На колокольню ихъ взойти;
Взошелъ, и сталъ хвалища различныя явленья,
Которыя ему открыла высота:
Какія, онъ вскричалъ, волшебныя мѣста!
Вдругъ вижу горы, лѣсъ, озера и долины!
Великолѣпныя карпины!
Не правда ли? вопросъ онъ сдѣлалъ одному
Изъ брашій, съ нимъ стоящихъ.
„Да, пруженикъ вздохнувъ ошвѣпспсвовалъ ему:
Для проходящихъ!“

Дмитріевъ.

XXXVIII.

О Р Л Ы.

Съ начала всяко дѣло спрого
 И въ спроку такъ идетъ,
     Чшо и приспуну нѣтъ;
 А шамъ, перегоди не много,
 Пошло и въ криво все и въ косъ,
     И отъ часу все хуже, хуже,
     Покуда наконецъ хощь брось.
 Не знаю череду ведушъ ли люди шу же;
     Но слово въ баснѣ сей
     Про пшицъ, не про людей.
 Орлы когда-то всѣ рѣшились
 Составить общество правленья межъ собой,
     И сдѣлали уставъ такой:
 Чтобъ прочія отъ нихъ всѣ пшицы удали-
     лись,
 Какъ недостойныя съ Орлами вмѣстѣ жить,
     Судишь,
     Рядишь,
     Или въ дѣла Орловъ входишь,
 И словомъ: въ обществѣ одномъ съ Орлами
     бышь.
 И такъ живутъ Орлы, храня уставъ свой
     спрого,
 И никакой изъ пшицъ къ Орламъ приспуну
     нѣтъ.
 Прошло не знаю сколько лѣтъ,
 Однако помнишся не много;
 Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаетъ,

Съ другими разсуждаешъ,
И вошъ чпо предлагаетъ:
„Хотъ позволенія на шо у насъ и нѣтъ,
Чшобъ съ нами въ обществѣ другія пшцы
жили,

Кшпорыбъ не одной породы съ нами были,
Дшстоинствъ равныхъ намъ

Орламъ

Ошмѣнныхъ не имѣли:

Лешашъ по нашему высоко не умѣли,
На солнце бы смшрѣть не смѣли;
Но какъ Соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ по-
лешъ,

И думаю, чпо намъ онъ пользу принесетъ,
Такъ пущъ и онъ при насъ живетъ;
Мнѣ кажется бѣды шущъ нѣтъ.“

— И въ прямъ, Орлы на шо сказали:

Ево полешъ. . . . .

А сверхъ того одинъ Соколъ куды нейдетъ,
И Сокола принявъ позволишь приказали. —
Потомъ, спуся еще не знаю сколько лѣтъ,
Ужъ пакже и Соколъ свой голосъ подаешъ:
„Чшо пользы Яспребъ шожъ не мало прине-
сетъ;

И нужнымъ признаешъ,

Чшобы Орлы благоволили

И Яспреба принявъ.“

Но шущъ-было Орлы сперва поусумнились,
Хотѣли опказать;

Однако наконецъ рѣшились,

Чшобъ позволеніе дать

И Яспреба въ ихъ общество принявъ.

Потомъ и Яспребъ шожъ Орламъ спалъ пред-
спавляшъ:

„Что нужны ппицы, тѣ, другія,
 Невѣдь какія,
 Чѣшобъ разну должность опправлять.“
 Чѣшобъ? сѣблался приказъ онъ самого пра-
 вленья,
 Чѣшобъ ппицамъ былъ пріемъ впередъ безъ
 представленья;
 И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
 Ужъ спали принимашъ и Филиновъ и Совѣ.
 Хемпицевъ.

XXXIX.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику, порой холодной, зимной,
 Старикъ, изсохшій весь онъ нужды и пру-
 довъ,
 Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
 Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
 Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
 Остановился,
 Спустилъ дрова съ себя долой,
 Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ
 съ собой:
 „Куда я бѣденъ, Боже мой!
 Во всемъ нуждаюся, къ помужъ жена и дѣ-
 ши —
 А тамъ подушное, боярщина, оброкъ —
 И выдался ль когда на свѣтѣ

Хотя одинъ мнѣ радостный денёкъ?“
 Въ такомъ уныніи на свой пеняя рокъ,
 Зовешъ онъ смерть — она у насъ не за го-
 рами,

А за плечами,
 Явилась въ мигъ

И говоришь: за чѣмъ ты звалъ меня, спа-
 рикъ? —

Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
 Едва промолвишь могъ бѣднякъ опоропѣвъ:
 „Я звалъ тебя, коль не во грѣвъ,
 Чтوبъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.“

Изъ басни сей
 Намъ видѣть можно,
 Что какъ бываетъ жизнь ни пошню,
 А умираешь еще пошнѣй.

Крыловъ.

ЛЮБОВЬ И ВРЕМЯ.

Однажды у рѣки широкой,
 Старикъ, что *Временемъ* зовутъ, сидѣлъ,
 И на берегъ другой, отъ моста недалеко
 На косу опершись, смотрѣлъ,
 И улыбался, какъ играли
 Красавицы съ *Любовью* тамъ,
 Рѣзвились, время не видали,
 Покоились въ тѣни, ходили по цвѣтамъ.
 „И ябъ хотѣлъ перешагнуть
 „Къ вамъ, дѣвушки, черезъ рѣку,
 „Да слабъ, и голова кружится:
 „Подайте помощь старику!“
 Такъ Время съ берега кричало.
 Охотницъ время провести,
 Красавицъ множество на берегъ прибѣжало,
 И споры начались: кому изъ нихъ вести?
 Постойте, милые! шутъ старшая сказала:
 Нешутка время проводить!
 Я гдѣ-то, помнится, читала:
 Что надобно Любви его намъ поручить? —
 Амуръ проворный, милый,
 Порхнулъ и старика ведетъ,
 И косу, и часы тащитъ, собравши силы,
 И улыбаясь поетъ:
 „Вотъ какъ Любовь проводитъ время!“
 Но лишь на мостъ взошелъ, диня усталъ,
 Сложилъ съ себя тяжело бремя,

Присѣсть и отдохнуть просить онъ Время
сталъ.

— Чпо, братъ! смѣясь оно сказало,
Не много ты напѣлъ — усталъ отъ двухъ
шаговъ,

И поведя его, сквозь зубы припѣвало:

„Проводилъ Время такъ Любовь!“

XLI.

С К Р Ы П К А.

Скрипица дюжинна упала и разбилась:

Скрыпачъ ее склеилъ,

И скрипка изъ дурной . . . прекрасной очу-
тилась.

Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, яко въ школѣ бѣд-
ствѣй былъ!

ДМИТРИЕВЪ.

ГОЛУБЬ И МУРАВЕЙ.

Съ берегу сваясь въ ручей,
 Тонетъ бѣдной Муравей . . . .
 У ручья пилъ Голубокъ.
 Видя гибель Муравья,
 Тронулся его бѣдой;
 Такъ спрадашь могу и я,
 Разсуждалъ онъ самъ съ собой:
 Дай сорву правы листокъ,
 Брошу въ воду къ Муравью.
 Вздумалъ, сдѣлалъ. Какъ онъ милъ!
 Муравью листочикъ плохъ:
 Съ вѣтромъ къ берегу плыветъ,
 Спасъ онъ смерти жизнь свою;
 Голубка благодарилъ.
 Только на берегъ вошелъ,
 Вдругъ увидѣлъ, что спрѣлокъ
 У ружья курокъ ужъ взвелъ,
 Приложася въ Голубка.
 Ахъ, мой доброй Голубокъ!
 Прощепталъ онъ — и спрѣлка
 Въ самой выспрѣлъ, сколько смогъ,
 Въ ногу шипъ, и былъ шаковъ.
 Егеръ вздрогнулъ — голубъ порхъ,
 И пропалъ между деревъ.

*

Дѣлая добро другимъ,
 Дѣлаешь и себѣ велимъ.

XLIII.

К Е Д Р Ъ.

Любимецъ гордаго царя воспочныхъ смранъ,
 Блещущихъ милоспей Калифовыхъ лишен-
 ный,
 Спрѣлами зависти сраженный Зюлиманъ,
 Въ пуспынѣ, въ бѣдноти влачилъ свой извѣ-
 плачевный.

*

Чеснь, слава, такъ какъ дымъ, исчезли для
 него:
 Ихъ мѣсто заняли скорбь, слезы и спраданье,
 И образъ прежняго блаженства своего
 Онъ зрѣлъ въ мучительномъ одномъ напоми-
 нанъ.

*

Еще ударъ ему наноситъ злобный рокъ:
 Младую, нѣжную Фашиму онъ теряетъ;
 Объятый мразомъ бѣдъ, сей упренный цѣв-
 покъ
 Въ глазахъ несчастнаго супруга увидаешъ!

*

Остался сынъ ему, милый сокровищъ всѣхъ;
 Сей сынъбы нѣкогда закрылъ его зѣницы;
 Онъ былъ бы въ спароси виной его уцѣхъ...
 Увы! невиннаго ведущъ во мракъ темницы!

*

Когожъ наперсникомъ шоски своей избралъ
 Злощасный Зюлиманъ въ своемъ уединень?
 Невинность онъ свою предъ Кедромъ изб-
 являлъ,
 И дереву сему вѣрялъ свое мученье.

✱

Содѣлавшись рабомъ обычая сего,
 Спеналъ онъ нѣкогда, при корнѣ древа сядя.
 Свидѣтель прежнѣя великости его
 Съ улыбкой злобною сказалъ, его увидя:

✱

— Не стыдно ли тебѣ споль малодушнымъ
 быть?
 Иль мнишь, что жалобамъ пвоимъ сей Кедръ
 внимаетъ?
 Лзя ль утѣшеніе отъ древа получишь?...
 Нещастье, Зюлиманъ, пвой разумъ заблуж-
 даетъ. —

✱

Въ отвѣтъ сѣи слова ему спрадалецъ рекъ:
 „Дивишься ты, что Кедръ меня сей утѣшаетъ?
 Нѣжибе онъ тебя, жестокой чловѣкъ!
 По крайней мѣрѣ онъ мнѣ плакать не мѣ-
 шаетъ!“

П. Сумароковъ.

XLIV.

ЦАРЬ И ДВА ПАСТУХА.

Какой-то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
 Раздумался объ Царской долѣ:
 „Нѣтъ хуже нашего, онѣ мыслилъ, ремесла!
 Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое;
 Я всей душой хочу, чтобъ у меня цѣла
 Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ,
 А принужденъ вести войну,
 Чобъ защищать мою спрану.

Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ помѣ боги,
 А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
 Хочу знать правду, всѣ мнѣ лгутъ.
 Бояра лишь чины берутъ,
 Народъ мой стонетъ, я спрадаю,
 Совѣтуюсь, пружусь, никакъ не успѣваю;
 Полсвѣща властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!“
 Чувствительный Монархъ подходитъ между
 пѣмъ

Къ пасущейся скотинѣ;
 И что же видитъ онъ? Разсыпанныхъ въ до-
 линѣ

Барановъ, щощихъ до костей,
 Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей;
 Всѣ въ страхъ бѣгаютъ, вращаются,
 А псамъ и нужды нѣтъ, они подъ пѣнь ло-
 жатся,

Лишь бѣдный мечется паспухъ:
 То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится
 духъ,

То бросится къ овцѣ, копорал опсшала,
 То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
 А между шѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ па-
 щитъ;

Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой
 спала.

Опчаянный паспухъ рветъ волосы, реветъ,
 Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
 „Вотъ точный образъ мой! сказалъ Самовла-
 ститель;

И такъ, и смиреннѣйшихъ животныхъ охра-
 нитель

Такимижъ, какъ и мы, напасъми окруженъ,
 И онъ, какъ Царь, поработенъ!

Я чувствую теперь какую-то опраду.“
 Такъ думая, впередъ онъ путь свой продол-
 жалъ,

Куда? и самъ не зналъ,
 И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему
 спаду.

Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
 Баранамъ счету нѣтъ, онъ жира чухъ идутъ,
 Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тяжестью
 ихъ клонитъ;

Ягняшки, кто кого скорѣ перегонитъ,
 Комашкинымъ бѣгутъ пипательнымъ сосцамъ;
 А паспушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
 И милую свою паспушку воспѣваетъ.

„Не одобровашъ, овечки, вамъ!
 Царь мыслилъ: волкъ любви не чувствуетъ
 закона,

И паспуху свирѣль худая оборона.“

А волкъ и подлинно опкуда ни возмись,
 Во всю несется рысь;

Но псы, которые по спадо споржили,
 Вскочили, бросились, и волка задавили;
 Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
 Который далеко отъ страха забѣжалъ,
 И потѣ часъ въ кучку всѣхъ по прежнему
 загналъ.

Паспухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало:
 Тогда уже въ Царѣ шерпѣнїя не сшало:
 — Возможно? онъ вскричалъ, здѣсь множество
 волковъ,

А ты одинъ... умѣлъ сберечь большое спадо! —
 „Царь! отвѣчалъ паспухъ, шупъ хипроспи
 не надо:

Я выбралъ *добрыхъ* псовъ.“

ДМИТРИЕВЪ.

XLV.

МИРЗА и СОЛОВЕЙ.

Мирза, любимый сынъ великаго Могола,
 Однажды въ рощицѣ съ наставникомъ гулялъ;
 Отъ скуки дѣлать что не зналъ —
 А скука, говорящъ, живетъ и у престола;
 Вельможи и Князья зеваютъ чаще насъ;
 Но дѣло не о томъ. Мирза гулялъ въ лѣсочкѣ,
 А шамо, сиди на кушпчкѣ,
 Лѣсныхъ пѣвцовъ Моголъ пѣлъ громко и сви-
 сшалъ,

И пѣнѣмъ своимъ дивилъ и восхищалъ.
 Мирза, какъ царской сынъ, и въ клѣпочку
 скорбе

Пернатого пѣвца желалъ бы посадить.
 Въ чертогахъ, думалъ онъ, жишь пшичкѣ
 веселѣ —

И ну ее ловить.

Но только лишь Мирза пошевелился,
 Пѣвецъ въ дубровѣ скрылся,
 Сынокъ Могола осердился.

— Какъ можно, онъ сказалъ, что здѣсь въ
 лѣсу густомъ,

Такъ свищутъ соловьи и пѣнѣмъ восхищаютъ,
 А у меня передъ дворцомъ

Одни лишь воробьи лепаютъ? —

„Дивисься этому не должно никогда,
 Ему наставникъ оповѣщаетъ:

Глупцовъ встрѣчаемъ мы, и видимъ ихъ
 всегда,

Но мудрый крѣится и пышность презираетъ.
 Блаженъ шотъ Государь, кто мудрыхъ обрѣ-
 таетъ!

Пушкинъ.

СТРАННЫЕ ЛЮДИ.

Клеантъ обвѣздилъ цѣлой свѣтъ,
И видя, что нигдѣ для смертныхъ счастья
нѣтъ,
Домой къ друзьямъ своимъ съ копомкой воз-
вращился:

Друзья его нашли, что онъ перемѣнился
Во многомъ, но не въ дружбѣ къ нимъ.
По зимнимъ вечерамъ рассказывалъ онъ имъ,
Что чуднаго ему въ подсолнечной вспрѣчалось,
И съ нимъ самимъ случалось.

Однажды онъ сказалъ: „вы знаете, друзья,
Что есть на свѣтѣ семъ Гиганты, Папагоны
И дикіе Гуроны —

(А сколько верстъ до нихъ, исчислю по-
слѣя). —

Подалѣе на югѣ живетъ народъ чуднѣйшій;
Гораздо ихъ спрашивѣйшій.

О людяхъ сихъ нигдѣ я въ книгахъ не чи-
талъ;

Нигдѣ подобныхъ имъ и въ свѣтѣ не видалъ.

Они сидятъ какъ сиди,

Не пьютъ и не ѣдятъ,

Не дремлютъ и не спятъ,

Не два и при часа, но два и при дни.

Хошабъ надъ ними громъ гремѣлъ,

И арміи вокругъ сражались;

Хошабъ небесный сводъ горѣлъ,

Часть III.

М

Трещаль и пасть хотѣль: они бѣ не испуга-
лись,

И съ мѣста не сошли, бывъ глухи и безъ
глазъ.

Хотя по временамъ они и повпоряютъ
Какія-то слова, при коихъ всякой разъ
Глаза свои привляютъ:

Однако же не лзя совсѣмъ разслушать ихъ.
Я часто подлѣ нихъ

Стоялъ и удивлялся,

Смотрѣлъ и ужасался.

Повѣрьте мнѣ, друзья, что образъ сихъ
людей

Останется на вѣкъ въ душѣ моей.

Опчаянье, досада,

Тоска и радость ада

Являлись въ лицахъ ихъ. Они казались мнѣ

Какъ Эвмениды злобны,

Плутоновымъ судьямъ угрюмостью подобны,
И блѣдны, какъ злодѣи въ доказанной винѣ.“

— Но что же умъ ихъ занимаетъ?

Спросили всѣ друзья: не благо ли людей? —

„Ахъ, нѣтъ! о томъ никто изъ нихъ не
помышляетъ.“

— Такъ вѣрно мыслию своей

Въ другихъ мѣрахъ они лезаютъ? —

„Никакъ!“

— И такъ

О камнѣ мудрыхъ разсуждаютъ?

Или хотѣли узнать, какъ шло въ жизни
сей

Сопряжено съ душой?

Или грустятъ о томъ, что много нагрѣ-
шили? —

„Нѣтъ, все не то, и вы загадки не рѣшили.“
 — Такъ отъ чегожъ они не пьютъ и не вѣдаютъ,
 Молчатъ и цѣлой день сидятъ,
 Не видятъ, не внимаютъ?
 Чтожъ дѣлаютъ они? — „Играютъ!“

XLVII.

ОРЕЛЬ И БАБОЧКА.

Вѣясь подъ облаками,
 Скрывая солнца лучь огромными крылами,
 Летѣлъ
 Орель;
 Летѣлъ, усталъ, спустился,
 На дубъ столѣтній сѣлъ,
 И дубъ потрясшись зашумѣлъ,
 И вѣтвями къ землѣ склонился. —
 Предъ нимъ на бархатныхъ лугахъ
 Порхала,
 Вилыла
 Блестяща въ радужныхъ цвѣтахъ
 Вершляна Бабочка. — Пернатыхъ
 царь,
 Узрѣвъ ее, вдругъ въ мысли углубился,
 На нижню дуба вѣтвь спустился;
 И такъ ей говорилъ: О ты презрѣнна птварь,
 Которую и зрѣнiемъ Орлинымъ

Я съ горнихъ мѣстѣхъ едва умѣю различить
 И мановеніемъ единымъ
 Могу въ ничтожность обратишь!
 Вѣдай, коль можешь, мнѣ,
 На что Природою духъ жизни данъ тебѣ?
 Иль нужду смертные въ тебѣ имѣли? —

На сей вопросъ
 Любезна дщерь весны, копорая сосала
 Межъ пѣвѣхъ душистый медъ изъ свѣжихъ
 розъ,

Смиренно отвѣчала:
 „Природа пварямъ всѣмъ дала различны цѣли:
 Ты созданъ землю успрашать,
 А я — ее прельщать.“

Вельяшевъ.

XLVIII.

Л И С А - П Р О П О В Ъ Д Н И Ц А .

Разбишая параличомъ

И одержимая на старости подагрой

И хирагрой,

Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,

И въ логикѣ своей изъ первыхъ масшерица,

Лисица

Уединилася отъ свѣта и отъ зла,

И проповѣдывая въ пустыню перешла;

Тамъ крошкѣ свои бесѣды разшворяла

Хвалою воздержности, смиренью, правотѣ;

То плакала, то воздыхала

О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;

А братій и всего на проповѣдь собиралось

Пять, шесть наперечотъ,

А иногда случалось

И менѣ того, и по Сурокъ, да Крошъ,

Да двѣ, три набожныя Лани,

Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ опоръ;

Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?

Но Лисѣ дальновиденъ взоръ;

Она перемѣнила струны:

Взяла суровой видъ, и бросила перуны

На кровожадныхъ Медвѣдей и Волковъ,

На Тигровъ, даже и на Львовъ!

Чпужъ? слушащелей тѣма спеклася!

И слава о ея вѣдѣніяхъ донеслася

До самаго царя звѣрей,

Который, не смотря, что въ немъ порода
львина,

Былъ смирный, такъ сказать, дѣтина,
И набожный подѣ старость дней.

Послушаемъ Лису, Левъ молвилъ: что за диво?
За словомъ въ слѣдѣ указъ,

И въ сущи, ежели не лживо
Историкъ увѣряещъ насъ,

Лиса привезена, и проповѣдь сказала;
Какуюжъ проповѣдь? изъ кожи лѣзла вонъ!

Въ тирановъ громъ она бросала,

И шумъ же стонъ

И слезы извлекала,

Представя, какъ опъ нихъ

Невинность унываещъ,

И каждый день въ мученьяхъ злыхъ

На небо лишь взираещъ,

Откуда праведный Судья и Царь Царей

Не скоро, но воздастъ гонителямъ и ей.

Придворные оцѣпенѣли:

Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!

Другъ на друга глядящъ, но говорить не
смѣли,

Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалить;

Какъ новостъ, иногда и правда намъ по нраву!

Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;

Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо ска-
залъ:

„Тобой я истину позналъ,

И болѣ прежняго гнушаешься спаль пороковъ;

Чегожъ ты пребуешь во мзду твоихъ уроковъ?

Скажи безъ всякаго зазрѣнья и стыда;

Я твой должникъ.“ — Лиса глядь, глядь шу-
да, сюда,

Найъ будшо совѣсти почувспіваю улику:

— Всещедрый Царь - отецъ !

Отвѣщсповала Льву съ запинкой наконецъ :

Индѣекъ . . . малую - полику. —

ДМИТРИЕВЪ.

XLIX.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ спало не угодно

Правленіе народно ,

И показалось имъ совсѣмъ не благородно

Безъ службы и на волѣ жить ;

Чтoбъ гoрю пoсoбипь ,

Пришли къ Юпитеру царя они просить ;

Хоть слушаешь всякой вздоръ богамъ бы и не-
сродно,

На сей однакожъ разѣ послушалъ ихъ Зевесъ.

Далѣ имѣ царя — лепишѣ кѣ нимѣ сѣ шу-

момѣ царь сѣ небесѣ

И плошно пакъ онъ преснулся на царство,

Чшо ходенемъ пошло прѣсиинно государство.

Со всѣхъ Лягушки ногъ

Въ испугѣ помешались,

Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ;

И шопопомъ Царю по кельямъ дивовались.

И подлинно что Царь на диво былъ имъ данъ:

Не суетливъ, не вершопрашениъ,

Степененъ, молчаливъ и важенъ,

Дородствомъ, ростомъ великанъ;
 Ну посмотришь, такъ это чудо!
 Одно въ царѣ лишь было худо,
 Царь этомъ былъ — осиновою чурбанъ.
 Съ начала, чья его особу превысоку,
 Не смѣлъ подступить изъ подданныхъ ни-
 кто;

Чуть смѣютъ на него глядѣть они — и по
 Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.

Но такъ какъ въ свѣтъ чуда нѣтъ,
 Къ кошорумбъ не приглядѣлся свѣтъ;
 То и они сперва отъ страха отдохнули,
 Потомъ къ царю подползъ съ преданностью
 дерзнули;

Сперва передъ царемъ ничкомъ,
 А тамъ кто посмѣлъ, дай сѣсть къ нему
 бочкомъ,
 Дай попытаться сѣсть съ нимъ ря-
 домъ;

А тамъ, которые еще поудалѣй,
 Къ царю садятся ужъ и задомъ.
 Царь терпитъ все по милости своей.
 Не много погодя посмотришь, кто захочетъ —
 Тотъ на него и вскочитъ.
 Въ три дни наскучило съ такимъ царемъ
 житье:

Лягушки снова за выше,
 Чшобъ имъ Юпишербъ въ ихъ болошную дер-
 жаву

Далъ подлинно царя на славу!
 Молишвамъ шеплымъ ихъ внемля,
 Послалъ Юпишербъ къ нимъ на царство Жу-
 равя.

Царь эштоѣ не чурбанѣ , совсѣмѣ инова
права :

Не любитѣ баловать народа своего ;
Онѣ виноватыхѣ ѣстѣ , а на судѣ его
Нѣмѣ правыхѣ никого ;

За то ужѣ у него ,
Что завтракѣ , что обѣдѣ , что ужинѣ , по
расправа.

На жителей болоѣ
Приходитѣ черной годѣ.
Вѣ Лагушкахѣ каждой день великой недочотѣ.
Сѣ утра до вечера ихѣ царѣ по царствѣ хо-
дитѣ

И всякова , кого ни встрѣтитѣ онѣ ,
Тотчасѣ засудитѣ и проглотитѣ.

Вотѣ пуще прежнева и кваканье и спонѣ :
Чтобѣ имѣ Юпитерѣ снова

Пожаловалѣ царя инова ,
Что нынѣшній ихѣ царѣ глотаетѣ ихѣ какѣ
мухѣ ,

Что даже имѣ не лѣзя — какѣ это не
ужасно ! —

Ни носу выставитѣ , ни квакнути безопасно ,
Что наконецѣ , ихѣ царѣ пошнѣ имѣ за-
сухѣ.

„Почтожѣ вы прежде житѣ щасливо не умѣ-
ли ,

Безумные ! вѣщалѣ имѣ сѣ неба гласѣ.
Не мнѣ ли не было нигдѣ житѣя ошѣ васѣ ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли ?
Вамѣ данѣ былѣ Царѣ , такѣ потѣ былѣ
слишкомѣ тихѣ —

Вы взбунтовали вѣ вашей лужѣ.

Другой вамъ данъ, такъ этакъ очень
 лихъ —
 Живитежъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ
 хуже.

Крыловъ.

L.

КОМАРЪ и ЖУРАВЛЬ.

Въ пуши подъ облаками
 Лепѣли Журавли;
 Внизу, вблизи земли,
 Своимъ пушемъ лепишъ Комаръ надъ мура-
 вами.

„Комаръ, Комаръ лепишъ,
 Комаръ, Комаръ жужжишъ,
 Какъ будто ровенъ съ нами,
 Вскричали Журавли.“
 Но что Комаръ въ опѣшъ жужжишъ надъ
 муравами?

— Мой пушь вблизи земли,
 Вашъ пушь подъ небесами
 Летаю и жужжу не для досады вамъ;
 Не прогайте меня своими вы посами,
 А мой Комарій носъ не вреденъ Жура-
 влимъ. —

Богдановичъ.

Филинъ и мудрецъ.

Гонимый ото всѣхъ, оставленный, презрѣн-
ный,

Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,
Скисался Доримонъ;

Безумцамъ истину представивъ вздумалъ онъ,
И истина была всѣхъ бѣдъ его виною;

Терпѣнье, здравый умъ, сокровища свои,
Унесъ Мудрецъ съ собою.

Однажды видя онъ, что Галки, Воробьи
На Филина напали.

„Онъ врагъ ошечества, злодѣй! они кричали.

Въ примѣръ и страхъ другимъ

Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умершимъ!“

Чего не дѣлають безуміе и сила?

Уже смерть Филину грозила;

Но пронувъ его судьбой

Мудрецъ махнулъ рукой,

И въ мигъ глупцовъ исчезла сая!

— Чѣмъ ставъ пропивъ себя ты ихъ ожесточилъ?

Онъ Филина попомъ спросилъ. —

Повѣся голову и шажко воздыхая,

„Не знаю, отвѣчалъ, что мнѣ тебѣ сказать;

Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,

И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:

Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу
ясно!“

Пушкинъ.

ЛЕВЪ, УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ.

Левъ учредилъ совѣтъ какой - то неизвѣстно;
И посади въ него сочленами Слоновъ,

Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ.

Хотя Слонамъ сидѣть съ Осами и не вмѣстно,
Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,

Какому надлежало

Въ совѣтъ засѣдать.

Ну, чтожь? пускай числа всего бы недоспало,

Вѣдь эгобъ не мѣшало

Дѣла производить. —

Нѣтъ; какъ же? а уславъ ужъ ли переспу-
пить?

Хоть будь Ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ
спало.

А сверхъ того, какъ Левъ совѣтъ сей учре-
ждалъ,

Онъ эдакъ разсуждалъ

И все надеждой льстился,

Что умъ Слоновъ

На разумъ наведетъ Ословъ.

Однако какъ совѣтъ открылся,

Дѣла совѣмъ другимъ порядкомъ пошekli:

Ослы Слоновъ съ ума свели.

Хемницеръ.

LIII.

МОЛЧАНИЕ СОЛОВЬЯ.

— Умолкъ Соловушка! конечно, бѣдный боленъ,
Или подругой недоволенъ,

А можетъ и несчастливъ въ ней?

Мнѣ жалокъ онъ, сказалъ печально Воробей. —

„Онъ жалокъ? Зяблицѣ къ словамъ его при-
спала :

Какъ мало въ сердцѣ ты чиналъ!

Я лучше отгадала :

Любилъ онъ, такъ и пѣлъ; спалъ щасливъ,
замолчалъ.“

ДМИТРИЕВЪ.

LIV.

М У Х А.

Быкъ съ плугомъ на покой пащился по тру-
дахъ,

А Муха у него сидѣла на рогахъ,

И Муху же они дорогой повстрѣчали.

— Откуда ты, сестра? отъ этой былъ
вопросъ. —

А та, поднявши носъ,

Въ отвѣтъ ей говоришь: „откуда? мы па-
хали!“

Отъ басни всегда

Нечаянно дойдешь до были:

Случалось ли подѣ часъ вамъ слышать, го-
спода?

„Мы сбили! мы рѣшили!“

ДМИТРИЕВЪ.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнова всегда безсильной виноватъ.
Тому въ исторіи мы пѣмъ примѣровъ слы-
шимъ,

Но мы исторіи не пишемъ;

А вопи о томъ какъ въ басняхъ го-
ворятъ:

Ягненокъ въ жаркой день зашелъ къ ручью
напиться,

И надо-же бѣдѣ случиться,

Что около пѣхъ мѣстѣ голодный рыскалъ
Волкъ.

Ягненка видишь онъ — на добычу спремился;
Но дѣлу дашь хопя законный видъ и шолкъ,
Кричишь: „какъ смѣешь ты, наглецъ, не-
чистымъ рыломъ

Здѣсь чистое мушпшь пишье

Мое

Съ пескомъ и съ иломъ?

За дерзоспъ шакову

Я голову съ шеби сорву.“

— Когда свѣшлѣйшій Волкъ замѣшишь удо-
стоишь,

Ягненокъ опѣвчалъ, что ниже по ручью

Опѣ свѣшлости его шаговъ я на спо пью,

То гнѣвомъ онъ себя напрасно безпокоишь;

И вамъ пишьи мушпшь никакъ я не могу. —

„По эшому я лгу!

Бездѣльникъ! слыханаль пакая дерзоспъ въ
свѣшъ!

Да помнишься , что ты еще въ прошломъ
лѣтѣ

Мнѣ здѣсь же какъ - то нагрубилъ ;

Я эшаго , прїятель , не забылъ . “

— Помилуй , мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году ,
Ягненокъ говоришь . — „Такъ это былъ твой
братъ . “

— Нѣтъ брата у меня . — „Такъ это кумъ
или сватъ ,

И словомъ кто - нибудь изъ вашава же роду .

Вы сами , ваши тсы и ваши паспухи ,

Вы всѣ мнѣ зла хопите ,

И естли можете , то мнѣ всегда вредите —

Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи . “

— Ахъ ! я чѣмъ виноватъ ! — „Молчи ! усталъ
и слушать ;

Досугъ мнѣ разбирать вины твои , щенокъ !

Ты виноватъ ужъ тѣмъ , что хочешь мнѣ
кушать . “

Сказалъ — и въ шемной лѣсѣ Ягнемка поволокъ .

Крыловъ .

LVI.

О Б О З Ъ.

Шелъ нѣкогда обозъ;
 А въ томъ обозъ былъ такой пресстрашной
 возъ,
 Что передъ прочими казался онъ возами,
 Какими кажутся слоны предъ комарами:
 Не возикъ и не возъ, возище то валишь;
 Но чѣмъ сей баринъ возъ набить?
 Пузырями.
 ХЕМИЦЕРЬ.

LVII.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНІЕ.

Увидя Волиъ, что шерсть пасухъ съ овецъ
 сприжепъ,
 Мнѣ мудро, сказалъ, и я не понимаю,
 За чѣмъ пасухъ совсѣмъ съ нихъ ноги не
 дерепъ.
 Я на примѣръ, такъ я всю ногу съ нихъ
 сдираю,

Часть III.

Н

И пожѣ въ иныхъ дворахъ господскихъ при-
мѣчаю.

За чѣмъ бы и ему не такъ же поступать? —

Слонъ, Волчѣ слыша разсужденіе,
„Я долженъ, говоришь, тебѣ на то сказать:
Ты суишь такъ какъ Волкъ; а Паспужово
мнѣніе

Овецъ своихъ не убивать.

Съ тебѣ, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ наконецъ съ ково и шерсть сни-
мать.“

Хемницеръ.

LVIII.

О Б Е З Ъ Я Н Ы.

Во всякомъ родѣ есть безумцы и буяны:

И глупы Обезьяны

Однажды вздумали шуда же разсуждать,

И на Юпитера роптать,

За чѣмъ изволилъ онъ лишь людямъ скипетръ
дать!

Не ужто люди насъ, кричатъ онъ, умнѣе?

Не ужто руки ихъ для скипетра длиннѣе?

Не уже ли и въ насъ такихъ же нѣтъ даровъ:

Проворства, памяти, иль, на примѣръ, зубовъ
для собственной защиты?

Такъ щочно! ни за что Юпитеромъ забыты! —

— Изрядно же, сказалъ имъ громовержецъ-богъ:

Даю и вамъ на царство право;

Вручаю вамъ Кроповъ и племя Лисъ лукаво,

И Зайца, славнаго давно проворствомъ ногъ.

Довольны ль? Выбирайте сами,

Кто всѣхъ умнѣй, кому царемъ быть между
вами? —

„Мнѣ! мнѣ! всѣ въ голосъ шутъ.“ — Нѣтъ

мнѣ, а не ему! —

Пустое! я умнѣй! — „нѣтъ я!“ — Такъ

никому!

Юлистеръ произнесъ: и слушать васъ не

стану! —

Чишатель! понялъ ли рассказъ?

Оставимъ все Творцу; Онъ знаетъ лучше

насъ,

Что дасть Петру и что Ивану.

ГОЛУБКА И БАБОЧКА:

Однажды Бабочка Голубкѣ говорила:
 „Ахъ! какъ ты щаслива! твоей Голубокѣ съ
 тобой;
 Какой онъ ласковой! какъ онъ хорошъ собой!
 А мнѣ судьба опредѣлила
 Совсѣмъ иначе жить: невѣрный Мотылекъ
 Все по лугамъ летаетъ;
 Те Незабудочку, те Розу выбираетъ;
 А я одна сижу.“ — Послушай, мой дружокъ!
 Голубка отвѣчала,
 Напрасно, можешь быть, пѣняешь ты ему!
 Не тыль причиною тому,
 Что счастья не сыскала?
 Я правду говорю: любимой нѣжно быть
 Здѣсь средство лишь одно — умѣй сама лю-
 бить!
 Элиза милая! примѣръ передъ тобою:
 Люби... и будешь вѣкъ довольна ты судьбою!
 Супругъ твой добръ и милъ. Онъ сердца твое-
 его
 Конечно цѣну знаетъ:
 Люби и почиай его!
 Тамъ счастье, гдѣ любовь: оно васъ ожидаетъ.

Пушкинъ.

СЛѢПЕЦЪ и РАЗСЛАБЛЕННЫЙ,

„И ты несчастливъ? . . . дай же руку !

Начнемъ другъ другу помогать ;

Ты скажешь : ешь кому мнѣ вздохъ мой пере-
дашь ,

А я скажу : мою онѣ знаетъ грусть и муку —

И легче будетъ намъ !“

Такъ говорилъ мудрецъ востока ,

И вопъ его же припча вамъ :

Два были нищѣе , и оба власью рока

Лишенны были средствъ купить прудами
хлѣбъ :

Одинъ былъ Слепъ ,

Другой Разслабленный ; желаюъ смерти оба ;

Но горемыки здѣсь какъ дара ждущъ и гроба :

На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ !

Разслабленный конца своимъ спраданьямъ
ждетъ

На голой мостовой , сносъ и жаръ и холодъ .

Всего же чаще голодъ

И нечувствительность румяныхъ богачей .

Слепецъ равно терпѣлъ , или еще и болѣ :

Топъ могъ , хопъ вдали , въ день лѣтній ви-
дѣтъ поле ,

А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей !

Вся жизнь глубока ночь , и скороль разсвѣ-
шаетъ ,

Увы ! не знаетъ .

Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ ,

Ласкаемъ и водимъ,
И шу какѣ-шо злодѣи; не украли,
А нагло опѣ его веревки опивязали
И увели съ собой.

Слѣпецъ случайно очутился
На помѣ же мѣстѣ, гдѣ Разслабленный по-
мился;
Онѣ слышишѣ спонѣ его, и самѣ пускаешѣ
вдохѣ:
„Товарищѣ! говоришѣ, несчастныхѣ сводишѣ
Богѣ;

Намѣ должно побрататься,
Имѣшѣ одну суму
И вмѣстѣ горевашѣ. Не спанемѣ разлу-
чашѣся!“

— Согласенѣ, опѣвчалѣ Разслабленный ему;
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другѣ другу можемѣ бышѣ? ты слѣпѣ, а я
безногой!

Чтожѣ будемѣ дѣлать мы, я и еще скажу? —
„Какѣ? подхватилѣ слѣпецѣ, ты зрячѣ, а я
хожу:

Такѣ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами;
Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
И будемѣ каждый такѣ служишѣ въ свою чреду.“

ДМИТРИЕВЪ.

ЛОШАДЬ СЪ ВОЗОМЪ.

~~~~~

Когдабъ приманчивость людьми не управляла,
 Къ чемубъ тогда годился свѣтъ?
 Кудабъ и не иппи, щеперь иной идетъ:
 Приманчивость ведетъ.

А эта мысль мнѣ вотъ съ чево припала:
 Я видѣлъ: лошадь возъ съ камнями везетъ,
 И очень лошадь ужъ приспала.
 Возъ сѣна впереди идетъ,
 То чтобъ до сѣна ей добратъся,
 Она хотъ черезъ мочь везти и надсѣдаться;
 И такъ впередъ все шла, да шла,
 Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

ХЕМНИЦЕРЪ.

~~~~~

О Р А К У Л Ъ.

Въ накомѣ - то напищѣ былѣ деревянной богѣ,
И сталѣ онѣ говоришь пророчески ошавшы ,

И мудрые давашь совѣщы;
За то отѣ головы до ногѣ
Обвѣщенѣ и сребромѣ и златомѣ;
Стоялѣ въ нарядѣ пребогатомѣ;

Заваленѣ жертвами, молебнами заглушенѣ
И фиміамомѣ задушенѣ.

Вѣ Оракула всѣ вѣришь слѣпо.
Какѣ вдругѣ, о чудо! о позорѣ!
Заговорилѣ Оракулѣ вздорѣ,

Спалѣ ошвѣчаешь нескладно и нехѣло,
И кто къ нему за чѣмѣ ни подойдетѣ,
Оракулѣ нашѣ что молвишь, что соврещѣ;

Ну такѣ, что всякой дивовался,
Куда въ немѣ умѣ дѣвался?
А дѣло въ томѣ,

Что идолѣ былѣ пустой, и саживались въ
немѣ

Жрецы вѣщають мѣрянамѣ.

И такѣ,

Пока былѣ умной жрецѣ, кумирѣ не пугалѣ
вракѣ;

А какѣ засѣлѣ въ него дуракѣ,
То идолѣ спалѣ болванѣ болваномѣ.

Я слышалѣ—правдаѣ? — будишь вспарѣ
Судей шанихѣ видали,

Которые весьма умны бывали,
Пока у нихѣ былѣ умный секретарѣ.

Крыловъ.

ЗАЯЦЪ И МЕДВѢДЬ.

Пресильну Заяцъ злосѣ при горесѣ имѣлъ,
 Чѣмъ нѣкогда Медвѣдъ дѣшею его побѣлъ,
 И всякой день хотѣлъ опмщеніе свою обиду,
 Но не было ему нѣ тому ни мала виду.
 А сей былъ озорникъ въ лѣсу ему сосѣдъ,
 Такъ должно было ждаѣ и впредъ подобныхъ
 бѣдъ.

Хотѣ Заяцъ и прусливъ, однако, пронувъ
 больно,

Опваги получилъ нѣ опмщенію довольно,
 И предпріятъ, хотябъ случилось пропасть,
 Лишь только своего врага ввести въ напасъ,
 Взманить въ свой часный лѣсъ охотниковъ
 со псами,

Гдѣ и не думали они быѣ прежде сами.
 Причина: чѣмъ сей лѣсъ былъ тѣсенъ и не
 чисѣ,

И вѣдали они, чѣмъ онъ и незайчисѣ.
 Сѣ неперѣливостію дней зимнихъ дожидался.
 Въ опвагѣ вымыселъ ему на мысль попался:
 Въ начинѣ сей зимы лишь только выпалъ
 снѣгъ,

Оспавилъ онъ свой домъ и подъ деревней легъ,
 Гдѣ малыя тогда ребяѣ забавлялись,
 И, снѣгъ сжимаючи, другъ въ друга имѣ ме-
 тались.

Увидѣли они, чѣмъ Заяцъ шувъ приникъ:
 Какою пошелъ онъ нхъ по всей деревнѣ крикъ;

Но Заяцъ убѣжалъ потчасъ къ себѣ возвращисъ,
 И обложилъ врага слѣдами многокрашно,
 А послѣ побѣжалъ куда тогда хотѣлъ.
 Въ деревнѣ зайчій слѣдъ охотникъ усмотрѣлъ,
 И шелъ съ собакою по заячьему слѣду,
 Однако не къ нему, зашелъ къ его сосѣду,
 И испугавшись, обратно побѣжалъ;
 Но что въ лѣсу Медвѣдь, въ деревнѣ разска-
 залъ.

Сбираются къ нему охотники со псами,
 Иной съ рогатиной, съ ружьемъ, иной съ
 стрѣлами.

Наполнилъ всѣ дворы о людомъ звѣрѣ служъ,
 Иной съ собою ножъ беретъ, иной обухъ.
 Во множествѣ къ нему крестьяне выходили,
 И только лишь пришли, потчасъ его убили.

Не учиняй обидъ, ты сильный, никогда,
 Безсильный по опмстишь удобенъ иногда.

Сумароковъ.

ФІАЛКА и ПОДСОЛНЕЧНИКЪ.

Фіалка изъ правы головку чупъ казала.

Предъ ней Подсолнечникъ стоялъ,
И вѣчно скромницу собою затемнилъ.

Фіалка, видя то, однажды такъ сказала

Сосѣду своему:

— Подсолнечникъ! къ чему

Ты солнечныхъ лучей ко мнѣ не допускаешь?

Иль ты желаешь,

Чтобы я и цвѣсти ни сколько не могла?

Чтобы я высохла и послѣ умерла?

Или ты жалости не знаешь,

Мой другъ! — . . „Негодница! какъ смѣешь
ты просить?

„Какъ голосъ свой ко мнѣ ты смѣешь возно-
сить?

„Тебѣ назначено рассти и быть незримой;

„Терпи лишь и молчи;

„А я, я Феба сынъ любимой,

„Я стану ли съ тобой дѣлить его лучи,

„Съ такою низкою, презрѣнной?

„Тебѣ ли здѣсь цвѣсти, гдѣ я, краса вселен-
ной?

„Тебѣ шумѣ мѣста нѣтъ!“

Едва Подсолнечникъ окончилъ свой отвѣтъ,

Вдругъ вѣтеръ зашумѣлъ — Фіалка прикло-
нилась;

Но вѣтеръ пролетѣлъ; Фіалка разпрямилась;

И что же видишь предъ собой?
 Подсолнечникъ, который красотою
     И силою гордился
     И всѣхъ пренебрегалъ,
 У корня своего сдомился
 И самъ къ ея ногамъ упалъ!
 Вельможи гордые! здѣсь вамъ урокъ.
 Вы сильны, но и васъ сильнѣе люшый рокъ.
 Предъ кѣмъ сего дни вы гордитесь,
 Быть можете, завтра съ нѣмъ сравни-
                                         тесь.

LXV.

Д О М О В О Й.

Пусть люди бы жишья другъ другу не давали;
 Да ужъ и черни шожь людей провожишь спа-
                                         ли!
 Хозяинъ, говоряшъ, одинъ какой-то былъ,
     Которому опъ Домовова
 Покою не было въ шомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ:
 Что ночь, то Домовой пугать его ходилъ.
 Хозяинъ, чшобъ спастись нещасїя шакова,
 Все дѣлалъ, что онъ могъ: и ладономъ курилъ,
     Молишву опъ духовъ шворилъ,
 Себя и весь свой домъ крестами оградилъ;
 Ни двери, ни окна хозяинъ не оставилъ,
 Чшобъ мѣломъ крестника опъ чорта не поста-
                                         вилъ;

На прешью ночь одинъ хозяинъ нашъ оспал-
ся.

Какъ скоро полночь спало бить ,
Нечистой шущъ ; но чущъ лишь только по-
казался ,

Эй ! малой , поскорей , хозяинъ закричалъ :
Чтобъ стихотворецъ шу комедію прислалъ ,
Которую онъ мнѣ читалъ. —

Услыша это , духъ нечистой испугался ,
Рукою замахалъ ,

Чтобы слуга оспался ;

И словомъ Домовой

Пропалъ , и въ этотъ домъ ужъ больше ни
ногой.

Вотъ ! естли бы стиховъ негодныхъ не писали ,

Которые мы такъ бранимъ ,

Какимъ бы способомъ другимъ

Чершей мы избавлялись спали ?

Теперь хоть тысяча бѣсовъ и Домовыхъ

Къ намъ въ дома станутъ появляться ,

Есть чѣмъ опъ нихъ

Обороняться.

Хемницеръ.

LXVI.

ФИЛОСОФІЯ БАБОЧКИ.

~~~~~

Въ одинъ пріятный лѣтній день,
 Какъ солнце къ западу клонилось,
 И падала съ холмовъ въ долины тѣнь!
 Изъ дома, гдѣ - то, въ садѣ окошко отвори-
 лось,

На коемъ цвѣлъ левкой.
 То видя Бабочки, лепящъ въ окно полпой:
 Иныя на цвѣтахъ душистыхъ помѣспились,
 Иныя же пустились

Осматривать той комнаты уборъ;
 Порхаящъ къ зеркаламъ, сядящъ на фарфоръ,
 На шкафы, на столы, на книги — по разбору,
 Что лучше нравишься коюрой взору,
 Благодаря судьбу за даръ споль дорогой,
 Соединившій имъ свободу съ ихъ крылами;
 Все счастье, радости въ свободѣ видящъ
 той.

Спустились сумерки со тьмой,
 И въ комнатахъ столы уставили огнями:
 „Вотъ подлинно гдѣ рай! сто солнцевъ
 вдругъ горитъ!
 Лешуньи говорящъ: у насъ одно свѣшило
 И то такъ высоко а здѣсь —
 какъ мило!

Лѣнивой долешишь.“
 И съ словомъ симъ одна — порхъ къ ближ-
 нему свѣшилу;
 Но чпожь? увы! . . . сожглась! . .

Другая въ слѣдѣ за ней, рѣзвися и кружась,
Нашла подобно ей свою могилу.

Попомѣ — еще пашокѣ; попомѣ — и счебу
нѣшнѣ;

Хоть гибнушѣ — но лепяшѣ съ охотою на
свѣшнѣ;

Оспалось двѣ, иль при не болѣе въ живыхѣ.
„Печаленѣ жребій ихѣ!

Оспавшая уныло разсуждаешѣ:

Что жизнь? — единой мигѣ; а щасшїе? —
мечшїе!..

Безумецѣ вѣрное опаснымѣ замѣняешѣ!

На чѣобы повидашѣ душишїе цвѣшїе;

Привольные сады, зеленые долины?

Иль въ блескѣ кроются всѣхѣ радостей при-
чины?

На чѣобы имѣ искать

Блаженства за эфиромѣ,

Когда своимѣ довольны мїромѣ?

Кѣ чему такѣ далеко лешаѣ?

Вотѣ суешныхѣ надеждѣ награды!

Вотѣ истинной урокѣ несмысленнымѣ глуп-
цамѣ,

Сколь волю бѣдствѣнно даваѣ своимѣ сердцамѣ!
Кшѣ ищешѣ въ далекаѣ, шѣмѣ гибнешѣ безѣ
пощады!“

— Разумно говоришѣ,

Подруга ей въ отвѣшѣ; но чѣмѣ, куда ле-
пишѣ? —

„Такѣ . . . посмотришѣ свѣшїло.“

— Возможно ли? сей часѣ оно другихѣ губило..—

„Но это я — а не онѣ:

Давно, мой другѣ, живу, — и все извѣстно
мнѣ;

Все знаю, какъ, когда, гдѣ должно обойтись;
 Гдѣ близко подойти и гдѣ отсторониться.
 Пожалуй обо мнѣ всѣмъ спраху оплохи;
 О юности своей неопытной шужи.
 Я вдругъ не кинуся — слегка и осторожно —
 Вездѣ и къ случаямъ и къ мѣсту примѣ-
 нюсь —

Опасно гдѣ, хотя не невозможно,
 Тотчасъ назадъ вернусь.
 Со всѣхъ сторонъ его сначала облеблю,
 И всё издавна — попомъ,
 Когда своимъ умомъ
 Всѣмъ качествамъ его въ подробности испытаю,
 И ближе подойду;
 И тамъ, гдѣ многія нашли бѣду,
 Я можетъ быть сыщу свое блаженство.
 Не всѣмъ равенство
 Въ напастяхъ суждено.“ — Окончила — ле-
 шись —

И правила свои хранилъ
 Довольно строго:
 Все вѣдѣя издали, чуть чуть чпо надъ
 огнемъ;
 Потомъ, опасности не видя въ немъ,
 Иль такъ по случаю — но лишь спусти не-
 много,
 Вдругъ прямо на него преневающимъ крыломъ,
 И крылышкомъ однимъ, увы! — ужь мнѣ
 спало!

Хотя осмалось при, но то не помогало,
 И въ семъ несчастъи зломъ
 Упала, бѣдная, съ размаха.
 Когда же первыя прошли движенъя спраху,

Опять къ огню — но путь привсей
 Надеждъ на себя своей
 Ошибку сдѣлала въ измѣренномъ полетѣ,
 Иль память поперявъ при близкомъ яркомъ
 свѣтѣ,
 Но только вдругъ взяла дорогу ужь не ту —
 И вихремъ пламеннымъ влекома, съ силой,
 Поверглась участи всеобщей и унылой;
 Сколь ни боролась. . . . погибла за мечту.

Такъ часто нашъ языкъ разсудку въ слѣдъ
 идеть;
 А сердце въ томъ же мигъ насъ къ гибели
 ведеть.

Б у н и н а.

LXVII.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

Кто на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
 Что, елибѣ силою волшебною какою
 Всевидящимъ я спалъ,
 И вдругъ открылись предо мною
 Всѣ, всѣ, которые и бѣгутъ и ползутъ,
 И скачутъ и плывутъ,
 Изъ царства въ царство рыщутъ,
 И дочери Судьбы опмѣнной красоты,
 Иль убѣгающей мечты
 Безъ отдыха столь жадно ищутъ?

Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ! ужь, кажется, въ
рукахъ....

Ужь сердце въ восхищеніи бьется. . .
Вотъ только что схватить хоть какъ
такъ увернется,

И въ тысячи уже верстахъ!
„Возможноль, многе, я слышу, разсуждающъ:
Давно ль такой-то въ насъ искалъ?
А нынѣ какъ онъ пышенъ спалъ!

Онъ въ счастіи, растетъ, а насъ за грязь
кидаютъ!

Чѣмъ хуже мы его?“ — Пустъ лучше во сто
разъ;

Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ
глазъ;

А къ этому прибавимъ:

Чинъ споймъ ли того, что для него оспа-
вимъ

Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
Который вспарину удѣломъ былъ боговъ?

Фортуна женщина: умѣрьте вашу ласку;
Не бѣгайте за ней; сама смягчится къ вамъ.“

Такъ милый Лафонтенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку:

Въ деревнѣ, въ городѣ,

Одинъ съ другимъ не вдалекѣ

Два друга жили,

Ни скудны, ни богаты были.

Одинъ все счастье спавилъ въ томъ,

Чтобы нажить огромный домъ,

Деревни, знаменитый чинъ — то и во снѣ лишь
видѣлъ;

Другой богатствѣ не ненавидѣлъ,

Однакомъ ихъ и не искалъ,

А каждую ночь покойно спалъ.
 „Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:
 На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ;
 Чегожь и намъ здѣсь ждашь? — Со временемъ
 сумы.

Побѣдемъ лучше мы
 Искать себѣ добра; войти, сказать умѣемъ;
 Авось мы и найдемъ, авось разбогашемъ.“

— Спупай, сказалъ другой,
 А я остануся; мнѣ дорогъ мой покой,
 И буду спать, пока мой другъ не возвратится.—

Тщеславный этому дивился
 И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
 Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напоследокъ
 встрѣтилъ

Ту самую страну, куда издавна мѣшилъ:
 Любимый уголокъ Форшуну, то есть Дворъ;

Прислалъ къ нему, и по обряду
 Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
 Тамъ спрѣлкою стоить, не смѣя и дышать,
 Здѣсь такаетъ изъ всей онъ мочи,

Тутъ шепчетъ на ушко — короче: дни и ночи
 Нашъ выплясъ самъ не свой;
 Но все то было впусту!

„Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,
 Да слушай объ одной Форшунѣ,
 А самъ все ничего!“

Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь месносите всего.
 Слуга покорный вамъ, господчики! прощайте,

И впредь меня не ожидайте;
 Въ Сурашѣ, въ Сурашѣ лечу! я слышалъ въ
 сказкахъ, тамъ

Форшунѣ съ давнихъ лѣтъ курился еимѣамъ.“

Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны заблѣли.

Но что же? Не прошло недѣли;
Какъ спранснвовашель нашъ опправился въ Сурашъ,

А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
На родину свою; корабль то загорался,
То на мѣль попадалъ, то въ хляби погружался;

Всечасно въ шрепешъ, отъ смерти на вершокъ;
Вѣдникъ бѣсился, клялъ — извѣстно, лю-
тый рокъ,

Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
Безумцы! онъ судилъ: на край приходимъ
свѣта

Мы смерть ловишь, а къ ней и дома два шага!
Синюшъ между шѣмъ Индѣйски берега,
Попушный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ
къ спашъ

Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Су-
рашъ!

„Форшуна здѣсь? его былъ первый всѣмъ во-
просъ.“

— Въ Японіи, сказали. —

„Въ Японіи? вскричалъ герой, повѣся носъ.
Быть такъ! плыву туда.“ — И поплылъ;
но, къ печали,

Разбѣхался и тамъ съ Форшуною слѣпой!
„Нѣтъ! полно, говоришь, гоняшься за меч-
пой“ —

И съ первымъ кораблемъ въ опчизну возвра-
тился.

Занимъ издали опеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,

Нашѣ мореходецѣ прослезился,
И опѣ души вздохнувѣ, сказалѣ:
„Ахѣ! счастливѣ, счастливѣ шошѣ, кто лишь
по слуху зналѣ
И Дворѣ и Океанѣ и о слѣпой богинѣ!
Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пу-
стынѣ.“
И такѣ съ восторгомѣ онѣ и въ сердцѣ и въ
глазѣхѣ,
Вѣ отчизнѣ, наконецѣ, вступаетѣ;
Лепитѣ ко другу — чипожѣ? какѣ друга
обръщаетѣ?
Онѣ спитѣ, а у него Фортуна въ головѣхѣ!
ДМИТРИЕВЪ.

LXVIII.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться;
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливой дуракъ опаснѣе врага.
Жилъ нѣкто челоуѣкъ безродной, одинакой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ складно ни пиши;
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажешь: а лужекъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —

Прекрасны! что и говорить!

А всё прискучися какъ не съ кѣмъ молвить
слова.

Такъ и Пустыннику: тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идеи онъ въ лѣсѣ, толкнувшись у
сосѣдей,

Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство
свесить;

Въ лѣсу кого набрести,
Кромѣ волковъ, или медвѣдей.

И точно: встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ
онъ;

Но дѣлать ничего, снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ;
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,

И слово за слово, знакомятся они;

Пошомъ дружатся;

Пошомъ не могутъ ужъ расшань-
ся

И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.

О чемъ у нихъ и что бывало разговору,

Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,

И какъ беседа шла у нихъ,

Я по сѣю не знаю пору.

Пустынникъ былъ не говорливъ,

Мишукъ съ природы молчаливъ,

Такъ изъ избы не вынесено сору.

Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,

Что далъ ему Богъ въ другъ кладъ,

Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки пош-
нился,

И Мишинькой не можетъ нахвалиться.

Однажды вздумалось друзьямъ

Въ день жаркой побродить по рощамъ, по лу-
гамъ

И по доламъ, и по горамъ;
А такъ, какъ человекъ Медвѣдя послабѣ,
То и Пустынникъ нашъ скорѣ,
Чѣмъ Мишинька усалъ
И ошсавать отъ друга спалъ.
То видя, говоритъ, какъ пушной, Мишка другу:
Прилягъ-ко, братъ, и опдохни,
Да коли хочешь такъ сосни;
А я посберегу тебя здѣсь у досугу.
Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зев-
нулъ,

Да потчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сбѣла;
Онъ друга обмахнулъ;

Взглянулъ,
А муха на щекъ; — согналъ — а муха снова
У друга на носу,
И неопвязчивый часъ отъ часу.

Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистой булыжникъ въ лапы стрѣбъ,
Присѣлъ на корпочки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижъ! ужъ я тебя воспруху! —
И у друга на лбу подкараули муху,

Что силы есть, хватъ друга камнемъ въ
лобъ.

Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ въ розъ
раздался

И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ оспался.

Крыловъ.

КРЫНКА МОЛОКА.

Мелинпа понесла на рынокъ молоко :
 Хоть крынку головой нести и не легко ;
 Мелинпа о трудъ своемъ не размышляетъ ,
 Но деньги изчисляетъ ,
 Кошорья она за свой цоваръ возметъ .
 И въ мысли шаковой дорогою идетъ :
 Какъ это я продамъ , куплю яицъ десятокъ ,
 Да выведу цыплятокъ .
 Не думай коршунъ шы цыплятъ моихъ ша-
 скашь ;
 Я стану ихъ беречь такъ какъ робятокъ
 мамъ .

Цыпляшки будущъ куры ;
 Въдъ я не сдѣлаю какъ дѣлають шо дуры ,
 Чшобъ мнѣ цыплятъ повсть .
 Они современемъ яички будущъ несть .
 И разведу я куръ спа два или и болъ ,
 Куръ нѣсколько продамъ , овечку я куплю ;
 Въдъ дешево своихъ я куръ не уступлю .
 Купивъ , овечушку пуцу гуляшь я въ поле .
 Овечкѣ надобно ягнятокъ мнѣ родить ;
 Вы будете меня , ягняточки , любить .
 Какъ на лугъ я приду , они играшь шамъ
 спанушь :
 Увидючи меня , вошь такъ - шо встрянушь :
 И внѣ ума ,
 Воспрянула сама .
 Слешѣла крынка : вошь Мелинпѣ вся заплапа .

Какой ей по ударъ!
 Прости поваръ;
 Прости овечушка; простише и агнята;
 Простише яйца, и куры, и цыплята.

Сумароковъ.

LXX.

ОРЕЛЪ и ЧЕРВЯКЪ.

Вверху, на деревѣ высокомъ,
 Увидѣвъ Червяка Орелъ,
 Спросилъ съ надмѣннымъ гордымъ окомъ:
 Ты, дерзкой, какъ сюда зашелъ? . . .
 „Вы, какъ Орелъ, сударь, взлѣзли;
 „А я — доползъ до той же цѣли.“

ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

~~~~~

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
 Былъ тощъ, худой
 Такой,
 Чшо носпи лишь одни да кожа;
 И Волку этому случись
 Съ Собакою сойшись,
 Которая была собой росла, пригожа,
 Жирна;
 Дородна и сильна.
 Волкъ радъ бы всей душей съ Собакою схва-
 щинься,
 И ею поживишься;
 Да полно для того не смѣлъ,
 Чшо не по немъ была Собака,
 И не по немъ была бы драка.
 И такъ со стороны учпивой подошелъ,
 Лисой къ ней началъ подбиваться:
 Ея дородству удивляясь,
 И всячески ее хвалилъ.
 Не стоилъ ничего тебѣ такимъ же быть,
 Собака говоритъ: какъ скоро согласишься,
 Ишли со мною въ городъ жить.
 Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,
 Чшо самъ себѣ не надивишься.
 Чшо ваша жизнь и впрямъ? скишайся все,
 рыщи,
 И съ горемъ по-поламъ побѣсть чего ищи;
 А даромъ и кускомъ не думай поживишься:

Все съ бою должно взятьъ ;
 А это на какую спать ?
 Куда такая жизнь годится ?
 Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа - по
 право въ васъ.
 Не бѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
 Поджарые, худые.
 Нѣтъ, по - по жизнь - по какъ у насъ!
 Бѣшь не хочу, всего, чего душа желаетъ.
 Послѣ гостей
 Костей, костей,
 Остатковъ: отъ стола, такъ столько ихъ
 бываетъ,
 Что не куда дѣвать;
 А ласки отъ господъ, ужъ подлинно сказать!
 Разсаялъ Волкъ, услыша вѣсть та-
 кую,
 И даже слезы на глазахъ
 Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
 А должность отправлять за это мнѣ какую?
 Спросилъ Собаку Волкъ. — „Что? должность?
 ничего;
 „Вотъ только лишь всего:
 „Чтобъ не пускать на дворъ чужова никого;
 „Къ хозяину ласкаться,
 „И около людей домашнихъ увиваться!“
 Волкъ слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ!
 И лѣтъ ему такъ омерзѣлъ,
 Что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ;
 И всѣхъ Волковъ себя счастливѣе считалъ.
 Вдругъ на Собакъ онъ дорогой примѣчалъ,
 Что съ шеи шерсть у ней сошла.
 — А это что такое,
 Что шея у тебя гола? —

„Такъ это ничего, пустое.“

— Однако нѣтъ, скажи. — „Такъ право ничего.

Я чаю

Все это отъ того,

Когда я иногда на привязи бываю.“

— На привязи? шутъ Волкъ вскричалъ:

Такъ ты не все живешь на волѣ? —

„Не все, да полно что въ томъ нужды? песъ
сказалъ.“

— А нужды столько въ томъ, что не хочу я
болѣ

Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:

Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;

А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги. —

Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

ХЕМНИЦЕРЪ.

КОШКА и ПѢТУХЪ.

Поймала Пѣтуха голодна Кошка въ когти.
 И какъ она въ него уже вонзила ногти,
 Старалась правый судъ явить ему она,
 Что будто есть его великая вина.
 Ты спать, его винишь, хозяевамъ мѣшаешь.
 Пѣтухъ на то: дѣла не право разрѣшаешь;
 — Я симъ хозяевамъ своимъ не досажу;
 Какъ упрямъ я пою, къ работѣ ихъ бужу. —
 Пускай по такъ, да ты въ любви лицемѣ-
 ренъ,
 И не былъ ни одной любовницѣ ты вѣренъ.
 — А естлибъ не искалъ различности я лицъ,
 То куры нанесли не много бы лицъ. —
 И то хоть такъ, сама я это утвердила;
 Однако ужъ тебя я къ смерти осудила.
 Напрасно все шеперь и прозьба и боязнь;
 Я завтракать хочу; прими достойну казнь.

Сумароковъ.

LXXIII.

КУРЫ и ГОЛУБКА.

Какой - то мальчикъ пшницъ любилъ,
 Дворовыхъ, всякихъ, безъ разбору,
 И крошками кормилъ.
 Лишь голосъ дастъ ко сбору,
 То Куры шумъ, какъ шумъ
 Ошвсюду набѣгутъ.
 Голубка то же прилетѣла
 И крошекъ поклевать хотѣла;
 Да той ошваги не имѣла,
 Чтوبъ подойти къ крохамъ. Хотъ къ нимъ
 и подойдешъ,
 Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмах-
 нешъ:
 Голубка прочь да прочь; и крохъ какъ нѣшъ,
 какъ нѣшъ;
 А Куры между шѣмъ съ ошвагой наспупали,
 Клевали крохи, да клевали.
 На свѣшъ часто шакъ идешъ,
 Что щаспїя иной ошвагой доспупаетъ;
 И смѣлой шамъ найдешъ,
 Гдѣ робкой потернешъ.

Хемницеръ.

Случилось у Льва въ чины произвожденье,
 За службу должно награждатьъ ;
 Но я хочу сказатьъ ,
 Что злоупотребленье
 И въ скопской службѣ есть. —
 „Ну , какъ безъ огорченья
 „Возможно службу несть ,
 „Когда достоинство всегда безъ награжденья?“
 Мартышка говоритъ ,
 На Льва разсержена.
 Обижена была она
 И обойденною считалась:
 „Передъ лицомъ, служба Мартышкой я осталась.
 „Медвѣдь сталъ господинъ ,
 „И Волка наградили ;
 „Лисицу черезъ чинъ
 „Судьею посадили
 „Въ куряшникъ рядить.
 „Случится же Судью такъ испашъ посадить!
 „А гдѣ они служили ?
 „Край свѣта , на войнѣ ; и то
 „Не вѣдаешъ еще никто ,
 „Что били ли они , или самихъ ихъ били.
 „А я ,
 „Хотя не воинъ ,
 „Хотя и не судья ,
 „Извѣстна служба Льву моя ;
 „Извѣстно кто чего достоинъ.“

— Да гдѣ жь служила ты? Барсуку ее спросилъ. —

„Передъ самимъ царемъ два года съ половиной

„Шутила всякой день; а онъ меня сравнилъ

„Теперь съ другой скопиной,

„Котора ничего не дѣлала нигдѣ.“

— Шутила ты вездѣ,

И чиномъ наградишь себя бы было должно.

Твой также шрудъ немалъ,

Барсуку ей отвѣчалъ;

Но произвешь себя по службѣ не возможно:

Ты знаешь вѣдь, мой свѣтъ!

Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ. —

LXXV.

ДОНЪ КИШОТЪ.

Надсѣвшись Донъ Кишотъ съ баранами сра-
жались,

Рѣшился лучше ихъ пассти,

И жизнь невинную въ Аркадіи вести.

Проворнымъ долголь снаряжаться?

Обломовъ дропика пошелъ за посошокъ,

Ротомкой съ табакомъ мѣшокъ,

Фуфайка спальная паспущечьимъ камзолѣмъ,

А шляпу, въ знакъ его союза съ нѣжнымъ
поломъ,

У ключницы своей соломенную взялъ,

И лентой розоваго цвѣща

Подъ щоки подвизалъ
 Узлами на манеръ букеша.
 Спустилъ на волю кобеля,
 Которой въ хлѣбному прикованъ былъ анбару;
 Послалъ въ мясномъ ряду купишь барановъ
 пару,

И стадо онъ свое разсыпалъ на поля
 По первому морозу,
 И началъ воспѣвать зимой весеню розу.
 Но въ этомъ худа нѣтъ, веселому все въ
 ладъ,

И пусть играетъ всякъ любимую гремяшкой:
 А вотъ что не въ попадъ;
 Идетъ коровница — пѣтя ее пастушкой,
 Согнулъ нашъ пастушокъ колѣна предъ ней,
 И размахнувъ руками,
 Пустился пѣть экологу ей:

„Аглая! говоришь, прелестная Аглая!
 Предметъ и тайныхъ мукъ и радостей моихъ!
 Всегда ли будешь ты, мой пламень презирая,
 Лелѣяшь и любишь овечекъ лишь своихъ?
 Послушай, милая! тамъ, позади кусточковъ,
 На деревѣ гнѣздо нашелъ я голубчиковъ:
 Прими въ подарокъ ихъ отъ сердца моего;
 Я радъ бы подарить любезную полсвѣтомъ;
 Увы! мнѣ, кромѣ ихъ, Богъ не далъ ничего!
 Они бѣлы, какъ снѣгъ, равны съ побою цвѣ-
 томъ;

Но сердце не твое у нихъ!“
 Межь тѣмъ, какъ толстая коровница Аглая,
 Кудрявыхъ словъ такихъ
 Сѣдаго пастушка совсѣмъ не понимая,
 Стоишь разинувъ ротъ и выпуча глаза:
 Ревнивый мужъ ея, подслушавъ Селадона,

Такого дѣла ему шуза,
Чѣмъ онѣ невольнѣ лбомѣ опивѣсилѣ при по-
клона;

Однакожѣ головы и шупѣ не пошерялѣ.

— Паспухѣ невѣжда! онѣ вскричалѣ:
Не смѣй ты нарушатѣ закона!

Начнемѣ паспушій бой;
Пуспѣ побѣдителя Аглая увѣнчаешѣ!

Не бей меня, но пой!
Мужѣ грубый кулакомѣ вшоричнымѣ опшѣ-
чаешѣ,

И кѣ счастью вѣ глазѣ, а не вѣ високѣ;
Тупѣ нѣжный, вѣрный паспушокѣ,
Смѣннуѣ, чѣмъ это вѣявѣ увѣче, не проказа,
Чрезѣ поле рысакѣмъ во весь пуспилсѣ духѣ,
И сѣ эшой сталѣ поры ни вишизѣ, ни па-
спухѣ,

Но прѣспо: дворянинѣ безѣ глаза.
Ахѣ! часто и вѣ себѣ я это замѣчалѣ,
Чѣмъ глупоспи бѣжа, вѣ другую попадалѣ.

ДМИТРИЕВЪ.

ПЫЛЬ И АЛМАЗЪ.

Однажды лѣтнею порою
 Ужасная гроза возспала послѣ зною:
 Завылъ жестокой вѣтрѣ, дубъ гордый затре-
 щалъ;
 Стихѣи межъ собой заспоривъ подралися.
 Пыль, сиружки, щепки, листѣ на воздухѣ
 поднялися,
 Взвились — и бурный вихрь но шверди ихъ
 помчалъ.
 Съ главы красавицы, гулявшей съ пепиметромъ,
 Не знаю какъ-то вдругъ Алмазъ сорвало вѣт-
 ромъ,
 И кто-то не взначай въ навозъ его впиопшалъ.
 Пыль между шбмъ, узрѣвъ себя подъ облаками
 И видя чужъ Алмазъ внизу погранъ ногами,
 Негоднымъ подлецомъ, гордясь, его звала;
 Однако же сѣя надмѣнная хула
 Въ Алмазъ никакой досады не рождаетъ;
 Онъ ей съ презрительной улыбкой опивѣчаетъ:
 „Пространство правда насъ большое раздѣляетъ,
 Но разность больше есть съ тобой еще у насъ:
 Ты Пыль — а я Алмазъ.“

П. Сумароковъ.

LXXVII.

ОРЕЛЪ и ЗМѢЯ.

Орелъ изъ области громовъ
 Спустился отдохнушь на лугъ среди цвѣтовъ,
 И встрѣшилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.

Зависплавая пварь
 Шипитъ, и на Орла кидается съ размаху.
 Чтожь дѣлаешь пернатыхъ Царь?
 Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу воз-
 лещаетъ —

Такъ гений своему хулищелю опмщаетъ!

ДМИТРИЕВЪ.

МЕРКУРІЙ И УМЕРШІЕ.

Къ Плутону грозному, въ жилище страш-
ныхъ фурій,

Умершихъ провожалъ Меркурій;
Ихъ было четверо: красавица, герой,
Старикъ и стиходѣй. Они потчасъ дорогой
Вступили въ рѣчи межъ собой.

— Ударъ Судьбы, несносный спрогой!
Сказала дѣвушка: какъ въ юности такой
Оставишь бѣлый свѣтъ, съ весельями про-
спитишься?

Любовникъ нѣжный мой
На вѣки осужденъ крушиться.
Онъ щастіе во мнѣ лишь находилъ одной!
Съ такою пылкою душой
Онъ безъ меня и жить не будетъ;
А если будетъ живъ, то вѣрно не забудетъ. —
„Что дѣлать? говорилъ Старикъ:
Повѣрь, красавица, и мой уронъ великъ:
Разстался я съ женою,
Съ любезными дѣтьми; надъ гробовой до-
скою..“

Я знаю, что они теперь лютѣ рѣки слезъ...
Понли опраду имъ Зевесъ!“
— Что вы передо мною?

Съ презрѣніемъ Герой вскричалъ:
Я именемъ моимъ вселенну наполнялъ,
И ужасъ былъ враговъ! въ исторіи конечно
Великаго вождя жить будетъ имя вѣчно.

Скажите, кто со мной равняется изъ васъ? —

„Не обижайте насъ!

Опавшисшвовалъ Пѣишъ: вы служите примѣ-
ромъ

Всѣмъ полководцамъ... можетъ быть!
Но въ памяти людей я долъ буду жить.

Что Ахиллесъ передъ Гомеромъ?

Всѣ будутъ наизусть стихи мои твердить,

И прославляя оды громки,

Восплачутъ обо мнѣ, любимцѣ Музъ, по-
томки!“....

— Вы ошибаетесь! крылатый богъ сказалъ:

Любовникъ свой теперь другую увѣряетъ,

Что ей онъ сердце посвящаетъ,

И что прямой любви доселъ онъ не зналъ.

Въ своемъ, спарикъ, огромномъ домѣ

Идѣтъ ужасная война:

Въ судъ прозѣба на дѣшею женою подана;

Она хотѣлабъ ихъ всѣхъ видѣть на соломѣ;

Мѣшки разложены, и дѣшки — въ кладо-
вой;

Не слезы льются, дождь злшой.

О подвигахъ своихъ, непобѣдимый воинъ,

Никпо не говоришь;

Лишь имя своего преемника гремишь:

Онъ болѣе тебя всѣхъ почестей достоинъ;

Онъ истинный Герой! такъ носишься молва.

А ты, набиная спихами голова,

Великій рифмошкачъ, слывешь пѣвцомъ не-
складнымъ,

И журналистамъ въ снѣдъ оспался непошад-
нымъ. —

Меркурій точно правъ. Мы люди шаковы.
 Ближайшихъ къ сердцу забываемъ,
 И съ ними навсегда — увы! —
 Любовь и горестъ погребамъ.

Пушкинъ.

LXXIX.

ЛЕВЪ И ЕГО ЛЮБИМЕЦЪ.

Собачку Левъ любилъ,
 И всѣ ее тогда ласкали,
 Лисицы въ гости звали,
 Медвѣди кланялись и шигры уважали;
 Спѣсивый даже Слонъ съ Собачкой другомъ
 былъ,

И хоботомъ своимъ огромнымъ
 То на спину сажалъ, то гладилъ онъ ее.
 Надѣялся не лъзя на щастіе свое!

Судьбамъ угодно было злобнымъ,
 Чтобъ царь звѣрей сослалъ любимца своего;
 Любимецъ изгнанный неспоймъ ничего.
 Всѣ спали клеветашъ на щетъ Собачки бѣдной:

„Что умъ она имѣетъ вредной!“

Лисица голосъ подала:

„Что будто такъ собака зла,

„Что гнусную на льва саширу сочинила.“

Медвѣдь всѣхъ увѣрялъ,

„Что двѣ саширы онъ читалъ,

И что всю истинну Лисица говорила.“

А Заяцъ побѣжалъ

(Въ помѣ Зайцевъ вся и сила)

Не выслушавъ конца, рассказывать вездѣ:

Что было, какъ и гдѣ!

И мы какъ звѣри поступаемъ,

Не рѣдко зло ко злу нарочно прилагаемъ.

Пушкинъ.

LXXX.

СКВОРЕЦЪ, СОРОКА и ПОПУГАЙ.

Пришли къ Юпитеру, въ его прекрасный рай,

Скворецъ, Сорока, Попугай,

И подали они по формѣ челобитну,

Довольно любопысну:

Просили, милость имъ ошмѣнну сотворить,

По человѣчески дозволить говорить.

Юпитеръ прочиталъ ихъ спрaнное прошенье;

У Зевса скорое на всѣ дѣла рѣшенье,

Не какъ у насъ:

Таскайся года два для заштраковъ въ приказъ,

И, будто предъ богами,

По дѣлу правому, гнись, гнись передъ судьями.

Не прудно милости Юпитеру творить!

Ну что же, онъ спросилъ, хотите говорить?

И первый Попугай отвѣстствуетъ: „о Боже!

Что люди говорятъ, мы бредить будемъ то же.“

Погладивъ бороду, Зевесъ съ усмѣшкой рекъ:
„Ври, ври, мой Попугай, какъ будто чело-
вѣкъ!“

Скворецъ сказалъ: „слѣдѣвъ въ земные края,
Мы будемъ лепешать, что бредятъ Попугаи.“

Держащій громъ
Своею молніей, какъ будто бы перомъ,

Скрѣпилъ опредѣленье:
„Скворцу языкъ ломать дается дозволенье.“

Скворцы съ шѣхъ поръ
Свисяишь и мѣляишь вздоръ. —

Сорока, прыгая, коверкаясь, щебеча,
Просила для себя языка человѣча.

„Не трудно и тебѣ шу милость сотворить;
„Но ты, спросилъ Зевесъ, что будешь гово-
рить?“ —

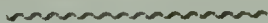
— Я спану намекашь однѣ потребности наши,
Сорочій былъ отвѣтъ:
Когда обѣда нѣтъ,

Дозволь ты мнѣ кричать: *Сорокъ каши!* —

„Кричи, нахмутивъ лобъ, супругъ Юнонинъ
рекъ —

И каши ты проси, какъ будто челоуѣкъ.

Но ежели примѣчу,
Вралиха старая! что дерзкимъ языкомъ,
Какъ будто наглые писатели перомъ,
Ты спанешь разсѣвать ругательства о комъ,
Я въ носъ тебя щелкну, и больно изувѣчу!“
Сороки! бойтесь Юпитеровыхъ грозъ;
Просите каши вы, но берегите носъ!

LXXXI.

М Е Т А Ф И З И К Ъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,

Что за море дѣшей учисься посылаютьъ,

И что шого, кпо за моремъ бывалъ,
Отъ небывалова и съ вида опличаютьъ.

Такъ чтобъ отъ прочихъ не опсашъ,

Отецъ немедленно рѣшилъся

Дѣшину за море послать,

Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.

Но сынъ глупѣ ворошилъся :

Попалъ на руки онъ школьнымъ тѣмъ вра-
лямъ,

Которые съ ума не разъ людей сводили,

Неизполкуемымъ давая полкъ вещамъ ;

И малова не научили,

А на вѣкъ дуракомъ пустили :

Бывало въ глупоспи онъ по проспу болталъ,

Теперь все свысока безъ полку полковалъ.

Бывало глупые его не понимали,

А нынѣ разумѣть и умные не спали.

Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его
сучалъ.

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи

О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:

Сыскалъ начало всѣхъ началъ ;

Когда за облака онъ думой возносился,

Дорогой шедши оступился,

И въ ровъ попалъ.

Отецъ, которой съ нимъ случился,

Скорѣе бросился веревку принести,
Премудросць изъ рва на свѣтъ произвести.

А думной между щѣмъ дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:

„Какая бытъ могла причина,
Что оступился я и въ этоу ровѣ попалъ?
Причина, кажется, тому землеприсенье;

А въ яму скорое стремленье,

Центральное влечение,

Воздушное давленье“ . . . .

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.

— Вотъ, говорѣтъ, тебѣ веревка; ухватишься.

Я пощащу тебя, держись. —

„Нѣтъ, погоди пацѣнь; скажи мнѣ напередъ,

Понесѣ студентъ обычной бредъ:

Веревка вещь какая?“

Отецъ его былъ неучень,

Но разсудителень, уменъ;

Вопросъ ученый оставляя,

Веревка вещь, ему описывалъ, такая,

Чтобъ ею вышацишь, кто въ яму попадетъ. —

„На этоу выдумать орудіе другое!

Ученый все свое несетъ:

А это что такое! . . .

Веревка! — вервѣ простое!“

— Да время надобно; отецъ ему на то:

А это хоть не ново,

Да благо ужъ гошово. —

„Да время что?“ . . .

— А время вещь такая,

Которую съ глупцомъ не спану я те-
рять;

Сиди, сказалъ отецъ, пока прійду опять. —

Что ешьяи бы вралей, и остальныхъ со-
братъ,

И въ яму къ этому въ товарищи по-
слашь?.....

Да яма надобна большая!

ХЕМНИЦЕРЪ.

LXXXII.

С В Е Р Ч К И.

Два обывателя столицы безвѣмянной,
Между собою земляки,
А націей Сверчки,
Избрали для себя кварширой поспоянной
Судейской домъ;
Одинъ въ передней жилъ, другой же въ каби-
нетъ,
И каждый день они видались пайкомъ.
„Нѣтъ лучше нашего хозяина на свѣтѣ!
Сказалъ товарищу Сверчокъ:
Какъ гнется, даромъ что высокъ!
Какая кротость въ немъ! какая добродѣтель!
И какъ прудолюбивъ! Я самъ тому свидѣ-
тель,
Какую кучу онъ записокъ отберетъ,
И что же? ни одной изъ нихъ не издеретъ;
А всѣ за нимъ тащатъ!“ — На произволъ
судьбины,

Товарищъ подхватилъ.

Дружокъ! ты видно вѣкъ въ прихожихъ толь-
ко жилъ,

И вмѣсто лицъ привыкъ разсматривать ли-
чины;

Не то бы ты сказалъ, узнавши кабинетъ!
Въ передней баринъ то, чѣмъ хочетъ онъ
казаться;

А здѣсь, какимъ родился въ свѣтѣ:
Богатому служишь, предъ сильнымъ пресмы-
каешься;

А до другихъ и дѣла нѣтъ!
Вопъ нашего ханжи и все тушъ уложенъ!
Оспавъ же лишнее къ нему ты уваженъ,

И въ обществѣ людскомъ,
Гдѣ многое тебѣ покажется превратнымъ,
Умѣй ты различать двухъ человекъ въ од-
номъ:

Параднаго съ 'приватнымъ."

ДМИТРИЕВЪ.

LXXXIII.

Я П О Н Е Ц Ъ.

Одинъ Японецъ молодой
 Былъ глухъ и слѣпъ, къ томужь нѣмой,
 Но, участію своею доволенъ,
 Имѣлъ все нужное, покоенъ былъ и воленъ.
 „Благодарю боговъ, не рѣдко мыслилъ онъ,
 „Что я въ Японіи живу благословенной!
 „Японцы такъ добры! чшутъ правду и за-
 конъ,

„И я всѣхъ чувствъ почти лишенной,
 „Еще блаженствую, и ими не забытъ:
 „Одѣтъ, обутъ и сытъ.“

Какой - то славный врачъ въ Японіи из-
 вѣстный, —

Не худо бы и намъ такихъ врачей имѣть, —
 Далъ бѣдному бальзамъ чудесный:
 Онъ началъ говорить и слышать и гля-
 дѣть.

Какое щастіе! вы скажете, конечно.

Но чтожь Японецъ нашъ узналъ?
 Товарищи его не стоили похвалъ,
 Другъ друга грабили они безчеловѣчно;
 Вездѣ безсильный былъ попоранъ,
 Въ судахъ коварство обитало,
 На торжищахъ обманъ,
 И словомъ, зло торжеспвовало.

„О ужасъ! юноша вскричалъ
 Съ прискорбіемъ души, съ сердечными сле-
 зами,
 Такихъ-ли гнусныхъ дѣлъ отъ васъ я ожи-
 далъ?

Что сдѣлалось, Японцы, съ вами?
 Куда ни оглянусь, въ странѣ несчастной сей
 Или безумецъ, или злодѣй!“

Слова его судьямъ пересказали,
 И потчасъ отданъ былъ приказъ,
 Чтобъ изъ отечества на вѣкъ его изгнали.
 „Японцы! онъ сказалъ, теперь я знаю васъ,
 И съ вами щастіе найти безъ спору можно;
 Но бышь уродомъ должно
 Безъ языка, ушей и глазъ.“

Пушкинъ.

КОТЪ, КРОЛИКЪ и ЛАСТОЧКА.

Случилось Кролику отъ дома оплутиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться
На шѣминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровѣ, спокоенѣ и на волѣ,
Попрыгавѣ, пощипавѣ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитѣ Кроличекѣ домой.
И что же? чуетѣ его не подкосились ноги!
Онѣ видитѣ: Ласточка разспавливаетѣ шамѣ
Своихѣ Пенатовѣ по угламѣ!
Во снѣ ли я, иль нѣшѣ? страннопрѣимны
боги!

Изгнанникѣ возопилѣ

Изѣ отеческаго дома.

„Что надобно? вопросѣ хозяйки новой былѣ.“
— Чтобѣ ты, сударини, безѣ грома
Скорѣи опсюда вонѣ, ей Кроликѣ отвѣчалѣ,
Пока я всѣхѣ мышей на помочѣ не призвалѣ! —
„Мнѣ выдти вонѣ? она вскричала, вонѣ пре-
красно!

Да что за право самовласно?

Кто далѣ тебѣ его? и стойшѣ ли войны
Нора, въ которую и самѣ ползкомѣ ты входишь?
Но пусть и царство будѣ; не всѣмѣ мы здѣсь
равны?

И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богѣ, создавши свѣтѣ, его размеже-
валѣ?

Богѣ создалѣ Ласточку, себя и Дромадера,

Часть III.

Р

А землембра

Опниудъ не создавалъ.

Ктожъ болѣ права далъ на эту десятину
Пепрушкѣ Кролику, племяннику, иль сыну
Филапа, Фефела; чѣмъ Карпу, или миѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служиѣ на
равнѣ;

Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка спала.“

Пепръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, *давность* — ихъ закономъ;
Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ
родъ

Безспорно, этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Опказанъ, справленъ былъ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его

Достался въ силу права
Тожъ сыну, именно миѣ Кролику Пепру;

Но естли думаешь, что вру,
Такъ отдадимъ себѣ на судъ мы Крысодава! —
А эпотъ Крысодавъ, сказать безъ многихъ
словъ,

Былъ пошпый, жирный Кошъ, мужъ свящъ
изъ всѣхъ Кошовъ,

Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣ-
та. —

„Съ охопой! Ласточка сказала.“ — И потомъ
Пошли они къ Кошу; приходящъ, бьющъ че-
ломъ,

И оба говорятъ: „Помилуй!“ — Разсуди-
те! . . . —

Поближе, дѣшущи! ихъ перервалъ судья;

Не слышу я,
Отъ старости спалъ глухъ; поближе подой-
дише. —

Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,

А онъ

Вдругъ обѣ лапы врознь, шарапъ шово, другова,

И въ мигъ ихъ примирилъ,

Не вымолвя ни слова:

Задавилъ.

Не пожелъ иногда бываешь съ Корольками,

Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ

Не могутъ примириться сами,

А прибѣгаютъ къ Королямъ?

Д м и т р и е в ъ.

Л И С И Ц А и С О Р О К А .

— Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
 Чѣмъ таки ты весь день изволишь говорить?
 Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала:
 Я чаю есть что переняшь,
 Когда ты станешь разсуждать. —
 „Все, что я говорю, Сорока опѣвчала,
 Относился къ тому, чтобъ истинну вещей
 Открывъ, другихъ наставлялъ въ ней.
 И такъ большимъ моимъ стараньемъ пред-
 успѣла,

Что я кого бы ни взяла,
 Отъ Жука до Орла,
 Яснявъ всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
 И толкъ дала.“

— Большое, говоришь Лисица, одолженіе
 Мнѣ было бы швое слышать наставленіе,
 Когда бы ты не въ прудѣ сочла. —
 Какъ иногда педантъ глубоко-изученный,
 Наукой и собой надутъ и зараженный,
 Готовясь преподашь спасительный урокъ,
 Сперва впередъ и взадъ кафедры зашагаетъ,
 И важно въ носовой свой шелковой платокъ
 Упрется, и потомъ ужъ слово начинаешь,
 Такъ точно на суку Сорока повершась
 И поученіе подашь расположась,
 Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
 И съ права носъ обѣ сукъ и съ лѣва подчи-
 щала;

Помомъ, принявъ ученый видъ,
 „Я рада, говоришь,
 Моимъ дѣлишься дарованьемъ.
 Пусть пользуется всякъ, и малой и большой,
 Открытымъ мнѣ познаньемъ.
 Послушай: о тебѣ самой
 Теперь я разсуждала:
 Ты вѣдь чепыре у себя
 Ноги до эшихъ поръ считала;
 А не чепыре ихъ, хоть спранны для тебя
 Покажешь; но знай, все, чѣмъ я ни сказала,
 Не доказавъ не оставляла.
 Послушай, и сама признаешься тогда:
 Примѣтила ли ты, когда
 Ты спутишь, то всегда
 Нога твоя въ движеніи;
 Когда же ты споишь въ покойномъ положеніи,
 То и нога твоя покоится тогда?
 Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
 А слушай, что теперь я буду выводить:
 Всегда, когда тебѣ случается ходить,
 То все нога твоя не по землѣ спускается?
 Примѣнь же ты свой хвостъ: когда нога ша-
 гнетъ,
 То съ нею пошъ и хвостъ подается твоей
 впередъ;
 И какъ нога твоя по шутъ, то тамъ бы-
 ваетъ,
 То такъ починехонько и хвостъ твой высту-
 паетъ;
 А изъ того теперь и нужно заключить,
 Что хвостъ твой пятою ногою долженъ
 быть;

И вонѣ, на чудное по видимости мнѣнѣ,
 При доказательствѣ тебѣ мое рѣшенѣ.
 Не образумившись отъ мудрыхъ словъ рѣчей,
 Лисица, пиящую поджавъ смиренно ногу,

Пошла, и всю дорогу
 Твердила: стало быть, не межъ однихъ людей
 Чѣмъ кто глупѣе,
 Тѣмъ нѣ доказательствъ сильнѣе.

Хемницеръ

LXXXVI.

СМЕРТЬ И УМИРАЮЩІЙ.

Одинъ охотникъ живъ, не старѣе славы,
 Предъ смертію дрожитъ и вопитъ,
 За чѣмъ она его порочитъ
 Въ распахъ оставитъ свѣтъ,
 Не давъ ему свершитъ, какъ водится, духов-
 ной,
 Не предвара его хоть за годъ напередъ,
 Что онъ умретъ.
 — Увы! онъ говоритъ, а я лишь въ подмо-
 сковной
 Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докрасъ!
 Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправитъ,
 И правнуковъ женишь! а шамъ . . . пивъ ужъ
 власъ!

Господь перекрестись и бѣлый свѣтъ оста-
вить. —

„Неблагодарный! Смерть отвѣщаетъ ему:
Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни
цвѣтѣ;

Тебѣ бы одному

Не умирать на свѣтѣ!

Найдешь ли двухъ въ Москвѣ, десятка даже
нѣтъ

Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.

Ты думаешь, что я должна бы приготовить
Заранѣ тебя къ свиданію со мной:

Тогда бы ты успѣлъ красивый домъ достроить,
Духовную свершить, заводъ поправить свой,
И правнуковъ женить; а развѣ мало было
Навѣшокъ отъ меня? Не ты ли посѣдѣлъ?
Не ты ли спалъ ходишь, глядишь и слышаешь
хило?

Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ осла-
бѣлъ,

Увянулъ цвѣтъ ума, и память прищипилась,
Годъ отъ году хладѣла кровь;

Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя по-
милась,

И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.

Съ которыхъ лѣтъ уже опивсюду поражаетъ
Тебя печальна вѣсть: томъ сверстникъ уми-
раетъ,

Томъ умеръ, этотъ занемогъ

И на одрѣ мученья?

Какогожъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья?

Короче: я уже ступила на порогъ,

Забудь и горе и веселье;

Исполни мой уставъ!“

Сказала, и Спарикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не доспроя домъ, попалъ на новоселье!

Смерть права: во сто лѣтъ опсрочки поздно
ждашь;

Да какъ бы въ старости спраться уми-
рать?

Доживѣ до позднихъ дней, мнѣ кажется,
изъ міра

Такъ должно выходитьъ, какъ гость опхотивъ съ пира,

Ошдавѣ за хлѣбѣ и соль хозяину поклонѣ.

Пуши не миновать, кѣ чему жъ послужитъ
стонъ?

Ты сѣшуешь, старикъ! взгляни на рашно
поле,

Взгляни на юношей, на эптоѣ милый цвѣтъ,
Которые лешящѣ на смерть по доброй волѣ,

На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ
нѣтъ,

На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часіо тяжкую, при томѣ неизбѣжиму!

Да что! я для глухихъ обѣдию вздумалъ
пѣть:

Полмертвый пуще всѣхъ боится умереть!

ДМИТРИЕВЪ.

LXXXVII.

Н Е В Ъ С Т А.

Невъста - дѣвушка смыслила жениха.

Тутъ нѣтъ еще грѣха;

Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.

Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ,
умѣнъ,

И въ ленпахъ, и въ чеспи, и молодъ былъ
бы онъ.

(Красавица была немножко прихотлива.)

Ну, чтобы все имѣлъ; ипожъ можешь все
имѣть?

Еще и по замѣтъ:

Чтобы любить ее, а ревновать не смѣтъ.

Хоть чудно, только такъ была она сча-
слива,

Что женихи, какъ на отборъ,

Презнашныя капили къ ней на
дворъ;

Но въ выборъ ей и вкусъ и мысли стойки:

Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;

А ей они на взглядъ

Не женихи, а женишонки!

Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ!

Тотъ не въ чинахъ, другой безъ ор-
деновъ,

А тотъ бы и въ чинахъ, да всѣ кар-
маны пусты!

То носъ широкъ, то брови густы;

Тутъ эдакъ, тамъ не такъ;

Ну, не придетъ ни́къ по мысли ей никакъ.
 Посмолкли женихи — годка два перепали,
     Другіе новыхъ свахъ заслали;
 Да полько женихи средней ужь руки,
     „Какіе дураки!

Твердишь красавица, по нихъ ли я невѣ-
     ста!

Ну, право ихъ зашби не умѣ-
     ста,

И не такихъ я жениховъ
 Съ двора съ поклономъ прово-
     дила;

Пойдуль я за кого изъ этихъ чудаковъ!
 Какъ будшобъ я себя замуштвомъ поро-
     пила!

Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела.
 День весела — и ночь я право сплю спо-
     койно;

Такъ за мужъ кинуться совсѣмъ мнѣ не-
     приспойно.“

Толпа и эта уплыла.

Потомъ опказы слыша тѣ же,
 Ужь спали женихи наверхъ вѣсь рѣже.
     Проходитъ годъ,
     Никто нейдѣтъ.

Еще минуль годокъ — еще уплыль годъ
     цѣлой;

Вопѣ наша дѣвушка ужь спала дѣвой зрѣлой.
     Начнешъ считать своихъ подругъ:
     (А ей считашъ большой досугъ)

Та за мужемъ давно, другую сговорили;
     Ее какъ будто позабыли.

Закралась грусть въ красавицыну грудь.

Посмотришь — зеркало докладывать ей спало,

Что каждый день, а чтонибудь

Изъ прелестей ея лихое время крало.

Сперва румянца нѣтъ, тамъ живоспи въ
глазахъ;

Умильны ямочки пропали на щекахъ,

Улыбки, рѣзvosпи какъ будто ускользнули, —

Тамъ волоска два при сѣдѣе проглянули.

Бѣда со всѣхъ сторонъ:

Бывало безъ нее собранье непрелестно,

Опѣ пѣвниковъ ея вокругъ ней бывало тѣсно;

А нынѣ? — Ахъ! ее зовутъ ужъ на боспонъ.

Вотъ путь спѣсивица перемѣняетъ тонъ:

Разсудокъ ей великъ замужствомъ поро-
ниться;

Перестаетъ она гордиться;

Какъ женщина на насъ ни изкоса глядитъ,

А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.

Соскуча жизнь веспи унылу, одинаку,

Красавица ко браку,

Короче путь взяла,

И рада, рада ужъ была,

Что вышла за кадку.

Рыловъ.

LXXXVIII.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили
И кушали и пили.

Соскучился одинъ все видѣвъ шожь да шожь,
Задумалъ погулять и другу въ томъ открылся;
Тому вѣстѣ эта острый ножъ,
Онъ вздрогнулъ, прослезился
И къ другу возопилъ:

— Помилуй, братацъ! чѣмъ меня ты поразилъ?
Легколь въ разлукъ бышь? . . . тебѣ легко, же-
спокой!

Я знаю; ахъ! а мнѣ . . . я съ горести глу-
бокой

И дня не проживу . . . къ тому же разсуди,
Такая ли пора, чтобъ въ странствіе пускашь-
ся?

Хоть до Зефировъ ты, голубчикъ, погоди!
Къ чему спѣшишь? еще успѣемъ мы раз-
спаться!

Теперь лишь воронъ прокричалъ,
И безъ сомнѣнїя — спрашуся я безмѣрно —
Какой нибудь изъ птицъ напастъ онъ пред-
вѣщалъ,

А сердце въ горести и пуще имовѣрно!

Когда разспанусь я съ тобой,
То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:

То яспрёбомъ лихимъ, по люпыми стрѣла-
ками;

То коршунами, по силками —
Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
Ахъши мнѣ! я скажу вздохнувши, дождь
идетъ!

Здоровъ ли-то, мой другъ? не перпитъ ли
онъ холодъ?

Не чувствуешь ли голодъ!

И мало ли чего не вздумаю тогда?“
Безумцамъ умна рѣчь какъ въ ручейкѣ вода:
Журчитъ и мимо протекаетъ.
Замѣйникъ слушаетъ, вздыхаетъ,
А все-таки лепѣть желаетъ.

„Нѣтъ, братецъ! такъ и бытъ, сказалъ онъ,
полечу:

Повѣрь, что я тебя крушинъ не захочу;
Не плачь, пройдетъ дни три, и буду я съ
побою

Клевать

И ворковать

Опять подъ кровлею одною;
Начну рассказывать тебѣ по вечерамъ —
Вѣдь все одно да тожъ приговорился намъ —
Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ
худо;

Скажу: я тамъ-то былъ, такое видѣлъ
чудо,

А тамъ случилось то со мной,

И ты, дружочикъ мой,
Наслушавъ меня, такъ свѣдуешь будешь къ
лѣшу,

Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣшу.
Простижъ!“ — При сихъ словахъ

На мѣсто всѣхъ *увы!* и *ахъ!*
 Друзья взглянулись, поклевались,
 Воздохнули и разсѣлись.
 Одинъ носокъ повѣся сѣлъ,
 Другой вспорхнулъ, взвился, лешитъ, лепитъ
 стрѣлою,
 И вѣрнобъ сгоряча край свѣта залетѣлъ;
 Но вдругъ покрылось небо мглою,
 И прямо страннику въ глаза
 Изъ тучи ливный дождь, градъ, вихрь, свая-
 запъ вамъ словомъ,
 Со всею свисою, какъ водился гроза.
 При случаѣ шакомъ опасномъ, хоть не но-
 вомъ,
 Голубчикъ поскорѣй сѣдился на сучокъ;
 И радъ еще тому, что только лишь измокъ.
 Гроза утихнула, Голубчикъ обсушился,
 И въ пущь опять пустился;
 Лешитъ, и видитъ сѣ высока
 Разсыпано пшено, а возлѣ Голубка!
 Сѣдился, и въ минушѣ
 Запущался въ сѣти; но сѣть была худа,
 Такъ онъ прѣшивъ еѣ поскомъ вооружился;
 То имъ, то ножкою шянувъ, шянувъ — пре-
 бился
 Изъ сѣти безъ вреда,
 Сѣ упрямою первевъ лишь, но этакъ ли бѣда?
 Ко прибавленью страха
 Явился вдругъ соколъ и со всего размаха
 Напалъ на бѣдняка,
 Который, какъ злодѣй, опутанъ кандалами
 Тащилъ сѣ собой снурокъ сѣ обрывками силка.
 Но къ счастью тушъ орелъ сѣ широкими кры-
 ламъ

Для встрѣчи сокола спустился съ облаковъ;
 И такъ, благодаря стеченію воровъ,
 Нашъ пушникъ соколу въ добычу не достался;
 Однако все еще съ бѣдой не развязался:
 Леща отъ сокола, отъ страха или такъ,
 Насунулся избы на уголъ какъ дуракъ,
 И вывихнулъ крыло; потомъ въ него маль-

чишка —

Знашь голубиный былъ и въ томъ еще умищ-

ка —

Кирпичъ иль камешекъ луннулъ
 И такъ его зашибъ, что чуть онъ опдох-

нулъ.

Потомъ. . . . потомъ, проклявъ себя, судьбу,
 Дорогу,

Рѣшился брести назадъ, полмершвый, пол-

храмой,

И прибылъ наконецъ калекою домой,

Таца свое крыло и волочивши ногу.

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ!
 Хошитель спрансповашъ? забудьте гордый

Нилъ

И далъ ближняго ручья не разлучайтесь;

Чѣмъ любовались вамъ? другъ другомъ восхи-

щайтесь;

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый

часъ

Прекрасный, новый міръ, всегда разнообраз-

ный;

Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца

праздный?

Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для

васъ.

Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенной,
 Присущствіемъ моей любезной озаренной,
 Я не хотѣлъ бы взятьъ ни мраморныхъ па-
 лашъ,
 Ни царства въ небесахъ! . . . Придешель вы
 назадъ:
 Минушы радостей, минушы восхищеній!
 Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
 Ужежь прошла пора сноль милыхъ обольщеній,
 И полно мнѣ любить?

ДМИТРИЕВЪ.

Конецъ третьей Частн.

-
or
t,

